Главный редактор
Л. В. Шкваря, д-р экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: destard@rambler.ru

Заместитель главного редактора
С. Ю. Муртузалиева, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Председатель редакционного совета
А. В. Шишкин, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры маркетинга Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Редакционный совет
Р. С. Гринберг, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Москва, Россия
E-mail: grinberg@inecon.ru
М. В. Кулаков, д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: mkulakov39@yandex.ru
Н. Н. Неновски, д-р экон. наук, профессор Университета Пикардии имени Жюля Верна, член Правления Болгарского национального банка, Амьен, Франция,
E-mail: nenovsky@gmail.com
А. А. Праневич, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе Белорусского Государственного экономического университета, Минск, Беларусь
E-mail: pranevich@bseu.by
В. А. Шлямин, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института североевропейских исследований Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия
E-mail: shlyamin@petrsu.ru
Б. Д. Хусаинов, д-р экон. наук, профессор, академик Казахстанской национальной академии естественных наук, Алматы, Казахстан
E-mail: bkhusainov@gmail.com
Хэ Минцзюнь, канд. экон. наук, старший преподаватель Куньминского университета науки и техники, Куньмин, КНР
E-mail: sldj2005@163.com
О. А. Ястребов, д-р экон. наук, профессор, ректор Российского университета дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: rector@rudn.ru

Chief Editor
L.V. Shkvarya, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: destard@rambler.ru

Deputy Editor-in-Chief
S. V. Murtuzalieva, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Chairman of the Council
A. V. Shishkin, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the Marketing Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Editorial Council
R. S. Grinberg, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: grinberg@inecon.ru
M. V. Kulakov, D. Sc. (Economics), Professor, Head of the Laboratory Studying Social and Economic Problems of Developing Countries, of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: mkulakov39@yandex.ru
N. N. Nenovsky, D. Sc. (Economics), Professor of the University of Picardie Jules Verne, Member of the Board of the Bulgarian National Bank, Amiens, France
E-mail: nenovsky@gmail.com
A. A. Pranevich, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus
E-mail: pranevich@bseu.by
V. A. Shlyamin, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Nordic Studies, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
E-mail: shlyamin@petrsu.ru
B. D. Khusainov, D. Sc. (Economics), Professor, Academician of the Kazakhstan National Academy of Natural Sciences, Almaty, Kazakhstan
E-mail: bkhusainov@gmail.com
He Mingjun, PhD (Economics), Senior Lecturer of the Kunming University of Science and Technology, Kunming, China
E-mail: sldj2005@163.com
O. A. Yastrebov, D. Sc. (Law, Economics), Rector of the RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: rector@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Р. Бяшарова, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: byasharova.ar@rea.ru
Т. В. Воронина, д-р экон. наук, доцент, заведующая кафедрой «Мировая экономика и международные отношения» Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: tvoronina@sfedu.ru
Н. В. Захарова, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: zakharova.nv@rea.ru
С. В. Иванова, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ivanova.sv@rea.ru
Л. Констанц, д-р экон. наук, профессор, Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Киргизия
E-mail: konstants_l@auca.kg
Т. И. Кузьмина, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: kuzmina.ti@rea.ru
Л. Ф. Лебедева, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель центра социально-экономических исследований Института США и Канады РАН, Москва, Россия
E-mail: liudran@mail.ru
Д. В. Муха, канд. экон. наук., доцент, директор ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», Минск, Беларусь
E-mail: mukha@economics.basnet.by
Г. В. Подбиралина, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: podbiralina.gv@rea.ru
И. А. Родионова, д-р геогр. наук, профессор, главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия
E-mail: iarodionova@mail.ru
А. В. Рыжакова, д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры товароведения и товарной экспертизы Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ryzhakova.av@rea.ru
Е. Д. Фролова, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры международной экономики и менеджмента Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

EDITORIAL BOARD

A. R. Byasharova, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: byasharova.ar@rea.ru
T. V. Voronina, D. Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the World Economy and International Economic Relations Department of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tvoronina@sfedu.ru
N. V. Zakharova, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: zakharova.nv@rea.ru
S. V. Ivanova, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: ivanova.sv@rea.ru
L. Konstants, D. Sc. (Economics), Professor of the American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic
E-mail: konstants_l@auca.kg
T. I. Kuzmina, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: kuzmina.ti@rea.ru
L. F. Lebedeva, D. Sc. (Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Social and Economic Research Center of the Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: liudran@mail.ru
D. V. Mukha, PhD (Economics), Associate Professor, Director of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: mukha@economics.basnet.by
G. V. Podbiralina, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: podbiralina.gv@rea.ru
I. A. Rodionova, D. Sc. (Geography), Professor, Chief Researcher of JSC Central Research Institute "Electronics", Moscow, Russia
E-mail: iarodionova@mail.ru
A. V. Ryzhakova, D. Sc. (Technology), Professor, Professor of the Commodity Science and commodity Examination Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: ryzhakova.av@rea.ru
E. D. Frolova, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the Department of International Economics and Management of the Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

Содержание

Мировое хозяйство, международные экономические отношения

Кожевников К. И. Анализ концепций постглобализации и этапов эволюции ее исследования …… 5
Коломейцева А. А. Свободные экономические зоны: фокус на устойчивое развитие……... 16
Сизова Д. А. Анализ и оценка перспектив формирования добавленной стоимости высокотехнологичных отраслей в глобальной экономике…… 28

Международная торговля

Линь Шэнфу, Давидсон Н. Б. Развитие российско-китайской торговли энергетическими ресурсами в условиях экономических санкций ЕС и США …….... 42
Петров Е. С., Николаева Е. А., Глинская М. В. Перспективы развития экономики и внешней торговли Ирана: прогнозные оценки на основе математического моделирования…….. 59
Козырев А. С. ЕАЭС и ИРАН: состояние, проблемы и перспективы внешнеторгового сотрудничества…… 74

Цифровизация и цифровая экономика

Барини Хусам. Цифровая трансформация: концептуальные основы и формирование подходов научной трактовки…… 94
Родникова О. Ю., Чараха Бэр А. Р. Цифровая экономика и цифровая трансформация: особенности мировых структурных процессов …… 104
Бирюков Е. С. О корректировке социально-экономической модели Саудовской Аравии…….. 114

Экономическая интеграция

Тарасов А. Г. ЕАЭС: анализ проблем взаимной торговли в условиях деглобализации …… 134
Шкваря Л. В. Расширение БРИКС и новые возможности партнерства: макроэкономический анализ ……..... 146
Глебова А. Г. Экосистемный подход к формированию единого института развития на примере стран БРИКС …… 168

Contents

World Economy, International Economic Relations

Kozhevnikov K. I. Analysis of Postglobalization Concepts and Stages of Evolution of Its Research ….. 5
Kolomeytseva A. A. Special Economic Zones: a Focus on Sustainable Development Abstract…… 16
Sizova D. A. Analysis and Assessment of Added Value Formation Prospects of High-Tech Industries in the Global Economy……. 28

International Trade

Lin Shengfu, Davidson N. B. Development of Energy Trade Between Russia and China Under EU and US Economic Sanctions …… 42
Petrov E. S., Nikolaeva E. A., Glinskaya M. V. Prospects for the Development of Iran's Economy and Foreign Trade: Forecast Estimates Based on Mathematical Modeling …… 59
Kozyrev A. S. EAEU and Iran: Current State, Problems, and Prospects of Foreign Trade Cooperation ……..... 74

Digitalization and the Digital Economy

Barini Husam. Digital Transformation: Conceptual Foundations and Formation of Scientific Interpretation Approaches ……..... 94
Rodnikova O. Yu., Charaja Bär A. R. Digital Economy and Digital Transformation: Features of Global Structural Processes……..... 104
Biryukov E. S. Correction of Socio-Economic Model of Saudi Arabia……..... 114

Economic Integration

Tarasov A. G. The EAEU: Analysis of the Problems of Mutual Trade in the Context of Deglobalization …… 134
Shkvarya L. V. BRICS Expansion and New Partnership Opportunities: Macroeconomic Analysis…….. 146
Glebova A. G. The Ecosystem Approach to Establishing a Unified Development Institution: the Case of Brics Countries ……. 168

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА
Т. 10, № 4 (40) 2024

Ответственный секретарь **Е. В. Золотова**

Редактор **Т. Л. Савельева**
Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**

Адрес редакции:
109992, Москва,
Стремянный пер., 36.
Тел. **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**
E-mail: **mttp@rea.ru**

Подписано в печать 20.12.2024.
Формат 60 x 84 1/16.
Печ. л. 11,5
Усл. печ. л. 16,1.
Уч.-изд. л. 13,05.
Тираж 1 000 экз.
Заказ .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
115054, Москва,
Стремянный пер., 36.

INTERNATIONAL TRADE AND TRADE POLICY
Vol. 10, № 4 (40) 2024

Executive Secretary **E. V. Zolotova**

Editor **T. L. Savel'eva**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane,
109992, Moscow.
Tel.: **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**
E-mail: **mttp@rea.ru**

Signed for print: 20.12.2024.
Format 60 x 84 1/16.
Printed sheets 11,5
Conv. sheets 16,1.
Publ. sheets 13,05.
Circulation 1,000.
Order
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane,
109992, Moscow.

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-5-15

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЭТАПОВ ЭВОЛЮЦИИ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. И. Кожевников
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

В последнюю четверть века в научной литературе и мировой практике и политике все более актуализируются исследования и обсуждение феномена, получившего название постглобализация, затрагивающего все страны мира и формирующего новые подходы к глобальному социально-экономическому развитию, которые призваны обеспечивать его устойчивость в долгосрочном периоде. Исследование постглобализации имеет не только теоретический срез и не ограничивается задачами дальнейшего развития экономической теории как нового мейнстрима. Постглобализация как общемировой процесс, понимание ее характеристик, принципов, общих и частных механизмов могут обеспечить на практике новые возможности для дальнейшего движения вперед отдельных государств, включая развивающиеся. При этом изменение роли отдельных государств и их групп в мировых политических, экономических, социальных, культурных, технических и других алгоритмах обеспечит защиту культурной идентичности, национальной безопасности, рост и развитие. Страны с развивающимися рынками особенно заинтересованы в этом, так как стремятся к сокращению политизации и гегемонии, уничтожению сохраняющихся в условиях глобализации неоколониалистических механизмов и инструментов, широко применяемых Глобальным Севером. В статье предпринята попытка проанализировать и систематизировать теоретические подходы антиглобалистов, как отечественных, так и зарубежных, прежде всего западных, к разработке направлений постглобального мира и механизмов его обеспечения. Представлена авторская этапизация эволюции термина «постглобализация» как следствия тех или иных трактовок реальной действительности в различные периоды времени. В то же время автор приходит к выводу о том, что сегодня отсутствует единый подход к пониманию постглобализации как в целом, так и в ее элементах и направлениях, что обеспечивает необходимость и возможность дальнейшего развития исследований.

Ключевые слова: глобализация, мировое развитие, международные экономические отношения, мировое управление, антиглобалисты.

ANALYSIS OF POSTGLOBALIZATION CONCEPTS AND STAGES OF EVOLUTION OF ITS RESEARCH

Konstantin I. Kozhevnikov
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

In the last quarter of a century, research and discussion of the phenomenon called postglobalization, affecting all countries of the world and forming new approaches to global socio-economic development, which are designed to ensure its sustainability in the long term, have become increasingly relevant in the scientific literature and world practice and politics.

The study of postglobalization has not only a theoretical cross-section and is not limited to the tasks of further development of economic theory as a new mainstream. Understanding of post-globalization as a global process, its characteristics, principles, general and particular mechanisms can provide in practice new opportunities for further progress of individual States, including developing ones. At the same time, changing the role of individual states and their groups in global political, economic, social, cultural, technical and other algorithms will ensure the protection of cultural identity, national security, growth and development. Emerging market economies are particularly interested in this, as they seek to reduce politicization and hegemony, and destroy the neo-colonialist mechanisms and tools that persist in the context of globalization, widely used by the Global North. The article attempts to analyze and systematize the theoretical approaches of anti-globalists, both domestic and foreign, primarily Western, to the development of directions of the post-global world and mechanisms for its provision. The author presents stage-by-stage evolution of the term "postglobalization" as a consequence of various interpretations of reality in different periods of time. At the same time, the author comes to the conclusion that today there is no unified approach to understanding postglobalization as a whole, as well as its elements and directions, which ensures the need and possibility of further development of research.
Keywords: globalization, world development, international economic relations, world governance, anti-globalists.

Введение

Сформированная после Второй мировой войны (преимущественно в Бреттон-Вудсе) глобальная система институтов и принципов осуществления международных экономических отношений соответствовала интересам стран мира, особенно если учесть, что тогда сохранялась мировая колониальная система. Так, первоначально Устав ООН подписали всего 50 государств[1], а Декларацию Объединенных Наций подписали в 1942 г. СССР, Китай, США и Великобритания.

По мере распада мировой колониальной системы и все более полного осознания своих национальных интересов и необходимости их защиты странами – бывшими колониями, с одной стороны, и нарастания противоречий между западными государствами, а также ими и развивающимися странами, с другой стороны, возникли разногласия и даже конфликты интересов, особенно в 1970-е гг., приведшие к необходимости их трансформации. Одним из первых это отметил Р. Кокс, впоследствии заложивший концептуальные основы антиглобализма как теории международных отношений [14]. Отечественные исследователи в XX и XXI вв. также неоднократно подвергали критике в своих трудах идеи глобализма как объективные и исторически неизбежные [7; 13].

Результаты исследования

Первые идеи постглобализации были заложены западными исследователями после распада мировой социалистической системы и разрушения тех институтов развития (или сдерживания), которые обеспечивали возможность различным государствам (и прежде всего двум ведущим

[1] UN member-states. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/member-states

блокам стран) поддерживать консенсус, учитывать интересы друг друга и своих союзников в международных отношениях, включая их экономический сегмент. Во втором и третьем послевоенных десятилетиях имели место неэкономические виды борьбы, в том числе санкции, применяемые против СССР западными «партнерами» [8], началась холодная война, Карибский кризис, т. е. установленный мир оказался достаточно «худым», что неоднократно отмечалось советскими исследователями.

При этом небольшое количество антиглобалистских подходов «тонуло» в огромной массе обоснования проглобалистских идей, в том числе Х. Зиберта и Х. Клодта, введших термин «глобализация» в научный оборот [23], нобелевских лауреатов, включая Дж. Бьюкенена, Р. Солоу, Д. Норта, Дж. Стиглица [10], объяснявших ее положительные эффекты, других видных экономистов, особенно Ф. Фукуямы [12], а также международных организаций, например, МВФ[1]. Отечественные авторы также достаточно активно продвигали идеи глобализации, их объективный характер и позитивные последствия для мировой системы и отдельных стран [3].

Р. Кокс утверждал, что после завершения холодной войны были разрушены механизмы стабилизации и консенсуса как базы международных отношений, которые стали основываться только на силе любого рода, доминировании (одних) и подчинении (остальных), а объясняющая эту точку зрения теория, по сути, ангажирована. Сформировавшаяся гегемония вызывает мировые противоречия. Но «…мир эволюционирует, и будущее не будет похоже на прошлое» [15. – P. 262]. Он рассматривал три сценария: новую форму гегемонии посредством коалиции; отказ от гегемонии путем возвращения к неомеркантилистской модели производства, ориентированной на страну; контргегемонию, основанную на коалиции Третьего мира. Он видел зарождение контрдвижения против глобализации и будущий переход к альтернативному порядку, а также определил возможные способы этого перехода.

При этом Р. Кокс утверждал, что финансовая глобализация – это «…Наиболее вероятный способ, которым существующий мировой порядок может начать рушиться. А новый финансовый механизм, который позволил бы перехватить инициативу и выйти за рамки либеральной экономики и отделить ее от политики, возвратив в экономику принципы равенства и солидарности» [16. – P. 311], представляется ему неизбежным.

По мнению Кокса, сторонники глобализации стремятся создать цивилизацию, движимую передовыми формами капитализма и потребительства. В свою очередь против такой унификации мирового порядка выступает гражданское общество, стремящееся к плюралистическому миру, состоящему из несколько цивилизаций, отражающих разнообразие матери-

[1] Globalization: Threat or Opportunity? By IMF Staff. – 2000. – April 12 (Corrected 2002, January). – URL: https://web.archive.org/web/20170818185451/http://www.imf.org/external/np/ exr/ib/2000/041200to.htm#II

альных условий, исторических, эмпирических, ментальных и различных устремлений, которые преобладают среди народов мира и повышают уровень участия граждан в регулировании глобальных процессов [17].

Теория Р. Кокса, достаточно глубоко прорабатывавшаяся на протяжении более чем четырех десятилетий (что позволяет говорить о его идеях как о довольно стройной и последовательной системе научно обоснованных теоретических взглядов), вызвала значительный интерес на Западе [21], но, к сожалению, осталась малозамеченной в России, хотя упоминания о ней имеются [6]. При этом неприятие глобализации, начиная с 2008 г., в отечественной экономической научной литературе только нарастало [11].

Вместе с тем вначале на Западе теория Кокса подвергалась серьезной критике, а затем нашла заметное число последователей [24], включая и его соавторов. Кстати, он обратил внимание и на такой негативный аспект глобализации, как хищнический подход к ископаемым ресурсам и рост экологических проблем. Но он был далеко не единственным, кто высказывался о непреодолимых противоречиях глобализации, а также не только о необходимости и возможности, но и неизбежности смены глобализационного мирового порядка.

Стоит отметить воззрения Э. Хеллейнера, который уточнил негативную роль глобальной финансиаризации. Он выделяет проблемы, связанные с глобализацией, такие как обострение международной конкуренции, усиление международной миграции капитала (отток капитала из развитых экономик) и низкий кредитный рейтинг правительств, формирование которого присвоено финансовыми институтами, рост государственного долга и дефицита, а также отмечает, что в этих условиях принцип всеобщего социального обеспечения, который раньше казался таким важным, практически перестал быть предметом дискуссий, так как в последнее время всеобщие социальные программы умирают на фоне глобализации. Обостряются демографические проблемы и дисбалансы при стремлении глобального центра сохранить свои позиции в мире. Эти и другие процессы не могут найти своего решения в условиях глобализации, но найдут после ее завершения.

Особый вклад в развитие рассматриваемых идей внес М. Вотерс, обосновавший появление постглобализации как результат возросшей зависимости стран мира и субъектов хозяйствования от развития и распространения Всемирной паутины с соответствующими киберугрозами. Соответственно, безопасность субъектов хозяйствования снижается, увеличиваются разрывы в развитии, в том числе связанные с виртуализацией глобальной Паутины. По Вотерсу, постглобализация уже наступила, но связана она скорее с новыми техническими возможностями и ростом зависимости в мире. Другими словами, если Кокс, Хэллейнер и другие утверждали, что произойдет распад глобальных связей, то Вотерс, наобо-

рот, говорил, что они только усилятся на этапе постглобализации, хотя результат будет далеко не позитивным для всех.

При этом. по мнению П. Кругмана, глобализация в качестве результата генерирует разрывы в уровне социально-экономического развития стран, географически размещенных в различных локациях.

Таким образом, на первом этапе – последняя четверть XX в. и до глобального финансово-экономического кризиса 2008 г. – понятие постглобализации не имело определения, а представлялось учеными как набор характеристик и особенностей, преимущественно негативных, присущих глобализации, прежде всего как гегемонизм. При этом обосновывались идеи о том, что дальнейшее существование, а там более развитие этой системы нежизнеспособно в долгосрочной перспективе и подлежит обязательной трансформации в новый этап мирового порядка, понимаемого как неглобализация. Эти концептуальные подходы не стали мейнстримом в научной мысли, так как противоречили распространявшейся практике транснационального политического терроризма.

На втором этапе, разделом которого стал 2008 г., отмечается усиление глобального доминирования США в финансовой, политической, ресурсной (доступ к ресурсам для стран мира), торговой и других сферах. Это вызвало серьезные обсуждения постглобализации как уже о наступившей реальности. Так, А. Л. Сафонов фиксирует неуправляемость и непредсказуемость глобализации, рост хаотизации в мире, в международных отношениях и поэтому снижение возможности обеспечения национальной безопасности. Рост нестабильности, угроз, военных конфликтов, транснационального политического терроризма и других вызовов и рисков в конечном счете – проблема для всех. Развитие определений и концепций постглобализиации (деглобализации) – это скорее эмпирические исследования и попытки обобщения существующих подходов.

На третьем этапе, который датируется началом антироссийских санкций, существенно изменивших глобальную экономическую систему, делаются попытки реального формирования абриса новой постглобальной мировой системы в различных сферах и регионах прежде всего в направлении формирования новой интеграции на основе региональных анклавов глобальности, усиления деятельности таких структур, как БРИКС, ШОС, экономического, транспортного и других направлений хозяйственного сотрудничества в рамках вектора «Юг – Юг».

Результаты этапизации концептуальных подходов к пониманию категории «постглобализация» представлены в таблице.

Резюмируя вышеизложенное и существующие дискуссии, можно утверждать, что процесс деглобализации однозначно имеет место, не носит временной характер и постепенно приведет к фундаментальной трансформации глобализационных инструментов, целей и задач.

Концепции постглобализации и этапы их развития

Источник	Определение	Ключевые тезисы
1	2	3
Первый этап – с 1970-х гг. до 2007 г. (до глобального финансового кризиса)		
Р. Кокс [14–17]	Автор не дает определения, но говорит о неизбежности фундаментальных изменений в мировом порядке	Разрушение консенсуса между странами и гегемонизм как основа нарастания антагонистических противоречий между субъектами хозяйствования, а также неизбежное изменение мирового порядка в пользу мирового большинства
Е. Хеллейнер [19]	Автор не дает определения, но акцентирует внимание на мировой финансовой структуре как механизме глобализации, наносящей ущерб мировому большинству	Выделяет многочленные проблемы глобализации, т. е., по сути, рассматривает глобальные проблемы как неизбежный и прямой результат глобализации, а также невозможность их решения в рамках глобализированного миропорядка
А. Гидденс [18]	Автор не дает определения, но обосновывает неприятие наднациональной власти в перспективе	Объективное стремление стран и народов к культурной идентичности, восстановлению национальной политики, защите прав
Дж. Стиглиц [25]	Провал неолиберальной модели глобализации	Детальная критика неолиберальной глобализации, анализ и обоснование провала этой модели, широко применяемой «центром» и международными организациями на основе идей Вашингтонского консенсуса
М. Вотерс [26]	Автор не дает определения, но акцентирует внимание на росте глобальной зависимости, в том числе в виртуальной сфере (т. е. на технологической основе)	Обосновывается качественная трансформация глобализации в постглобализацию (как новую реальность) на основе роста зависимости стран мира и субъектов хозяйствования от киберпространства и виртуализации хозяйственной деятельности), так как капитал становится все более безразличным к географии
Второй этап 2008 г. – 2014 г.		
П. Кругман [20]	Определение отсутствует, но акцентируется внимание на глобализации как механизме наднационального регулирования	Глобализация – это неконтролируемый процесс, неуправляемый и непредсказуемый, в котором география оказывает влияние на социально-экономический прогресс. Глобальное управление превращается в мировую проблему и становится причиной дестабилизации финансовых рынков
И. Валлерстайн [2]	Формирование многополярного мира и отход от принципов и установок неолиберализма	Сохранение целостности и устойчивости общества, обеспечение его воспроизводства возможно только на пути сохранения нации и национально-культурной идентичности

Окончание табл.

М. Орр [22]	Нет определения, но обосновывается неуправляемость глобализации и возникновения многочисленных и разнообразных угроз	Рост вызовов, рисков и угроз для всех при сокращении возможности национального регулирования, т. е. провал либеральной глобализации как системы требует качественно новых подходов ее воссоздания, таких как предотвращение распространения неолиберальной глобализационной повестки, распад общества как единой социальной системы
А. Л. Сафонов [9]	Нет определения, но сформированы подходы к пониманию неоглобализации как начавшегося процесса	Разрушая границы и барьеры, глобализация активизирует не столько смешение и интеграцию, сколько дивергентные процессы структурообразования и социогенеза, порожденные выходом финансовых и ресурсных потоков из ведения национального государства, а также обесцениванием связанной с ним системы социальных статусов и ролей
Третий этап (современный) 2014–2023 гг.		
Ю. Асочаков [1]	Появление довольно неясного по содержанию понятия «постглобализация» служит симптомом того, что мы на пороге перехода к новой доктрине будущего развития современного мира, хотя и не совсем понимаем направление и смысл этого развития	Понятие постглобализация разграничивает глобализацию во времени и пространстве делая более видимой линию разлома неолиберальной модели
Д. В. Иванов [4]	Вместо глобальной современности, глобальной социальности наблюдаемые тенденции изменений привели к образованию анклавов глобальности, где новая, обогащенная социальность создается сетями и потоками, и к нарастанию разрывов между этими анклавами и остальными территориями и сообществами, где даже привычная социальность индустриальной эпохи становится истощенной	Анклавы глобальности как новая реальность, суперурбанизация, цифровизация
О. А. Калугин [5]	Под постглобализацией понимается не какая-то формация или мировой порядок, а временные рамки, период, который возникнет после глобализации. Постглобализация не объясняется вопросом «что». Она проявляется в вопросе «когда»	Постглобализация – это не завершение мировых процессов, а смена их вектора, ликвидация монополии Запада на конструирование глобальных систем

Заключение

Проведенное исследование позволило систематизировать концептуальные подходы отечественных и зарубежных исследователей в сфере

анализа современных общемировых процессов постглобализации как ведущей современной тенденции. Эта систематизация в свою очередь позволяет говорить о том, что, несмотря на пройденные три этапа эволюции концептуальных основ рассматриваемой категории, определение постглобализации пока не сформировано, ее направления остаются достаточно ограниченными, а основные характеристики формируются скорее от противного. Тем не менее реальность и реалистичность постглобализации уже практически не вызывает сомнений у научного сообщества, как и ее жизнестойкость, а сама теория постепенно становится мейнстримом современной экономической теории, несмотря на противодействие западных научных школ.

Список литературы

1. *Асочаков Ю.* Постглобализация и новые контуры будущей современности // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2019. – № 1. – С. 19–23.

2. *Валлерстайн И.* Европейский универсализм: риторика власти // ПРОГНОЗИС. – 2008. – № 2 (14). – С. 3–56.

3. *Долгов С. И.* Реальность глобализации и критика антиглобалистов // Россия в глобальной политике. – 2003. – Т. 1. – № 4. – С. 170–180.

4. *Иванов Д. В.* Постглобализация и перспективы социального развития // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2019. – № 4. – С. 14–20.

5. *Калугин О. А.* Россия в эпоху постглобализации // Вестник Калужского университета. – 2017. – № 3. – С. 50–65.

6. *Навроцкая Н. А., Сопилко Н. Ю., Ковальчук М. В.* Регионализация в условиях постглобального экономического развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2015. – № 4. – С. 7–17.

7. *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. – М. : Эксмо, 2003.

8. *Пономаренко Е. В.* Политическая экономия санкций против России, причины и следствия: взгляд эксперта // Международная торговля и торговая политика. – 2022. – Т. 8. – № 3 (31). – С. 7–23. – DOI: 10.21686/2410-7395-2022-3-7-23

9. *Сафонов А. Л.* Постглобализация: этнополитические аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 3. – С. 127–134.

10. *Стиглиц Дж. Ю., Чарлтон Э.* Справедливая торговля для всех: как торговля может содействовать развитию = = Fair Trade for All: How Trade Can Contribute to Development / пер. с англ. Н. В. Заборина, А. Д. Зверева, Л. С. Головиной. – М.: Весь Мир, 2007.

11. *Тлостанова М. В.* Критика западного образца глобализации в доколониальном проекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2007. – № 1. – С. 5–13.

12. *Фукуяма Ф.* Угасание государственного порядка. – М. : АСТ, 2017.

13. *Яковец Ю. В.* У истоков новой цивилизации. – М. : Дело, 1993.

14. *Cox R. W.* Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium: Journal of International Studies. – 1981. – Vol. 10. – N 2. – P. 126–155.

15. *Cox R. W.* Structural Issues of Global Governance: Implications for Europe. Gramsci. Historical Materialism and International Relations / edited by St. Gill. – Toronto : York University, 1993. – P. 259–289.

16. *Cox R. W., Sinclair T. J.* Approaches to World Order. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

17. *Cox R. W., Schechter M. G.* The Political Economy of a Pluralism: World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization. – New York : Routledge, 2002.

18. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. – Redwood City : Stanford University Press, 1990.

19. *Helleiner E.* Post-Globalization. Is the Financial Liberalization Trend Likely to be Reversed? States Against Markets: The Limits of Globalization / edited by R. Boyer, D. Drache. – Routledge, 1996. – P. 193–210.

20. *Krugman P.* The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. – New York : W. W. Norton, 2009.

21. *Moolakkattu J. S., Robert W.* Cox and Critical Theory of International Relations // International Studies. – 2009. – Vol. 46. – Issue 4. – P. 439–456.

22. *Orr M.* The Failure of Neoliberal Globalization and the End of Empire // Globalization in the 21st Century, 2010. – P. 177–197. DOI:10.1057/9780230106390_9

23. *Sibert H., Klodt H.* Towards Global Competition: Catalyst and constraints. – Kiel, 1998. – December.

24. *Sklias P., Maris G.* Globalization and the Instability of Global Financial Markets // IJER. – 2013. – Vol. 10. – N 2. – P. 277–287.

25. *Stiglitz J.* La Grande Désillusion. Editure Fayard. – Paris, 2002.

26. *Waters M.* Globalization (Key Ideas). – 2nd ed. – Routledge, 2001. – P. 20–40.

References

1. Asochakov Yu. Postglobalizatsiya i novye kontury budushchey sovremennosti [Post-Globalization and New Contours of the Future Modernity]. *«Teleskop»: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. ["Telescope": Journal of Sociological and Marketing Research], 2019, No. 1, pp. 19–23. (In Russ.).

2. Vallerstayn I. Evropeyskiy universalizm: ritorika vlasti [European Universalism: the Rhetoric of Power]. *PROGNOZIS*, 2008, No. 2 (14), pp. 3–56. (In Russ.).

3. Dolgov S. I. Realnost globalizatsii i kritika antiglobalistov [The Reality of Globalization and Criticism of Anti-Globalists]. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Politics], 2003, Vol. 1, No. 4, pp. 170–180. (In Russ.).

4. Ivanov D. V. Postglobalizatsiya i perspektivy sotsialnogo razvitiya [Post-Globalization and Prospects for Social Development]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of the Belarusian State University. Sociology], 2019, No. 4, pp. 14–20. (In Russ.).

5. Kalugin O. A. Rossiya v epokhu postglobalizatsii [Russia in the Post-Globalization Era]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta* [Bulletin of the Kaluga University], 2017, No. 3, pp. 50–65. (In Russ.).

6. Navrotskaya N. A., Sopilko N. Yu., Kovalchuk M. V. Regionalizatsiya v usloviyakh postglobalnogo ekonomicheskogo razvitiya [Regionalization in the Context of Post-Global Economic Development]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics], 2015, No. 4, pp. 7–17. (In Russ.).

7. Panarin A. S. Iskushenie globalizmom [The Temptation of Globalism]. Moscow, Eksmo, 2003. (In Russ.).

8. Ponomarenko E. V. Politicheskaya ekonomiya sanktsiy protiv Rossii, prichiny i sledstviya: vzglyad eksperta [The Political Economy of Sanctions Against Russia, Causes and Consequences: an Expert's View]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2022, Vol. 8, No. 3 (31), pp. 7–23. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2022-3-7-23

9. Safonov A. L. Postglobalizatsiya: etnopoliticheskie aspekty [Post-Globalization: Ethnopolitical Aspects]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl* [Historical and Socio-Educational Thought], 2013, No. 3, pp. 127–134. (In Russ.).

10. Stiglits Dzh. Yu., Charlton E. Spravedlivaya torgovlya dlya vsekh: kak torgovlya mozhet sodeystvovat razvitiyu = Fair Trade for All: How Trade Can Contribute to Development. Translated from English N. V. Zaborin, A. D. Zverev, L. S. Golovina. Moscow, Ves Mir, 2007. (In Russ.).

11. Tlostanova M. V. Kritika zapadnogo obraztsa globalizatsii v dokolonialnom proekta [Criticism of the Western Model of Globalization in the Pre-Colonial Project]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], 2007, No. 1, pp. 5–13. (In Russ.).

12. Fukuyama F. Ugasanie gosudarstvennogo poryadka [The Extinction of the State Order]. Moscow, AST, 2017. (In Russ.).

13. Yakovets Yu. V. U istokov novoy tsivilizatsii [At the Origins of a New Civilization]. Moscow, Delo, 1993. (In Russ.).

14. Cox R. W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium: Journal of International Studies,* 1981, Vol. 10, No. 2, pp. 126–155.

15. Cox R. W. Structural Issues of Global Governance: Implications for Europe. Gramsci. Historical Materialism and International Relations, edited by St. Gill. Toronto, York University, 1993, pp. 259–289.

16. Cox R. W., Sinclair T. J. Approaches to World Order. Cambridge, Cambridge University Press, 1996.

17. Cox R. W., Schechter M. G. The Political Economy of a Pluralism: World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization. New York, Routledge, 2002.

18. Giddens A. The Consequences of Modernity. Redwood City, Stanford University Press, 1990.

19. Helleiner E. Post-Globalization. Is the Financial Liberalization Trend Likely to be Reversed? States Against Markets: The Limits of Globalization, edited by R. Boyer, D. Drache. Routledge, 1996, pp. 193–210.

20. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. New York, W. W. Norton, 2009.

21. Moolakkattu J. S., Robert W. Cox and Critical Theory of International Relations. *International Studies,* 2009, Vol. 46, Issue 4, pp. 439–456.

22. *Orr M.* The Failure of Neoliberal Globalization and the End of Empire. *Globalization in the 21st Century*, 2010, pp. 177–197. DOI:10.1057/9780230106390_9

23. Sibert H., Klodt H. Towards Global Competition: Catalyst and constraints. Kiel, 1998, December.

24. Sklias P., Maris G. Globalization and the Instability of Global Financial Markets. *IJER,* 2013, Vol. 10, No. 2, pp. 277–287.

25. Stiglitz J. La Grande Désillusion. Editure Fayard. Paris, 2002.

26. Waters M. Globalization (Key Ideas). 2nd ed. Routledge, 2001, pp. 20–40.

Сведения об авторе

Константин Игоревич Кожевников
заведующий кафедрой ценообразования в строительстве и промышленности, Институт строительства и архитектуры УрФУ.
Адрес: ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 620062, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: khe71@inbox.ru

Information about the author

Konstantin I. Kozhevnikov
Head of the Department of Pricing in Construction and Industry, Institute of Construction and Architecture UrFu.
Address: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation.
E-mail: khe71@inbox.ru

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-16-27

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ: ФОКУС НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

А. А. Коломейцева
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

В современном мире свободные экономические зоны (СЭЗ) стали важным инструментом реализации торговой и промышленной политики государств. На территории таких зон существуют особые условия ведения предпринимательской деятельности, включая торговые и налоговые льготы, упрощенные административные процедуры, а также доступ к инфраструктуре. С момента своего зарождения свободные экономические зоны стимулировали развитие международной торговли, технологического обмена, инновационной активности предприятий, а также способствовали созданию рабочих мест. Однако в условиях глобальных вызовов традиционная концепция свободных экономических зон претерпевает трансформацию. Роль свободных экономических зон выходит за рамки только экономических задач. Все чаще акцент в их создании и деятельности смещается на применение принципов устойчивого развития, поскольку сегодня экономическая политика любого уровня не может быть успешной без учета экологических и социальных факторов, наряду с экономическими. Целью настоящей статьи является анализ нового типа свободных экономических зон, ориентированных на достижение Целей устойчивого развития ООН (ЦУР). В исследовании представлен анализ масштабов деятельности СЭЗ, выявлены отличительные характеристики зон нового поколения, определено, каким образом они могут способствовать достижению ЦУР. Сделан вывод о том, что свободные экономические зоны нового поколения могут стать двигателем устойчивого экономического роста, сочетая экологические инициативы, социальную ответственность и долгосрочную экономическую выгоду.
Ключевые слова: особые экономические зоны, цели устойчивого развития, циркулярная экономика, устойчивая индустриализация.

SPECIAL ECONOMIC ZONES: A FOCUS ON SUSTAINABLE DEVELOPMENT ABSTRACT

Angelina A. Kolomeytseva
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

In the modern world, Special Economic Zones (SEZs) became an important tool for the implementation of national industrial and trade policy. Such zones offer favorable conditions for doing business, including trade and tax incentives, facilitated administrative procedures, as well as access to infrastructure. Since their emergence, they have stimulated the development of international trade, technological exchange, innovation activity among enterprises, as well as contributed to job creation. However, in response to global challenges, the traditional concept of SEZs is undergoing a transformation. Their role goes beyond traditional economic objectives. Increasingly, the emphasis is shifting to the implementation of sustainable development principles. Today economic policy cannot be successful without taking into account

environmental, social and economic dimensions. The purpose of this article is to analyze a new type of SEZs – SDG model zones. The study presents an analysis of SEZs' performance, identifies specific characteristics of the new generation of SEZs, and determines how they can contribute to achievement of the Sustainable Development Goals. It is concluded that new-generation zones can become an engine of sustainable economic growth by combining environmental initiatives, social responsibility and long-term economic benefits.
Keywords: special economic zones, sustainable development goals, circular economy, sustainable industrialization.

Введение

Свободные экономические зоны (СЭЗ) созданы в большинстве стран. По данным ЮНКТАД, в мире насчитывается порядка 6 тыс. таких зон. Они функционируют в 147 странах. Численность занятых в СЭЗ составляет более 100 млн человек[1]. Они создаются для стимулирования участия стран в международном разделении труда, обеспечения ускоренного развития определенных районов или отраслей [2. – С. 28]. Следует отметить, что отсутствие универсального определения и единой классификации осложняет анализ деятельности таких зон. В свою очередь терминология, используемая в разных странах, существенно различается. Наиболее распространенные термины – специальные экономические зоны, свободные зоны, особые экономические зоны, зоны свободной торговли, экспортно-производственные зоны, свободные экономические зоны и свободные порты [10]. В настоящем исследовании, как и в практике Всемирного банка, используется понятие «свободные экономические зоны» в качестве универсального термина, охватывающего разнообразные типы таких зон.

В практике международных организаций встречаются и другие термины. Например, в Докладе о мировых инвестициях за 2019 г. эксперты ЮНКТАД определили СЭЗ как специальные экономические зоны – географически ограниченные территории, в пределах которых правительства оказывают содействие развитию промышленного производства посредством предоставления налоговых и регулятивных стимулов, а также поддержки инфраструктуры [12].

Под СЭЗ понимаются зоны, соответствующие трем ключевым критериям [4]:

- четко ограниченная географическая территория;
- особый режим регулирования;
- наличие инфраструктуры.

Всемирная организация свободных зон использует те же критерии, но фокусирует внимание только на свободных от таможенных пошлин зонах, исключая те СЭЗ, которые предоставляют другие привилегии и льготы.

---

[1] New Global Alliance of Special Economic Zones to Boost Development. – URL: https://unctad.org/news/new-global-alliance-special-economic-zones-boost-development

Как уже было отмечено, помимо различий в подходах к определению СЭЗ, отсутствует их единая классификация. Например, с учетом вида хозяйственной деятельности выделяют свободные торговые зоны; свободные промышленно-производственные зоны; свободные технико-внедренческие зоны; свободные сервисные зоны; комплексные зоны.

Свободные торговые зоны предназначены для стимулирования торговой деятельности. Как правило, они расположены на небольшой территории, на которой действует режим свободной таможенной зоны. Помимо торговли, на территории таких зон могут предоставляться услуги, связанные с товарами: складирование, упаковка, маркировка и пр. К таким зонам можно отнести Колон в Панаме, свободный порт Сингапур, ОЭЗ в Китае, странах Ближнего Востока и др. [11].

Свободные промышленные зоны располагаются на крупных территориях и предназначены для содействия промышленному производству региона. В качестве одной из разновидностей таких зон можно выделить экспортно-производственные зоны, которые имеют слабую связь с развитием национальной экономики и в этой связи представляют собой зоны анклавного типа. К зонам такого типа можно отнести промышленные парки во Вьетнаме, зону Масан в Республике Корея.

Свободные технико-внедренческие зоны призваны содействовать инновационной деятельности зарегистрированных компаний, стимулировать участников (научно-исследовательские институты, лаборатории, инновационные компании) разрабатывать и внедрять в производство новые технологии. Примерами таких зон могут быть технопарк Бангалор в Индии, Кремниевый оазис в Дубае.

Свободные сервисные зоны направлены на оказание клиентам различного рода услуг: финансовых, банковских, туристских и пр. в зависимости от специализации конкретной зоны. Например, зона свободных туристских услуг на острове Бали в Индонезии.

Комплексные зоны представляют собой самые крупные по занимаемой площади территории, предназначенные для стимулирования экономического развития региона на основе предоставления преференций зарегистрированным компаниям независимо от вида хозяйственной деятельности. Примером может служить зона Шанхай в Китае или зона Вишакхапатнам в Индии [5. – С. 24].

В 2019 г. была представлена классификация СЭЗ ЮНКТАД, основанная на одном из двух принципов: специализации или особенностей дизайна и управления. Так, с учетом специализации выделяют следующие типы СЭЗ:

1) логистические хабы – специализируются на предоставлении коммерческих, складских и логистических услуг, а также услуг по упрощению процедур торговли и реэкспорту;

2) многоотраслевые СЭЗ – содействие промышленному развитию;

3) специализированные СЭЗ – направлены на развитие отдельных секторов, отраслей, участие в глобальных цепочках создания стоимости;

4) инновационные СЭЗ (высокотехнологичные зоны, экозоны, биотехнологичные зоны) нацелены на трансформацию промышленной деятельности и развитие новых отраслей.

С учетом особенностей дизайна и управления выделяют:

1) СЭЗ с крупной территорией – предназначены для проведения масштабных экономических реформ;

2) СЭЗ для привлечения официальной помощи развитию – партнерства при участии стран-доноров и стран-реципиентов капитала;

3) трансграничные СЭЗ – содействие экономическому развитию регионов.

Всемирная организация свободных зон (ВОСЗ) разработала свою классификацию, в соответствии с которой выделяют следующие типы зон:

1) свободные зоны – зоны свободной торговли; свободные промышленные зоны;

2) точечные зоны [13]. Основное различие между этими разновидностями состоит в том, что во втором случае режим свободной зоны предоставляется компании вне зависимости от места размещения с обязательством экспорта произведенной продукции и правом на получение пакета льгот и стимулов.

Свободные экономические зоны предоставляют широкие возможности для экономического развития стран. Среди положительных эффектов СЭЗ для национальной экономики можно выделить привлечение иностранных инвестиций и технологий, создание новых рабочих мест, стимулирование экспорта, развитие инфраструктуры. В качестве примера можно продемонстрировать положительное влияние на экономическое развитие Мексики, оказанное ее Национальной программой индустриализации северной границы, принятой в 1965 г., направленное на развитие по обе стороны границы однопрофильных предприятий, так называемых предприятий-близнецов, представлявших собой подрядчика с американской стороны и субподрядчика (макиладорас) с мексиканской [3. – С. 82]. За время существования программы на основе привлечения иностранных инвестиций в Мексике была создана развитая промышленная инфраструктура, появились новые рабочие места, что, несомненно, помогло решить насущную проблему безработицы. В конечном итоге, можно отметить рост доходов и повышение уровня квалификации рабочей силы, занятой прежде преимущественно в аграрных отраслях. По данным ВОСЗ, в 2014 г. количество занятых на предприятиях составило более 2,4 млн человек (130 тыс. человек в 1980 г.), 88% из них работают в промышленности. С момента старта программы в 1965 г. количество

предприятий, зарегистрированных в СЭЗ Мексики, превысило 5 тыс. в 2015 г., 82% из них расположены на границе с США[1].

В то же время наряду с положительным эффектом имеются примеры, когда на практике показатели многих зон остаются ниже ожиданий. СЭЗ не являются гарантией увеличения притока инвестиций или участия в глобальных цепочках создания стоимости. Стимулы, предоставляемые зонам, носят, как правило, временный характер, и после периода динамичного роста большинство зон развиваются с той же скоростью, что и национальная экономика. Большое количество зон действуют как анклавы с ограниченным воздействием за их пределами, вследствие чего не оказывают достаточного влияния на развитие национальной экономики. Важно отметить, что, как правило, СЭЗ способствуют ускорению развития только близлежащих территорий, расположенных на расстоянии не более 50 км[2].

К социально значимым негативным последствиям деятельности СЭЗ можно отнести несоблюдение трудовых стандартов, а также загрязнение окружающей среды вследствие интенсификации промышленного производства. Так, стремительный рост числа макиладорас в Мексике спровоцировал загрязнение воздуха и воды [6].

Результаты исследования

Несмотря на отмеченные недостатки, значение СЭЗ для развития мировой и национальной экономики стремительно возросло. По данным ЮНКТАД, за период с 1975 по 2018 г. количество СЭЗ увеличилось с 79 до почти 5,4 тыс. (рисунок). География охвата также расширилась.

Рис. Динамика количества СЭЗ в мире за период 1975–2018 гг. [12]

[1] Index Cards by Country. Mexico. Maquiladoras, Free Trade Zone. – URL: https://www.worldfzo.org/Portals/0/OpenContent/Files/487/Mexico_FreeZones.pdf

[2] Are Special Economic Zones in Emerging Countries a Catalyst for the Growth of Surrounding Areas? – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaeia2019d2a4_en.pdf

Большинство зон расположены на территории развивающихся стран – почти 5 тыс. При этом лидером является Китай, доля которого составляет 53%. В этой стране насчитывается свыше 2,5 тыс. СЭЗ. В Северной Америке расположено 262 СЭЗ, в Европе – 105 СЭЗ (табл. 1).

Таблица 1

Географическое распределение СЭЗ в 2018 г.*

Группа стран	Количество СЭЗ	Количество стран
Мир	5 383	129
Развитые страны	374	26
Развивающиеся страны	4 772	87
Страны с переходной экономикой	237	16

* Табл. 1; 2 составлены по данным [12].

Согласно классификации ЮНКТАД (табл. 2), в практике развитых стран преобладают логистические хабы, в то время как в развивающихся странах – многоотраслевые зоны. В странах с переходной экономикой преимущественно представлены специализированные и многоотраслевые СЭЗ.

Таблица 2

Распределение СЭЗ по типам и регионам в 2018 г.

Группа стран	Логистические хабы	Многоотраслевые СЭЗ	Специализированные СЭЗ	Инновационные СЭЗ
Мир	8	62	24	5
Развитые страны	91	9	1	0
Развивающиеся страны	12	231	49	8
Страны с переходной экономикой	3	34	59	5

Влияние СЭЗ на экономическое развитие развивающихся стран, как правило, ограничено. Первоначально основной целью создания СЭЗ было стимулирование экспорта. Сегодня же большое внимание уделяется содействию развитию национальной экономики [7]. В отдельных СЭЗ происходит постепенный переход от классической модели, ориентированной на стимулирование промышленного производства, едва ли учитывающего вопросы, связанные с защитой окружающей среды, к ускоренному внедрению новой модели СЭЗ, предполагающей достижение принципов экономики замкнутого цикла и углеродной нейтральности [8].

В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года утвердила Цели в области устойчивого развития (ЦУР). Они ориентируют страны мира на смену модели производства, функционирующей по принципу *добыть – использовать – утилизировать* (take – make – waste), на новую модель –

циркулярную экономику (экономику замкнутого цикла, ЭЗЦ), основным принципом которой является *добыть ресурсы – произвести продукцию – повторно использовать/переработать отходы* (take – make – reuse) [1. – С. 857].

В декабре 2015 г. Европейская комиссия приняла План действий в области ЭЗЦ, призванный стимулировать создание рабочих мест, ускорение экономического роста и инвестиций, а также развитие углеродно-нейтральной, ресурсоэффективной и конкурентоспособной экономики[1]. Новый План действий был принят в марте 2020 г. Подобные инициативы все чаще встречаются в практике отдельных государств и обусловливают необходимость модернизации и экологизации промышленного производства существующих СЭЗ как институтов устойчивого развития [9].

В этой связи отметим, что Всемирный альянс СЭЗ стремится поддержать модернизацию таких зон во всем мире с тем, чтобы обеспечить достойный вклад в выполнение ЦУР. Стремление стран к реализации целей устойчивого развития способствует появлению нового типа зон – СЭЗ, ориентированных на достижение ЦУР. Выделим характерные черты таких зон:

- привлечение инвестиций в виды деятельности, связанной с ЦУР;
- высокий уровень стандартов и соответствия требованиям ESG;
- содействие инклюзивному росту.

В октябре 2023 г. альянс поддержал шаги ЮНКТАД и запустил партнерскую инициативу по созданию модели зон ЦУР. Учредители альянса совместными усилиями определили 50 СЭЗ, как из развитых, так и развивающихся стран, деятельность которых направлена на достижение ЦУР (табл. 3).

Как отмечают эксперты ЮНКТАД, более либеральные социальные и экологические требования или меры контроля не могут являться конкурентными преимуществами для привлечения инвестиций в долгосрочной перспективе. Напротив, они могут привести к провалу, когда СЭЗ ассоциируют с нарушением трудового или экологического законодательства. Сегодня первостепенной задачей является переход к развитию СЭЗ, ориентированных на достижение ЦУР[2].

В таких СЭЗ важно внедрять самые высокие международные стандарты, что в итоге будет служить стимулом к изменениям для всех участников. В СЭЗ, ориентированных на достижение ЦУР, компаниям могут предоставляться консалтинговые услуги по вопросам, связанным с внедрением и соблюдением принципов ESG и устойчивого развития (управление отходами, контроль выбросов загрязняющих веществ, использование энергоресурсов и пр.).

---

[1] Circular economy action plan. – URL: https://environment.ec.europa.eu/strategy/circular-economy-action-plan_en

[2] Цели в области устойчивого развития. – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/

Таблица 3

СЭЗ, поддержавшие инициативу альянса о создании новой модели зон ЦУР*

Название СЭЗ	Страна	Название СЭЗ	Страна	Название СЭЗ	Страна
Луанда-Бенгу	Ангола	Хавасса	Эфиопия	Ульсан	Республика Корея
Лейксайд	Австрия	Шри-Сити	Индия	СЭЗ Катар	Катар
Сеара	Бразилия	Исфахан	Иран	Технопарк Любляна	Словения
Технопарк	Бразилия	Адриатическая межрегиональная СЭЗ: Апулия - Молизе	Италия	Торговый порт ДУБЭ	ЮАР
Клинтех Коммонс**	Канада	СЭЗ Ямайка	Ямайка	Бискайский технопарк	Испания
Гуанчжоу	Китай	Технополис Конза	Кения	Технопарк на Тенерифе	Испания
Сучжоу	Китай	Тату-Сити	Кения	Барселона	Испания
Тяньцзинь	Китай	Каунас	Литва	Линчепинг	Швеция
Богота	Колумбия	Клайпеда	Литва	Мерсин	Турция
Сантандер	Колумбия	Технопарк в Монтеррее	Мексика	Технопарк Стамбул	Турция
Койоль	Коста-Рика	Танжер Мед	Марокко	Кремниевый оазис Дубая	ОАЭ
Ла-Лима	Коста-Рика	Кадуна	Нигерия	Халифа	ОАЭ
Лас-Американас	Доминиканская Республика	Хаттар	Пакистан	Масдар-Сити	ОАЭ
Кауседо	Доминиканская Республика	Технопарк в Исламабаде	Пакистан	Исследовательский треугольник	США
Экономическая зона Суэцкого канала	Египет	Панама Пасифико	Панама	Монтевидео	Уругвай
Американский промышленный парк	Сальвадор	Технопарк в Познани	Польша	Зонамерика	Уругвай
Королевский научно-технологический парк	Эсватини	Магок	Республика Корея		

* Составлено по данным GASEZ SDG Model Zone Partnership Initiative. – URL: https://gasez.org/sites/gasez/files/documents/gasez-50-sdg-model-zones-2023_02.04.2024.pdf

** Новое название исследовательского парка при Университете Трента в Питерборо.

На территории таких зон возможно создание соответствующих объектов энергетической инфраструктуры. В частности, целесообразен переход от использования традиционных источников энергии к возобновляемым. С целью обеспечения гендерного равенства, а также содействия женскому предпринимательству на территории таких СЭЗ возможно создание соответствующих объектов социальной инфраструктуры (детские сады, школы и пр.). Таким образом, ЦУР нового поколения будут способствовать достижению ЦУР № 8, включающих в себя задачи обеспечения

занятости и достойной оплаты труда, ЦУР № 9, связанных с устойчивой индустриализацией, и ЦУР № 12, направленных на переход к рациональным моделям производства и потребления[1].

Несмотря на то что в отдельных существующих СЭЗ устанавливаются более жесткие экологические стандарты и требования в отношении охраны труда, такая практика является скорее исключением. В СЭЗ могут быть определены минимальная заработная плата, продолжительность рабочего дня, условия работы профсоюзов. К примеру, в СЭЗ Китая и Индии установлены более высокие трудовые стандарты, чем на уровнях страны в целом или регионов. В отдельных зонах также может функционировать специальный комитет, ответственный за реализацию экологической политики. Нередко в СЭЗ предъявляются требования к экологической отчетности, в соответствии с которыми компании должны сообщать о планируемых объемах отходов, загрязняющих веществ и уровне шума в децибелах. Например, такая практика характерна для половины зон Турции, двух из трех зон в ЮАР, нескольких зон в Индии, Марокко, ОАЭ[2].

В традиционной модели СЭЗ дешевая рабочая сила рассматривалась как дополнительное конкурентное преимущество. Вместе с тем она едва ли может служить основой для поддержания конкурентоспособности зоны и повышения ее вклада в экономическое развитие страны. Так, спустя двадцать лет после создания СЭЗ в Польше отмечено, что, несмотря на ряд экономических преимуществ, связанных с ростом ПИИ, зоны не смогли преодолеть проблемы устойчивого развития регионов, в которых они расположены[3].

Важно отметить, что те льготы и преференции, которые предоставляются резидентам классических СЭЗ (беспошлинный режим в торговле, налоговые послабления, инфраструктурная поддержка), направлены на привлечение инвестиций в производство торгуемых товаров и услуг, в то время как сферы, относящиеся к ЦУР, в основном представлены неторгуемыми услугами. Соответственно, одним из ключевых факторов успешности таких зон является место расположения. Они должны формироваться в тех районах страны, где население нуждается в создании соответствующей инфраструктуры и в доступе к определенным услугам (здравоохранение, образование и пр.). Кроме того, в странах с низким уровнем дохода зоны, направленные на достижение ЦУР, могут создаваться совместно с донорами из развитых стран, а также за счет механизмов сотрудничества по линии Юг – Юг. Важную роль в части оказания техни-

---

[1] Цели в области устойчивого развития. – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/

[2] Enhancing the Contribution of Export Processing Zones to the Sustainable Development Goals. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/webdiaepcb2015d5_en.pdf

[3] Там же.

ческого содействия могут оказать и такие субъекты, как многосторонние и региональные банки развития.

Заключение

Представляется, что СЭЗ могут стать мощным инструментом для продвижения концепции устойчивого развития в современных условиях. Их потенциал заключается не только в создании благоприятного инвестиционного климата, но и в возможности интеграции ESG-принципов в бизнес-модели компаний. Для стран, стремящихся к долгосрочному развитию, важно не только привлекать инвестиции, но и формировать ответственные практики ведения бизнеса. Таким образом, свободные экономические зоны нового поколения могут стать катализаторами изменений в экономической системе, способствуя созданию более устойчивого и справедливого будущего для всех участников мирохозяйственных связей.

Для эффективного функционирования СЭЗ в контексте устойчивого развития необходимы комплексные меры – от разработки четкой стратегической политики до внедрения инновационных технологий и практик. Важно обеспечить взаимодействие между государственными органами, бизнесом и местными сообществами для создания экосистемы, способствующей долгосрочному развитию, а также распространению преимуществ от деятельности таких зон далеко за их пределы.

Список литературы

1. *Бирюков А. П., Лян Тин, Тинякова В. И.* Переход России к циркулярной экономике: необходимость, возможности, проблемы // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17. – № 3. – С. 855-868. – DOI: 10.18334/ce.17.3.117432.

2. *Бирюков Е. С., Бирюкова О. В.* Особые экономические зоны стран ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 11 (712). – С. 28–33.

3. *Боровков А. Н.* «Макиладорас» до и после создания NAFTA // Латинская Америка. – 2013. – № 6. – С. 81–94.

4. *Кондратьева А. Д.* Функционирование особых экономических зон в мировой экономике на примере Китая // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12. – № 1-1. – С. 285–292.

5. *Костюнина Г. М.* Свободные экономические зоны в мировой экономике. – М. : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2022.

6. *Меланьина М. В., Савинский А. В., Кузьмин Д. В.* НАФТА: макроэкономическая динамика, роль в мире и необходимость модернизации интеграционных процессов // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 3-1 (80). – С. 86–91.

7. *Павлов П. В., Защитина Е. К.* Свободные экономические зоны как институт развития в международном бизнесе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – Т. 36. – № 4. – С. 675–692. DOI: 10.21638/spbu05.2020.406

8. *Соловьёва Ю. В., Бадалзода С.* «Зеленая» энергетика как тренд развития в мире и в России: перспективы и возможности // Россия и Азия. – 2024. – № 3 (29). – С. 89–103.

9. Устойчивое развитие территорий. – М. : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» (экономический факультет), 2021.

10. *Шкваря Л. В., Ван С.* СЭЗ Китая как драйвер внешней торговли // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 12. – С. 57–63. DOI: 10.31857/S032150750007658-5

11. *Шкваря Л. В.* Зона свободной торговли в средиземноморском регионе: проблемы и перспективы развития // Вестник Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова. – 2006. – № 2. – С. 16–26.

12. World Investment Report 2019. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf

13. World FZO Outlook Report 2020. – URL: https://www. world-fzo.org/Report-Registration

References

1. Biryukov A. P., Lyan Tin, Tinyakova V. I. Perekhod Rossii k tsirkulyarnoy ekonomike: neobkhodimost, vozmozhnosti, problemy [Russia's Transition to a Circular Economy: Necessity, Opportunities, Problems]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economics], 2023, Vol. 17, No. 3, pp. 855-868. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.17.3.117432.

2. Biryukov E. S., Biryukova O. V. Osobye ekonomicheskie zony stran SSAGPZ [Special Economic Zones of the GCC Countries]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2016, No. 11 (712), pp. 28–33. (In Russ.).

3. Borovkov A. N. «Makiladoras» do i posle sozdaniya NAFTA ["Maquiladoras" Before and After the Creation of NAFTA] *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2013, No. 6, pp. 81–94. (In Russ.).

4. Kondrateva A. D. Funktsionirovanie osobykh ekonomicheskikh zon v mirovoy ekonomike na primere Kitaya [The Functioning of Special Economic Zones in the Global Economy on the Example of China]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today, Tomorrow], 2022, Vol. 12, No. 1-1, pp. 285–292. (In Russ.).

5. Kostyunina G. M. Svobodnye ekonomicheskie zony v mirovoy ekonomike [Free Economic Zones in the World Economy]. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy institut mezhdunarodnykh otnosheniy (universitet) Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. (In Russ.).

6. Melanina M. V., Savinskiy A. V., Kuzmin D. V. NAFTA: makroekonomicheskaya dinamika, rol v mire i neobkhodimost modernizatsii

integratsionnykh protsessov [NAFTA: Macroeconomic Dynamics, Role in the World and the Need to Modernize Integration Processes]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2017, No. 3-1 (80), pp. 86–91. (In Russ.).

7. Pavlov P. V., Zashchitina E. K. Svobodnye ekonomicheskie zony kak institut razvitiya v mezhdunarodnom biznese [Free Economic Zones as an Institute for Development in International Business]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Saint Petersburg University. Economy], 2020, Vol. 36, No. 4, pp. 675–692. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu05.2020.406

8. Soloveva Yu. V., Badalzoda S. «Zelenaya» energetika kak trend razvitiya v mire i v Rossii: perspektivy i vozmozhnosti ["Green" Energy as a Development Trend in the World and in Russia: Prospects and Opportunities]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 3 (29), pp. 89–103. (In Russ.).

9. Ustoychivoe razvitie territoriy [Sustainable Development of Territories]. Moscow, Federalnoe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatelnoe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M. V. Lomonosova» (ekonomicheskiy fakultet), 2021. (In Russ.).

10. Shkvarya L. V., Van S. SEZ Kitaya kak drayver vneshney torgovli [SEZ of China as a Driver of Foreign Trade]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2019, No. 12, pp. 57–63. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750007658-5

11. Shkvarya L. V. Zona svobodnoy torgovli v sredizemnomorskom regione: problemy i perspektivy razvitiya [Free Trade Zone in the Mediterranean Region: Problems and Prospects of Development]. *Vestnik Rossiyskoy ekonomicheskoy akademii imeni G. V. Plekhanova* [Bulletin of the Plekhanov Russian Academy of Economics], 2006, No. 2, pp. 16–26. (In Russ.).

12. World Investment Report 2019. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf

13. World FZO Outlook Report 2020. – URL: https://www. world-fzo.org/Report-Registration

Сведения об авторе

Ангелина Александровна Коломейцева
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н. Н. Ливенцева МГИМО МИД России.
Адрес: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: a.kolomeytseva@inno.mgimo.ru

Information about the author

Angelina A. Kolomeytseva
PhD, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs named after N. N. Liventsev, MGIMO University.
Address: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadskiy Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation
E-mail: a.kolomeytseva@inno.mgimo.ru

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-28-41

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ФОРМИРОВАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Д. А. Сизова
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Стремительные преобразования мировой экономики в последние годы вызывают необходимость отслеживания динамики наукоемких и высокотехнологичных отраслей, их влияния на развитие государств в современном глобальном мире. Целью статьи является исследование тенденций и особенностей формирования добавленной стоимости высокотехнологичной и наукоемкой индустрии на глобальном уровне и на уровне стран на основе международной отраслевой классификации. Проведен контент-анализ имеющихся источников, использованы базы данных международной статистики, российских статистических ежегодников и тематических сборников, применен многоуровневый сравнительный анализ показателей валовой добавленной стоимости наукоемких и высокотехнологичных отраслей. Период исследования – 2018–2022 гг. Рассматривается показатель добавленной стоимости наукоемких и высокотехнологичных отраслей, измеряемый, как стоимость товаров и услуг, произведенных отраслью (валовый выпуск) за вычетом стоимости промежуточных ресурсов (энергии, материалов и приобретенных услуг). Сделаны выводы о том, что за исследуемый период, несмотря на усиление санкционного экономического давления, высокотехнологичный сектор экономики Российской Федерации развивался особенно динамично. Обозначены точки (страны) прорывного роста добавленной стоимости наукоемких и высокотехнологичных отраслей в мировом валовом продукте, глобальной добавленной стоимости в отраслевом разрезе и по отдельным странам (Китай, США, Российская Федерация). Автор пришел к выводу, что за исследуемый период, несмотря на усиление санкционного экономического и политического давления, высокотехнологичный сектор экономики России увеличил свою долю добавленной стоимости. Соответственно, к странам прорывного роста по добавленной стоимости в мировом хозяйстве можно присоединить и Россию.
Ключевые слова: валовая добавленная стоимость, наукоемкие отрасли, мировое хозяйство.

ANALYSIS AND ASSESSMENT OF ADDED VALUE FORMATION PROSPECTS OF HIGH-TECH INDUSTRIES IN THE GLOBAL ECONOMY

Darina A. Sizova
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The rapid transformations of the global economy in recent years have necessitated tracking the dynamics of knowledge-intensive and high-tech industries, identifying the prospects for their impact on the development of states in the modern global world. The purpose of the article is to study trends and identify the features of the formation of added value of the high-tech and knowledge-intensive industry at the global level and at the country level based on the

international industry classification. The article provides a content analysis of available sources, uses databases of international statistics, Russian statistical yearbooks and thematic collections, and applies a multi-level comparative analysis of gross value added indicators of knowledge-intensive and high-tech industries. The study period is 2018–2022. The article considers the value added index of knowledge-intensive and high-tech industries, measured as the cost of goods and services produced by the industry (gross output), minus the cost of intermediate resources (energy, materials and purchased services). Based on the author's research, it is concluded that during the period under study, despite the increased economic pressure from sanctions, the high-tech sector of the economy of the Russian Federation developed especially dynamically. Based on the conducted research, the author identifies the points (countries) of breakthrough growth in the value added of Knowledge- and Technology-Intensive Industries in the global gross product, global value added by industry and by individual countries (China, USA, Russian Federation). The conducted research allows us to conclude that over the period under study, despite the increased economic and political pressure from sanctions, the high–tech sector of the Russian economy is increasing its share of value added. And Russia can reasonably be added to the countries of breakthrough growth in terms of added value in the global economy, China and the United States.
Keywords: gross value added, knowledge-intensive industry, the world economy.

Процессы преобразований современной мировой экономики на основе развития высокотехнологичных и наукоемких производств приводят к значительным изменениям как в глобальной архитектуре мирового хозяйства, так и в структуре национальных экономик. Эти процессы вызывают необходимость непрерывного отслеживания важнейших индикаторов рассматриваемой индустрии как критериев оценки возможностей формирования потенциала ее роста в мировом хозяйстве и находятся в центре внимания научных исследований.

Развитию высокотехнологичной и наукоемкой индустрии в контексте глобального рынка за разные периоды времени посвящены многие научные труды. Глубокий и всесторонний анализ этого направления проводится на базе валового внутреннего продукта, его составных и производных показателей, в том числе валовой добавленной стоимости (далее – добавленная стоимость), на уровне стран и регионов в сравнении с аналогичными показателями глобального уровня, которые относятся к основополагающим при выявлении основных трендов динамики изучаемых отраслей, а также являются фундаментом для дальнейших исследований в этой области [6; 7; 9; 10; 11]. Добавленная стоимость как самостоятельный показатель в основном используется при мониторинге и разработке сценариев построения глобальных цепочек стоимости и рассматривается в аспектах международной торговли и глобализации мировой экономики [3; 5].

Количественный сравнительный анализ международной системы взаимоотношений государств в сфере информационно-коммуникационных технологий проводится на основе данных по добавленной стоимости для определения перспектив развития экспорта и импорта высокотехнологичной продукции [1; 4].

Развитие глобальных хозяйственных трансакций связывается со стремительным распространением инновационных и коммуникационных технологий и формированием глобального информационного пространства в рамках изменяющейся картины глобализации как мегатренда с переориентацией глобальных цепочек стоимости [8; 12].

В Концепции технологического развития России на период до 2030 года определяются вызовы, связанные с санкционным давлением, принципы и цели технологического развития на период до 2030 г. Развитие рынка инноваций, наукоемкой продукции и продукции с высокой добавленной стоимостью продолжает оставаться как одно из приоритетных стратегических направлений укрепления экономической безопасности и ускорения продвижения Российской Федерации по инновационному вектору развития с учетом ограничений и рисков[1].

Контент-анализ изученных источников позволяет говорить о безусловной важности анализа добавленной стоимости высокотехнологичной и наукоемкой индустрии (Knowledge and technology-intensive industries – KTI) как самостоятельного многопланового исследования этого индикатора за 2018–2022 гг. Необходимость в такой аналитике вызвана еще и тем, что международные базы данных по добавленной стоимости KTI-отраслей России представлены только по KTI-производству и ограничены 2021 г. Путем обобщения и систематизации разных баз данных, дополнительных расчетов достигнута упорядоченная картина по разным показателям добавленной стоимости KTI-индустрии России. Выполненные расчеты позволили построить диаграммы, определить тенденции развития наукоемких и высокотехнологичных отраслей России в глобальной структуре добавленной стоимости, сравнить динамику изменений KTI-отраслей разных стран и выявить точки (страны) трендов наибольшего роста добавленной стоимости. Полученные результаты показателей служат критериями для сравнительного анализа и оценки потенциала экономического роста как на уровне отдельных стран, так и на глобальном уровне.

В соответствии с Международной стандартной отраслевой классификацией всех видов экономической деятельности (МСОК), разработанной Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), отрасли KTI характеризуются высокой и средневысокой интенсивностью НИОКР. Наукоемкие и технологически емкие отрасли объединяются в пять групп интенсивности НИОКР: с высокой, средневысокой, средней, средненизкой и низкой.

Рассмотрим формирование добавленной стоимости как проекцию структуры наукоемких и технологически емких отраслей (KTI). Динами-

[1] Концепция технологического развития России на период до 2030 года. – URL: http://static.government.ru/media/files/KlJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf. (дата обращения: 01.10.2024).

ка добавленной стоимости укрупненных групп мировой KTI-индустрии и мирового ВВП за 2018–2022 гг. показана на основе статистических данных по науке и технологиям Национального центра (NCSES) (рис. 1).

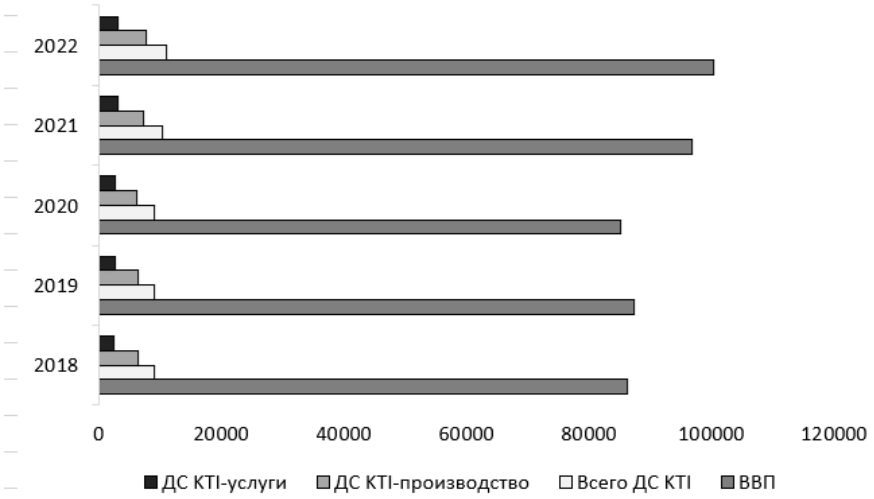

Рис. 1. Динамика добавленной стоимости укрупненных групп мировой KTI-индустрии и мирового ВВП за 2018–2022 гг. (в млрд долл.)[1]

В целом, согласно рис. 1, тенденция превышения доли добавленной стоимости отраслей производства по сравнению с услугами в мировом ВВП сохраняется. В 2022 г. прирост глобальной добавленной стоимости отраслей KTI составил 21,9% на фоне невысокой скачкообразной динамики показателя в сторону уменьшения внутри тренда после пандемии в 2020 г. по сравнению с 2018 г.

При этом мировой ВВП увеличился на 3,8% в 2022 г. после падения в 2020 г. За период 2018–2022 гг. динамика добавленной стоимости KTI-производства показала прирост на 20,4%, а по KTI-услугам прирост составил 25,9%. Отметим, что доля добавленной стоимости отраслей KTI- производства росла, в то время как тренд по услугам оставался на том же уровне (3,2%). Однако и в KTI-производстве есть отрасли, которые показывают отсутствие роста этого показателя. Это фармацевтика, компьютерная, электронная и оптическая продукция, оборудование, космические аппараты, железнодорожные, военные транспортные средства и транспортное оборудование.

[1] Рис. 1; 2; 5 составлены по данным National Science Board, National Science Foundation. National Center for Science and Engineering Statistics (NCSES). 2024. Science and Engineering Indicators 2024. Production and trade of knowledge-intensive and technology-intensive industries. – URL: https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20247/

В свою очередь все отрасли KTI-услуг за исследуемый период показывали тенденцию застоя в формировании добавленной стоимости как доли глобального ВВП (табл. 1).

Таблица 1

Мировые отрасли KTI по доле добавленной стоимости в мировом ВВП, 2018–2022 гг.* (в %)

Промышленность	2018	2019	2020	2021	2022
Все производство	16,2	15,8	15,8	16,4	17
Всего частные услуги	44	44,3	44,3	43,9	44,1
Все отрасли KTI	10,5	10,4	10,6	10,8	11
KTI-производство	7,5	7,3	7,4	7,6	7,8
Химикаты и химические продукты	1,2	1,2	1,2	1,2	1,4
Фармацевтические препараты, лекарственные химикаты и растительные продукты	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9
Оружие и боеприпасы	< 0,05	< 0,05	< 0,05	< 0,05	0,1
Компьютерная, электронная и оптическая продукция	1,5	1,4	1,5	1,5	1,5
Электрическое оборудование	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8
Машины и оборудование, не включенные в другие категории	1,4	1,3	1,3	1,4	1,4
Автомобили, прицепы и полуприцепы	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1
Воздушные и космические аппараты и сопутствующая техника	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Железнодорожные, военные транспортные средства и транспортное оборудование	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Медицинские и стоматологические инструменты и расходные материалы	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
KTI-услуги	3	3,1	3,2	3,2	3,2
Публикация программного обеспечения	0,3	0,4	0,4	0,5	0,5
ИТ и другие информационные услуги	1,8	1,9	1,9	1,9	2
Научные исследования и разработки	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8

* Табл. 1; 2 составлены по данным National Science Board, National Science Foundation. National Center for Science and Engineering Statistics (NCSES). 2024. Science and Engineering Indicators 2024. Production and trade of knowledge-intensive and technology-intensive industries. – URL: https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20247/

В соответствии с данными Science and Engineering Indicators, на долю США, Китая, Европейского союза, Японии и Южной Кореи пришлось около 80% мировой добавленной стоимости KTI в 2022 г. (рис. 2).

Китай и США остаются крупнейшими производителями продукции KTI, доли которых почти не менялись за пять лет. По остальным странам проявилась тенденция спада, на фоне которой уменьшились доли Германии – до 5,6%, или 31% от доли ЕС-27; Японии – до 6,1%; Южной Кореи – до 3,8%. Вышеупомянутые глобальные доли различаются в разных секторах KTI. Динамика промышленного производства KTI иллю-

стрирует рост доли Китая и США соответственно до 34% и 20% мирового объема добавленной стоимости KTI-индустрии.

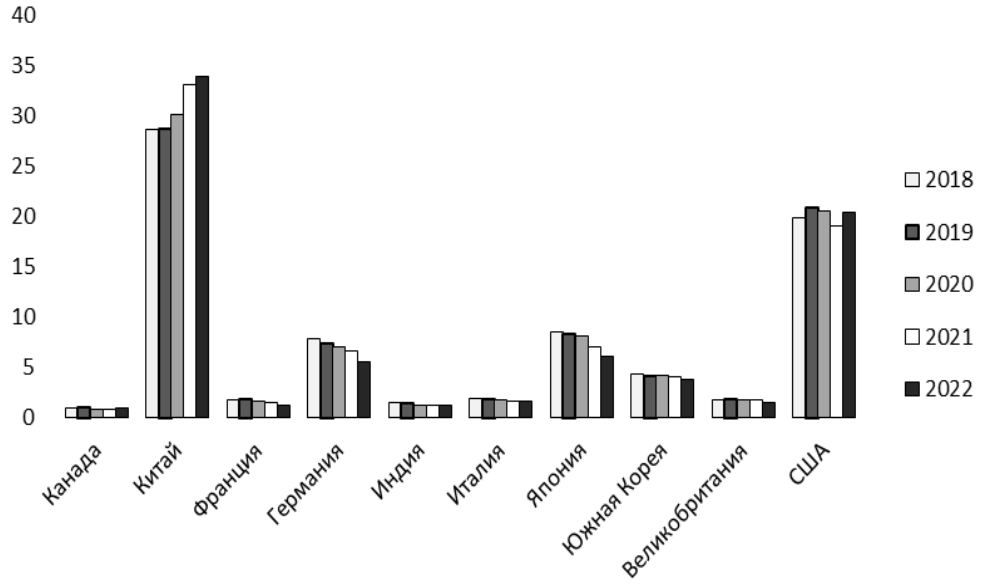

Рис. 2. Доля стран в мировой добавленной стоимости производства KTI, 2018–2022 гг. (в %)

Отраслевой срез анализа динамики доли стран в мировой добавленной стоимости производства KTI (табл. 2) иллюстрирует тенденции мировой добавленной стоимости производства КТИ крупнейших производителей.

Начиная с 2018 и по 2022 г. Китай сохранил свой статус крупнейшего производителя KTI в мире, несмотря на недавние геополитические потрясения и пандемию. Долгосрочное увеличение доли производства KTI в Китае сопровождалось снижением этой доли в США, Японии и Германии, что повторяет тенденции в общем объеме производства за этот период.

По данным Science and Engineering Indicators, добавленная стоимость KTI в обрабатывающей промышленности Китая составила около трети мировой добавленной стоимости KTI в обрабатывающей промышленности в 2022 г. по сравнению с 28,7% в 2018 г., в то время, как доля США, достигала около 20% мировой добавленной стоимости KTI в обрабатывающей промышленности при тенденции снижения в 2020–2021 гг. Доли Японии и Германии также снизились за этот период.

Таблица 2

Доля стран в мировой добавленной стоимости производства KTI по отраслям, 2022 г. (в %)

Промышленность	США	Китай	Япония	Германия	Южная Корея	Италия	Велико-британия	Франция	Индия	Канада	Остальной мир (ROW)
Воздушные и космические аппараты и сопутствующая техника	56,6	9,3	1,5	5,2	0,6	1,5	4,9	3,8	0,2	2,7	13,6
Медицинские и стоматологические инструменты	37	16,5	2,1	7,7	1,1	2,3	1,4	1,8	0,6	0,8	28,6
Фармацевтика	26,7	23,7	5,2	3,7	1,2	1,4	2,3	1,4	2	0,7	31,6
Компьютерная, электронная и оптическая продукция	24,7	30,9	4	2,6	8	0,6	0,9	0,8	0,3	0,4	26,9
Химикаты и химические продукты	18,4	36,8	4	3,3	3,2	1,1	1,3	2,2	2,1	1	26,6
Оружие и боеприпасы	16,4	14,3	1,5	3,4	4,7	2,3	2,7	2,4	0,1	5,4	46,9
Автомобили, прицепы и полуприцепы	16	32,2	32,2	12,6	3,1	1,5	1,5	1,2	1,5	1,3	21
Машины и оборудование, не включенные в другие категории	15,8	37	11,2	7,3	3,3	3,5	1,6	0,8	0,9	1,2	17,3
Железная дорога, военная техника и транспорт, не включенные в другие категории	9,8	42,3	2,9	2,7	0,6	1,7	1,3	1,5	4,6	1,4	31,3
Электрическое оборудование	8,8	54,9	6,5	5,2	3,5	1,6	0,8	0,8	0,8	0,4	16,7
Все производство KTI	20,4	34	6,1	5,6	3,8	1,6	1,5	1,3	1,2	1	23,5
Все производство	17	34,3	5,4	4	2,8	1,9	1,6	1,6	2,7	1,3	27,4

Проанализируем динамику добавленной стоимости отраслей KTI России за 2018–2022 гг. (рис. 3).

На фоне тренда общего роста добавленной стоимости почти по всем отраслям KTI России выделяются тенденции значительного приро-

ста показателя по отраслям производства химикатов и химических продуктов (на 76,5%); фармацевтических препаратов и лекарственных химикатов (на 141,4%); компьютерной, электронной и оптической продукции (на 23%); машин и оборудования (на 70,6%). По KTI-услугам с динамикой прироста коррелируют отрасли производства информационно-коммуникационных технологий (на 285%) и научные исследования и разработки (на 52,6%).

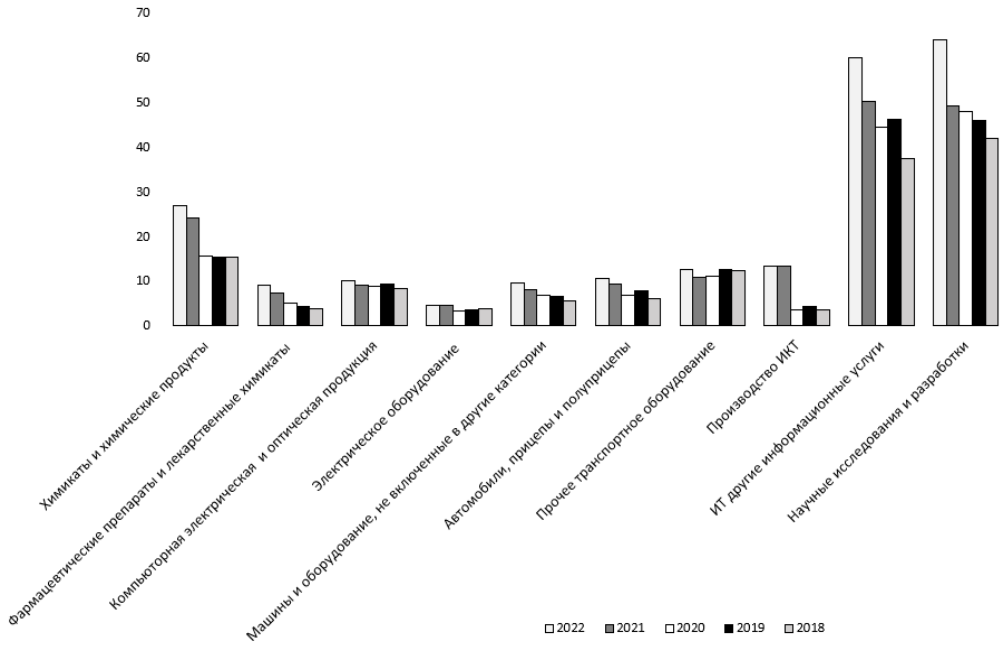

Рис. 3. Динамика добавленной стоимости отраслей KTI России, 2018–2022 гг. (в млрд долл.)[1]

Более наглядным является конкретизация анализа по доли добавленной стоимости KTI-индустрии России в контексте глобальных тенденций ее формирования в разрезе укрупненных групп отраслей KTI. Динамика прироста ее доли прослеживается по всем группам (рис. 4). Доля добавленной стоимости KTI России в мировом ВВП в 2022 г. возросла на 0,06% по сравнению с 2018 г. В структуре прироста данного показателя доля производства KTI составляла 0,019%, а доля услуг – 0,041%. В отраслях KTI-услуг значительное увеличение показывали производство

[1] Рис. 3; 4; 6; 7 составлены по данным URL: https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20247/; Statistics Data Portal, 2024. Industrial Statistics Database. ISIC Revision 4. – URL: https://stat.unido.org/data/table?dataset=indstat&revision=4. Данные за 2022 г. – предполагаемые тренды за 2020–2021 гг. [15; 16; 17].

информационно-телекоммуникационных технологий (на 0,017%) и научные исследования и разработки (0,015%).

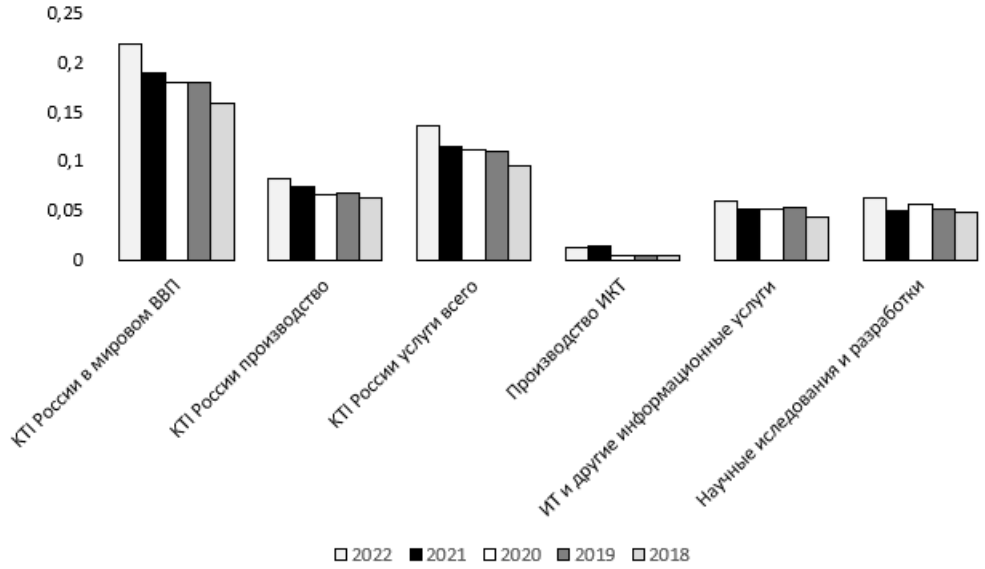

Рис. 4. Динамика доли добавленной стоимости укрупненных групп отраслей КТІ России в мировом ВВП, 2018–2022 гг. (в %)

Проанализируем долю отдельных стран в глобальной добавленной стоимости услуг КТІ за 2018–2022 гг. (рис. 5).

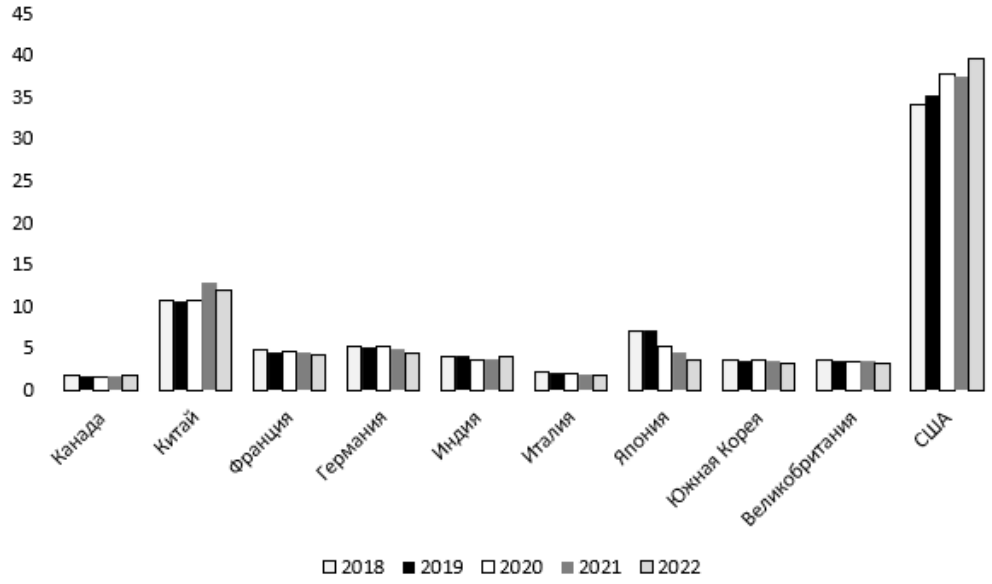

Рис. 5. Доля отдельных стран в глобальной добавленной стоимости услуг КТІ 2018–2022 гг. (в %)

Доли выпуска продукции KTI в сфере услуг, по данным Science and Engineering Indicators, составляли для Китая – 12% и для США – 40%, что согласуется с трендом доли общего объема производства в ВВП Китая и услуг в ВВП США. У США остается самая высокая доля, которая возросла на 5,5% за этот период. В Китае рост составил 1,2%. Остальные страны показывают тренд снижения или незначительного прироста (Индия).

Еще одним важным показателем является интенсивность добавленной стоимости КТИ, которая представляет собой отношение добавленной стоимости KTI страны к ВВП страны (рис. 6).

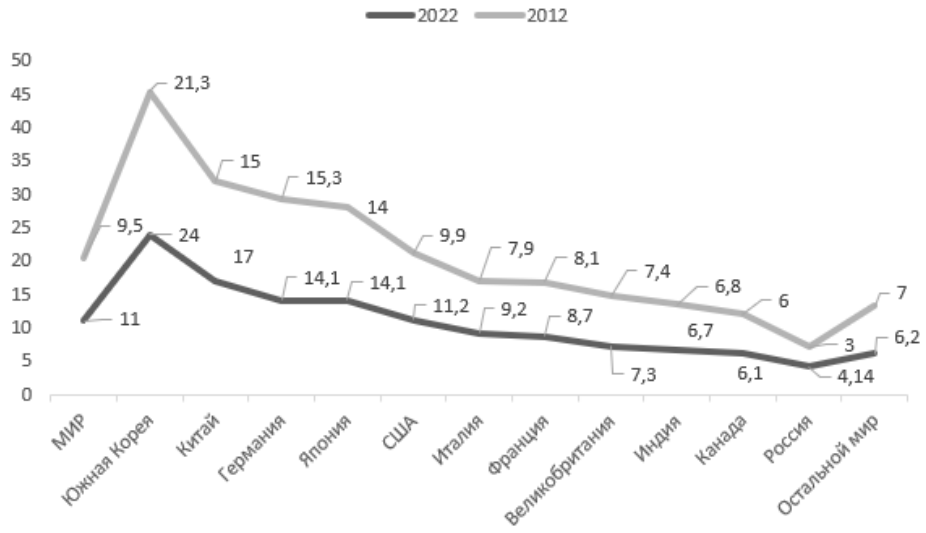

Рис. 6. Добавленная стоимость отраслей KTI как доля внутреннего ВВП для отдельных стран, 2012–2022 гг. (в %)[1]

Южная Корея имела самую высокую интенсивность добавленной стоимости KTI с 2012 г. В 2022 г. это соотношение составляло 24%, за ней следовал Китай (17%). Интенсивность добавленной стоимости KTI в США с 2012 по 2022 г. изменилась с 10% до 11%. Аналогичный тренд прироста данного показателя наблюдается в Италии (на 1,3%), в России (на 1,14%), в то время как по другим странам этот прирост значительно меньше и не приближается к 1%.

Завершающим этапом анализа в данном исследовании является расчет динамики доли добавленной стоимости KTI-индустрии России в мировой добавленной стоимости KTI отраслей за 2018–2022 годы (рис. 7).

В целом в период с 2018 по 2022 г. по данному показателю прослеживается устойчивый тренд прироста, который изменялся с 1,52% до

[1] Данные по России рассчитаны по: URL: https://ncses.nsf.gov/ pubs/nsb20247/; URL: https://stat.unido.org/data/table?dataset=indstat&revision=4

1,99%, что количественно определяет перспективы развития как собственно наукоемкой и технологически емкой индустрии России в мировом пространстве, так и демонстрирует возможности данного сектора для устойчивого роста экономики страны.

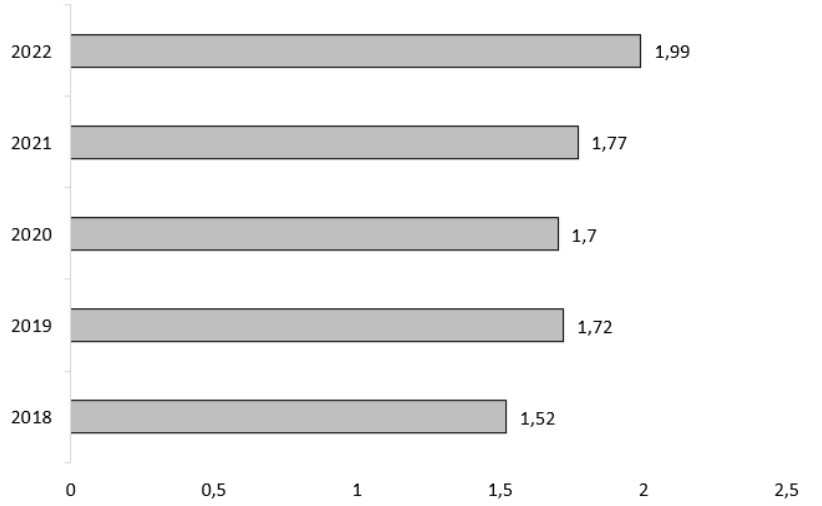

Рис. 7. Динамика доли добавленной стоимости KTI индустрии России в мировой добавленной стоимости KTI-отраслей, 2018–2022 гг. (в %)

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что за исследуемый период, несмотря на усиление санкционного экономического и политического давления, высокотехнологичный сектор экономики России увеличивает свою долю добавленной стоимости. Соответственно, Россию можно отнести к странам прорывного роста по добавленной стоимости в мировом хозяйстве.

Список литературы

1. *Бяшарова А. Р.* Цифровая трансформация внешней торговли стран ССАГПЗ // Уральский научный вестник. – 2023. – Т. 9. – № 2. – С. 68–72.

2. *Бяшарова А. Р.* Направления развития международного инновационного сотрудничества России // Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона : материалы IV Международной научно-практической конференции. Донецк, 2022. – С. 215–217.

3. *Варнавский В. Г.* Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии // Мировая экономика и меж-

дународные отношения. – 2018. – Т. 62. - № 1. – С. 5–15. – DOI: https://doi.org/ 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15

4. *Григорьевский В. В., Дегтерев Д. А., Пискунов Д. А., Прохоренко И. Л.* Международная политэкономия ИТК-индустрии // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67. – № 3. – С. 5–19.

5. *Кондратьев В. Б.* Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 5–17. – DOI: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-3-5-17

6. *Родионова И. А.* Наукоемкие отрасли и высокотехнологичное производство — драйвер мирового экономического развития // Россия и Азия. – 2023. – № 3 (25). – С. 6–24.

7. *Родионова И. А., Угрюмова А. А.* США и Китай – лидеры мировой наукоемкой высокотехнологичной индустрии: сравнительный анализ позиций // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19. – № 3 (486). – С. 400–428.

8. *Фейгин Г. Ф.* Глобализация мировой экономики: тенденции и противоречия // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 5–13.

9. *Хасбулатов Р. И., Бяшарова А. Р.* Роль высокотехнологичных отраслей в мировой экономике // Россия и Азия. – 2021. – № 2 (16). – С. 64–77.

10. *Шкваря Л. В.* Социально-экономическая динамика стран ССАГПЗ и новые тенденции // Россия и Азия. – 2021. – № 2 (16). – С. 9–20.

11. *Шкваря Л. В., Родин С. И.* Высокотехнологичные отрасли промышленности в условиях цифровизации: тенденции и проблемы. // Экономика и предпринимательство – 2020. – № 11 (124). – С.1209–1211.

12. *Шкваря Л. В.* Теория международной экономической интеграции и современная практика стран с развивающимися рынками // Россия и Азия. – 2023. – № 3 (25). – С. 89–94.

13. Индикаторы цифровой экономики: 2022 : статистический сборник. – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – С. 65–68.

14. Индикаторы цифровой экономики: 2024 : статистический сборник. – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – С. 69–72.

15. Индикаторы науки: 2023 : статистический сборник. – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – С. 24.

16. Индикаторы науки : 2022: статистический сборник. – М. : НИУ ВШЭ, 2022.

References

1. Byasharova A. R. Tsifrovaya transformatsiya vneshney torgovli stran SSAGPZ [Digital Transformation of Foreign Trade of Countries]. *Uralskiy*

nauchnyy vestnik [Ural Scientific Bulletin], 2023, Vol. 9, No. 2, pp. 68–72. (In Russ.).

2. Byasharova A. R. Napravleniya razvitiya mezhdunarodnogo innovatsionnogo sotrudnichestva Rossii [Directions for the Development of International Innovation Cooperation in Russia]. *Geograficheskie i ekonomicheskie issledovaniya v kontekste ustoychivogo razvitiya gosudarstva i regiona, materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Geographical and Economic Research in the Context of Sustainable Development of the State and Region, Materials of the IV International Scientific and Practical Conference]. Donetsk, 2022, pp. 215–217. (In Russ.).

3. Varnavskiy V. G. Mezhdunarodnaya torgovlya v kategoriyakh dobavlennoy stoimosti: voprosy metodologii [International Trade in Value Added Terms: Methodological Issues]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [The World Economy and International Relations], 2018, Vol. 62, No. 1, pp. 5–15. (In Russ.). DOI: https://doi.org/ 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15

4. Grigorevskiy V. V., Degterev D. A., Piskunov D. A., Prokhorenko I. L. Mezhdunarodnaya politekonomiya ITK-industrii [International Political Economy of the IT Industry]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [The World Economy and International Relations], 2023, Vol. 67, No. 3, pp. 5–19. (In Russ.).

5. Kondratev V. B. Mirovaya ekonomika kak sistema globalnykh tsepochek stoimosti [World Economy as Global Value Chain's Network]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [The World Economy and International Relations], 2015, No. 3, pp 5–17. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-3-5-17

6. Rodionova I. A. Naukoemkie otrasli i vysokotekhnologichnoe proizvodstvo – drayver mirovogo ekonomicheskogo razvitiya [High-Tech Industries and High-Tech Production – the Driver of World Economic Development]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 3 (25), pp. 6–24. (In Russ.).

7. Rodionova I. A., Ugryumova A. A. SSHA i Kitay – lidery mirovoy naukoemkoy vysokotekhnologichnoy industrii: sravnitelnyy analiz pozitsiy [The USA and China are the Leaders of the World Science-Intensive High-Tech Industry: Comparative Analysis of Positions]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2021, Vol. 19, No. 3 (486), pp. 400–428. (In Russ.).

8. Feygin G. F. Globalizatsiya mirovoy ekonomiki: tendentsii i protivorechiya [Globalization of the World Economy: Trends and Contradictions]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [The World Economy and International Relations], 2021, Vol. 65, No. 4, pp. 5–13. (In Russ.).

9. Khasbulatov R. I., Byasharova A. R. Rol vysokotekhnologichnykh otrasley v mirovoy ekonomike [The Role of High-Tech Industries in the Global

Economy]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2021, No. 2 (16), pp. 64–77. (In Russ.).

10. Shkvarya L. V. Sotsialno-ekonomicheskaya dinamika stran SSAGPZ i novye tendentsii [Socio-Economic Dynamics of the GCC Countries and New Trends]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2021, No. 2 (16), pp. 9–20. (In Russ.).

11. Shkvarya L. V., Rodin S. I. Vysokotekhnologichnye otrasli promyshlennosti v usloviyakh tsifrovizatsii: tendentsii i problemy [High-Tech Industries in the Context of Digitalization: Trends and Problems]. Ekonomika i predprinimatelstvo [Economics and Entrepreneurship], 2020, No. 11 (124), pp.1209–1211. (In Russ.).

12. Shkvarya L. V. Teoriya mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii i sovremennaya praktika stran s razvivayushchimisya rynkami [Theory of International Economic Integration and Modern Practice of Countries with Emerging Markets]. Rossiya i Aziya [Russia and Asia], 2023, No. 3 (25), pp. 89–94. (In Russ.).

13. Indikatory tsifrovoy ekonomiki [Digital Economy Indicators in the Russian Federation], 2022, statisticheskiy sbornik. Moscow, NIU VSHE, 2023, pp. 65–68. (In Russ.).

14. Indikatory tsifrovoy ekonomiki [Digital Economy Indicators in the Russian Federation], 2024, statisticheskiy sbornik. Moscow, ISIEZ VSHE, 2024, pp. 69–72. (In Russ.).

15. Indikatory nauki [Science Indicators], 2023, statisticheskiy sbornik. Moscow, NIU VSHE, 2023. – S. 24. (In Russ.).

16. Indikatory nauki [Science Indicators], 2022, statisticheskiy sbornik. Moscow, NIU VSHE, 2022. (In Russ.).

Сведения об авторе

Дарина Александровна Сизова
кандидат экономических наук, доцент,
доцент базовой кафедры экономического анализа и корпоративного управления производством и экспортом высокотехнологичной продукции государственной корпорации «Ростех» РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: darina3@yandex.ru

Information about the author

Darina A. Sizova
PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Basic Department of Economic Analysis and Corporate Management of Production and Export of High-tech Products of "Rostec» State Corporation of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Panchenko.EY@rea.ru
E-mail: darina3@yandex.ru

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-42-58

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ ЕС И США[1]

Линь Шэнфу, Н. Б. Давидсон
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Данное исследование посвящено анализу российско-китайской торговли энергетическими ресурсами в контексте экономических санкций ЕС и США. Статья восполняет пробел в исследованиях о влиянии санкций на экономику России на уровне отдельных отраслей экономики, в частности, в энергетическом секторе. Анализ основан на статистических данных о российско-китайской торговле энергоресурсами с 2000 по 2023 г., охватывая период до и после введения санкций, а также документах и информации об экономических санкциях ЕС и США. Рассмотрены виды экономических санкций, тенденции развития российско-китайской торговли энергоресурсами в условиях санкций, а также адаптивные меры, принятые в российско-китайской торговле энергоресурсами и их последствия. Сопоставлено воздействие экономических санкций 2014 и 2022 гг. на экономику и торговлю России, а также рассмотрено влияние санкций на российско-китайскую торговлю энергоресурсами. Сделан вывод о том, что в результате санкций ЕС и США и адаптивных мер, принятых Россией и Китаем, энергетическая торговля и сотрудничество между двумя странами укрепились, однако перед Россией стоит вызов диверсификации экспорта и развития торговли в условиях санкций и энергетического перехода. Предложены практические рекомендации по энергетическому сотрудничеству между Россией и Китаем.
Ключевые слова: Россия, Китай, энергетика, торговля.

DEVELOPMENT OF ENERGY TRADE BETWEEN RUSSIA AND CHINA UNDER EU AND US ECONOMIC SANCTIONS[2]

Lin Shengfu, Natalia B. Davidson
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

The objective of this study is to analyse energy trade between Russia and China in the situation of the EU and US economic sanctions. The article fills the gap in research on the impact of sanctions on the Russian economy at the level of individual sectors of the economy, in particular energy sector. The analysis is based on statistical data on Russia-China energy trade from 2000 to 2023, i. e. before and after sanctions were imposed, as well as documents and information on the EU and US economic sanctions. We consider the types of economic sanctions, trends in the

[1] Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке Российского научного фонда (код: 23-18-01065).
[2] The article is based on the results of the study conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (code: 23-18-01065).

development of Russia-China trade in energy resources under sanctions, as well as adaptive measures taken in Russia-China energy trade and their consequences. The impact of 2014 and 2022 economic sanctions on the Russian economy and trade is compared, and the effect of sanctions on Russia-China energy trade is analysed. It is concluded that because of EU and US sanctions and adaptive measures taken by Russia and China, energy trade and cooperation between the two countries have strengthened; however, Russia faces the challenge of diversifying exports and developing trade in the context both of sanctions and the energy transition. This article contributes to research in the field of international energy trade, and offers practical recommendations for energy cooperation between Russia and China.
Keywords: Russia, China, energy, trade.

Introduction

Energy trade is an important component of international trade and relations between countries. For Russia, energy sector provides a substantial share of budget revenues. At the same time, the EU and US economic sanctions aimed at this sector are quite substantial [1]. Therefore, the development of energy trade under sanctions deserves attention. The objective of this study is to analyse the development of energy trade between Russia and China in the situation of the EU and US economic sanctions. Russia is one of the world's largest energy exporters, while China's demand for energy is the world's largest[1]. Energy trade between Russia and China has become an important part of the international energy market. In 2023, Russia became China's largest crude oil supplier, the second largest coal supplier and the third largest liquefied natural gas supplier[2]. These trade relations are developing in the situation of the EU and US sanctions against Russia.

During recent years, economic sanctions have been increasingly used as a means of intervention in geopolitical challenges. Economic sanctions mainly include sanctions in the financial, trade, and fiscal fields. Cortright and Lopez put forward that the main purpose of the sanctions is to exert economic pressure on the target entity [9]. As stated by Morgan et al. and by Haidar, sanctions are used by a country or international organization against a country to force it to change its policies or behaviours [18, 11]. Ananyev analyses economic sanctions in the context of the International Relations theories – liberalism and realism – and concludes that to understand sanctions additional theoretical background is needed [6].

As for the impact of economic sanctions on international trade, Hufbauer and Elliott found that the US economic sanctions have significantly and negatively affected trade, employment, and wage levels in countries under

[1] Energy Balance of Trade. In World Energy and Climate Statistics – Yearbook 2024. – URL: https://yearbook.enerdata.net/total-energy/world-import-export-statistics.html (accessed 11.09.2024).

[2] Downs E., Losz A., Mitrova T. The Future of the Power of Siberia 2 Pipeline. – URL: https://www.energypolicy.columbia.edu/publications/the-future-of-the-power-of-siberia-2-pipeline/ (accessed 31.05.2024).

sanctions [13]. Meanwhile, Lindsay re-examines the effectiveness of sanctions in achieving compliance, subversion, deterrence and symbolic significance both internationally and domestically, arguing that sanctions often fail in the pursuit of compliance, subversion and deterrence, but possess symbolic significance [17].

Hufbauer et al. [14] believes that the effectiveness of sanctions depends on a variety of factors, including the economic vulnerability of the target country, and on the determination and consistency of sanctions implementers. However, Pape argues that while economic sanctions have had some success in a few cases, overall, they are ineffective [20]. Dizaji provides an in-depth analysis of the dynamics of economic sanctions, revealing that successful sanctions are often evident in the early stages, but compliance with sanctions wanes over time [10]. Caruso based on the gravity model of international trade found that multilateral sanctions have a greater negative impact on trade flows than unilateral sanctions [7]. Ananyev emphasizes that excessive sanctions result into decreased economic transactions for a sanctioning country and formation of new ties between countries under sanctions [6]. Overall, the findings are controversial and require further research.

After the outbreak of the Ukrainian crisis in 2014, Europe and the United States have imposed several rounds of sanctions that have put pressure on Russia's economic development and international trade [23]. Romanova emphasizes the qualitative change brought about by the 2014 sanctions on EU–Russia economic relations [21]. Hosoe used a computable general equilibrium model of world trade to quantify the possible impact of EU and US economic sanctions imposed on Russia and found that the impact of sanctions on energy supply will affect all sanctions-sending countries [12].

Concerning energy trade between Russia and China, Zhang points out that the energy partnership between Russia and China has been firmly established [25]. Experts point out multiple factors that can strengthen or weaken economic relations between the two countries[1]. Besides, EU and US sanctions concern Russia's trade partners as well. At the same time, there is still a lack of research on the development of energy trade between Russia and China under the EU and US economic sanctions. Our study fills in this gap to contribute to understanding of energy trade between Russia and China and help provide relevant policy recommendations.

The next section describes methodology, then the EU and US economic sanctions and their role in Russia's trade are discussed. The analysis of energy trade between Russia and China follows, and the last section provides conclusion and policy recommendations.

[1] Wachtmeister H. Russia-China Energy Relations Since 24 February: Consequences and Options for Europe : Report 1, 2023. – URL: https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/sceeus/russia-china-energy-relations-since-24-february.pdf (accessed 11.09.2024).

Methodology

The analysis in this paper is based on the statistical data on trade between Russia and China and, specifically, on energy trade between the two countries, provided mainly by the United Nations Trade Database covering the period from 2000 to 2023.

In addition, for a comprehensive understanding of the EU-US sanctions and their role in energy trade between Russia and China, we analysed the EU and US sanctions policies, the implementation time, and the adaptive measures taken by Russia and China after the implementation of EU-US sanctions, based on the official websites, including the website of The Office of Foreign Assets Control (OFAC) of the US Department of the Treasury[1] and the European Commission website[2].

Russia's trade in the situation of the EU and US economic sanctions

After the Ukrainian crisis in 2014, European Union and USA imposed a series of economic sanctions on Russia, which were further intensified in 2022. Table 1 summarises the measures implied by the sanctions in 2014 and 2022.

Table 1

Main Sanctions against Russia imposed by the EU and US*

Sanction Gategory	Measures in 2014	Measures in 2022
Financial sanctions	Asset freezes and restrictions on access to capital markets for banks and financial institutions	Further restrictions on banking transactions, disconnecting banks from the SWIFT system
Energy sector sanctions	Restrictions on investment and services in the oil and gas sector, particularly in deep-water, Arctic, and shale projects	Prohibitions or restrictions on importing energy products, especially oil and natural gas
Military and dual-use goods sanctions	Ban on exporting military equipment and dual-use goods and technology	Expanded controls on the export of dual-use and high-tech products including semiconductors and communications technology
Sanctions on Individuals and entities	Travel bans and asset freezes for certain individuals and entities	Broadening the scope of sanctions to include more government officials, business leaders, and influencers
Diplomatic sanctions	Reduction in diplomatic interactions, suspension of certain bilateral cooperation projects	Increased diplomatic isolation, cancellation or suspension of diplomatic and political contacts

Source: EU sanctions against Russia explained. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia/sanctions-against-russia-explained/; Ukraine-/Russia-related Sanctions. Office of Foreign Assets Control. – URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/ukraine-russia-related-sanctions (accessed 07.06.2024).

[1] Ukraine-Russia-related Sanctions. Office of Foreign Assets Control. – URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/ukraine-russia-related-sanctions (accessed: 07.06.2024).

[2] EU sanctions against Russia following the invasion of Ukraine. – URL: https://eu-solidarity-ukraine.ec.europa.eu/eu-sanctions-against-russia-following-invasion-ukraine_en (accessed 07.06.2024).

Specifically, the EU and the US have imposed a series of restrictions on Russia's energy industry, that touched especially the investment and services in the oil and gas sector [1]. This includes prohibiting the provision of technology, goods and services to Russia's deepwater, Arctic and shale oil and gas projects. The sanctions imposed in 2022 further restricted Russia's economic activities, affecting also energy sector, as the import of oil and gas from Russia was prohibited or restricted. Sanctions are imposed on Russian energy companies to limit their access to international capital markets and technology.

Besides, the export of high-tech products to Russia was prohibited, especially military and dual-use (military and civilian) technologies. Investment in Russia's high-tech and defence sectors was restricted. Tariffs or bans were imposed on goods imported from Russia, while restrictions were placed on the export of certain goods to Russia. Overall, the sanctions of 2022 were more comprehensive than those of 2014, and have affected both the Russian and global economy, specifically, energy markets and food supplies, particularly influencing the countries and regions that have economic ties with Russia.

The issue of sanctions' effectiveness is addressed by researchers. Schott believes that the economic sanctions imposed by Western countries have put pressure on Russia's trade and finances but have not achieved their political goals; however, combined with continued economic and military support for Ukraine, the sanctions are hindering Russia's activities [22].

Russia's GDP had a growth trend till 2014; due to the economic sanctions it fell sharply in 2014-2016, started recovering in the following 2017-2019 and declined due to COVID-19 in 2020; it regained growth in 2021-2022, which was interrupted because of the 2022 sanctions[1]. Since 2014, Russia has partly reoriented from the European to Asian market, specifically, in energy trade, has worked on import substitution plan, and financial risks prevention; besides, the rise in fossil fuel prices has been crucial in mitigating the short-term effect of sanctions. At the same time, the consequences of 2022 sanctions are an important issue for further research.

The economic sanctions have had a significant impact on Russia's trade. From 2014 to 2016, Russia experienced a decline in imports, exports, and overall trade volume; after a recovery in 2016–2018, a significant decline in trade occurred in 2019–2020[2], due to the COVID-19 pandemic and the drop in

[1] World Bank Open Data. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=RU (accessed 11.06.2024).

[2] Bilateral Trade between Russian Federation and World. – URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c000%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1; UN Comtrade. – URL: https:// comtradeplus.un.org/ (accessed 11.06.2024).

oil prices in 2019–2020[1]. 2022 sanctions resulted in decline of Russia's trade volumes.

Sycheva points out that as a result of EU and US sanctions, Russia's trade with the sanctioning countries has declined, and Russia reoriented its trade towards such countries as China, India and Turkey. Trade volume with these countries is already larger than with the EU [2]. Specifically, the role of China as Russia's trade partner is growing[2]. Special emphasis is made on integration blocks. Experts underscore the need for trade diversification both in terms of countries and sectors to improve Russia's terms of trade. Indeed, domination of several countries in trade allows them to demand discounts for goods exported from Russia and markups for goods imported in Russia [2]. The next section is devoted to energy trade between Russia and China under EU and US sanctions.

The impact of EU-US economic sanctions on energy trade between Russia and China

Energy trade has a substantial role in Russia's foreign trade, while energy sanctions account for an important part of the EU–US economic sanctions against Russia. They have had a strong impact on Russia's energy trade, especially since 2022. European countries used to be the main Russia's partners in export of energy resources [8]. When EU and US imposed sanctions in 2014, exports to the EU remained a large share of Russia's oil and gas exports, 79% in 2014, and 66,9% in 2016 [5]. However, Russia's energy trade with EU has been declining as a result of sanctions [2], and Russia's energy export is currently reorienting to the Asian countries, including China [1].

Xin based on a three-party energy evolution game including Russia, sanctioning countries and non-sanctioning countries found that the sanctioning countries could not affect the energy trade strategy of non-sanctioning countries. Non-sanctioning countries still choose to import Russian energy, and setting an energy price cap is expected to aggravate the energy crisis of sanctioning countries [24]. Chen based on a global multi-region comparative static CGE model quantitatively analysed the impact of EU-US energy sanctions on Russia and revealed that energy sanctions will cause economic losses to both Russia and the EU. Energy sanctions are bringing about a direct energy trade transfer effect, as the EU's energy imports are shifting to non-Russian markets, and Russia's energy exports – to the Asian market; as a result, energy trade between Russia and the EU will significantly decline [8].

---

[1] Crude Oil Prices – 70 Year Historical Chart. Marcrotrends. – URL: https://www.macrotrends.net/1369/crude-oil-price-history-chart (accessed 11.09.2024).

[2] China's exports to Russia. Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/china/exports/russia; Russia's Export to China. Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/russia/exports/china (accessed 11.06.2024).

The EU–US economic sanctions have led to increase in energy trade between Russia and China. Russia's trade is characterized both by geographic concentration and lack of diversification in terms of sectors and goods. As energy sector plays the key role in Russia's export, in 2022 the share of energy resources in Russia's export to China increased to around 75%; at the same time, sanctions are aimed at limiting energy trade with Russia also for non-sanctioning countries [2]. Budget revenues of Russia from the energy sector declined in 2023 by 3 tn rubles compared to 2022 and reached 9 tn rubles, under oil prices higher than the base price set for calculating the budget [1].

Lei and Sui emphasise that in the post-Cold War era, China has been deepening its strategic partnership with Russia; the two countries have continuously expanded their cooperation areas, especially in the fields of oil and gas [15].

Russia's total primary energy production in 2022 was 59.9 Quadrillion BTU, but the country's total primary energy consumption was only 32.5 Quadrillion BTU. Coal production, natural gas, and oil production exceed domestic consumption needs, with a surplus of 4.76 Quadrillion BTU for coal, 6.33 Quadrillion BTU for natural gas, and 16.24 Quadrillion BTU for oil[1]. Russia's abundant energy resource production and low domestic consumption determine its position as an exporter on the world energy market.

In turn, China is the world's largest energy consumer with the total primary energy consumption of 173.96 Quadrillion BTU, and the total primary energy production 137.83 Quadrillion BTU in 2022, meaning that China has to import energy to meet its domestic consumption needs. China's largest energy gap is oil, of about 20 Quadrillion BTU[2].

Thus, Russia and China have a complementarity in energy trade. Moreover, as Russia and China are adjacent to each other and have convenient trade and transportation conditions, this facilitates the energy trade between the two countries.

The development of energy trade between Russia and China under the EU and US sanctions can be divided into five periods (Figure 1). First, before 2014, energy trade between the two countries grew slowly. Second, from 2014 to 2016, it declined due to the first wave of EU-US economic sanctions. Third, from 2017 to 2018, with the gradual implementation of adaptive measures for energy trade between Russia and China to economic sanctions, energy trade volume grew rapidly and surpassed the trade volume before the EU–US economic sanctions.

Fourth, from 2019 to 2020, due to the impact of the global COVID-19 and oil price fluctuations, energy trade between Russia China stagnated and even fell in 2020. Then, from 2021 to 2023, with the initial relaxation of epidemic restrictions in Russia in June 2020, energy trade rebounded in 2021 and grew at

[1] URL: https://www.eia.gov/international/overview/ country/RUS (accessed 11.06.2024).
[2] URL: https://www.eia.gov/international/overview/ country/CHN (accessed 11.06.2024).

a faster rate in 2022. In 2022 oil and gas trade between the two countries (in terms of value, USD) increased by 54%[1].

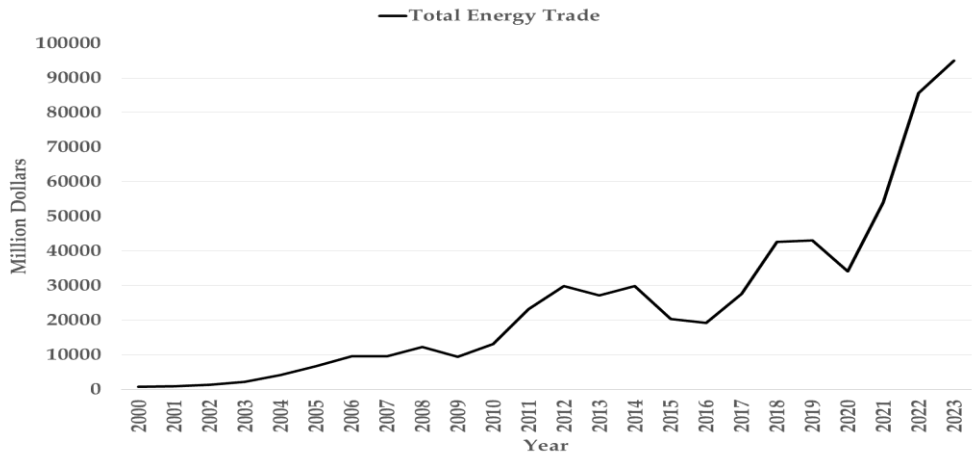

Figure 1. Total energy trade between Russia and China in 2000–2023 (in million dollars)[2]

The strengthening of energy trade between Russia and China meets Russia's needs to find export markets, and China's strategic needs of energy security. However, China's dominating Russia's energy exports creates risks for Russia, primarily, in terms of commercial conditions.

As for China's energy imports from Russia, Figure 2 shows that compared with the steady growth from 2000 to 2013, they increased significantly from 2013 to 2023, despite the restrictions on investment and services in the energy sector under the economic sanctions.

In 2014-2016, international energy prices fluctuated drastically, with oil prices plummeting from a high of $98.05 per barrel in 2013 to $43.4 in 2016 and hitting a new low since the global financial crisis in 2009[3]. As a result, China's energy imports from Russia fell sharply, by as much as 32.11%[4]. Li et al. pointed out that sanctions against the energy industry are the main driving factor for fluctuations in oil prices and energy company stock prices [16]. Subsequently, in 2017 and 2018, China's imports of Russia's energy resources rebounded significantly, especially in 2018, with a growth rate of 54.35%. In 2021–2022, energy trade between Russia and China grew again, especially in

[1] Wachtmeister H. Russia-China energy relations since 24 February: Consequences and options for Europe. Swedish National China Center : Report 1, 2023. – P. 20. – URL: https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/sceeus/russia-china-energy-relations-since-24-february.pdf (accessed 11.09.2024).

[2] URL: https://comtradeplus.un.org/ (accessed 11.06.2024).

[3] Cushing, OK Crude Oil Future Contract 1 (Dollars per Barrel). – URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=pet&s=rclc1&f=a (accessed 11.06.2024).

[4] URL: https://comtradeplus.un.org/ (accessed 11.06.2024).

2022, with a growth rate of 59.32%, mainly due to intensification of EU-US sanctions against Russia in 2022.

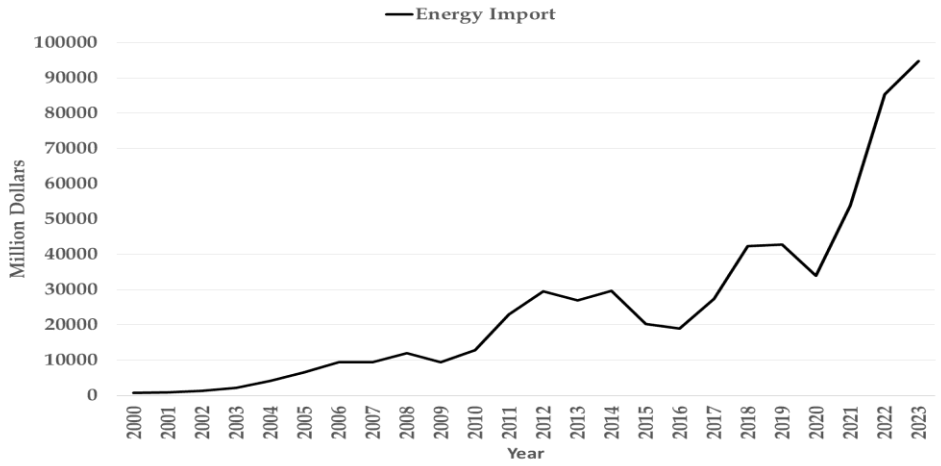

Figure 2. China's energy imports from Russia in 2000-2023 (in million dollars)[1]

Russia's energy export to China exceeds its energy import from China (Figure 3). China's energy exports to Russia are relatively more volatile. For example, in 2014, exports dropped significantly, by 35.51%, while in 2017 and 2018, they grew by more than 50%. Particularly noteworthy is the 93.42% surge in exports in 2022 compared to 2021, following additional EU and US economic sanctions.

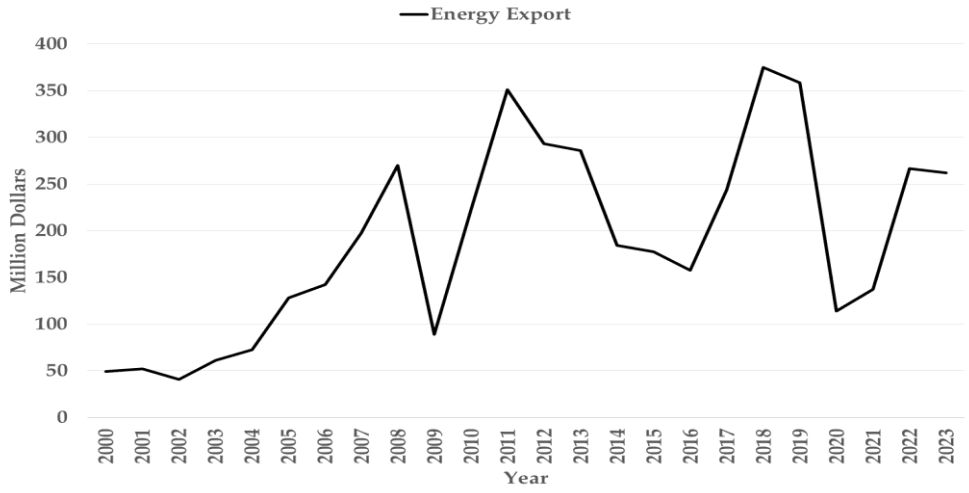

Figure 3. China's energy exports to Russia in 2000-2023 (in million dollars)

[1] *Source Figure* 2; 3: URL: https://comtradeplus.un.org/ (accessed 11.06.2024).

Having analysed Russia's trade under sanctions and trade relations between Russia and China, in the next section we consider trade policy of the two countries in energy sector under sanctions.

Adaptive measures of Russia and China in energy trade and their effects

Nguyen based on data on 49 trade partners of Russia from 2011 to 2018 found that sanctions had a serious impact on the Russian exports of petroleum products, reducing exports by about 36.56%, while the impact of sanctions on the Russian non-petroleum product exports was negligible [19]. To reduce the impact of EU-US economic sanctions on energy trade and to support energy trade, Russia and China have taken a series of adaptive measures (Table 2).

Table 2

Adaptive measures of energy trade between Russia and China under EU-US economic sanctions*

Adaptation Measures	Measures in 2014	Measures in 2022
Diversification of energy exports	Russia sought new energy export markets, notably enhancing cooperation with China and other Asian countries	Russia further strengthened energy cooperation with China, including the increase in exports of natural gas and oil, and expanded to other Asian markets
Adjustment of energy trade settlement mechanisms	Discussions began on using local currencies in energy trade settlements to reduce the reliance on the US dollar	Accelerated use of the renminbi and ruble in energy trade, reducing dependency on Western financial systems
Long-term contracts and advance payments	Long-term energy supply contracts and advance payment mechanisms used to ensure the stability of energy exports	Increased signing of long-term contracts with mechanisms like advance payments to secure investment projects and continuous energy supply
Energy infrastructure development	Acceleration of energy transportation infrastructure projects, such as the China-Russia East-Route Natural Gas Pipeline	Continued expansion of energy transportation infrastructure, including gas pipelines and port facilities, to strengthen land and maritime energy transport capabilities
Technological development and cooperation	Enhanced cooperation in energy exploration and technological development to improve efficiency and enhance self-sufficiency	Strengthened cooperation in energy exploration and technological development to enhance self-sufficiency

* *Compiled on*: [1; 2; 8].

In May 2014, Russia and China signed the Eastern Line natural gas pipeline agreement, which marks a major shift in Russia's energy exports to

the Eastern market. In the following years, Russia and China accelerated the construction of energy transmission infrastructure. Besides, they began to implement the use of RMB and rubles for energy trade settlement to maintain flexibility and autonomy. At the same time, the two countries established a long-term contract and advance payment mechanism for energy trade. These contracts provide long-term energy supply and income guarantees for both parties, the efficiency and safety of energy transmission. In terms of technical cooperation under the limited access to Western technology, Russia and China have strengthened collaboration in energy exploration and development technology.

As in 2022 the EU and US economic sanctions have intensified, the adaptive measures for energy trade between Russia and China have also developed. First, Russia has increased the export volume of natural gas and oil to China and expanded its energy exports to other Asian markets. Russia and China announced in 2022 that they would increase the supply of natural gas through the China-Russia East-Route natural gas pipeline[1].

Second, Russia and China have accelerated the use of the RMB and the ruble in energy trade. Third, Russia and China have promoted the use of the long-term contracts and advance payments to attain the long-term stability and strengthen the guarantee of energy supply in the uncertain international environment. Fourth, the two countries continue to expand energy transmission infrastructure, including the construction of new natural gas pipeline projects and port facilities, which strengthens energy transmission capacity and enhances the risk resistance of energy trade. Finally, Russia and China have taken new steps in energy technology cooperation and have the potential for development of clean energy and energy efficiency improvement.

At the same time, for Russia it is essential to enhance trade of higher value-added goods, not only in energy sector but also in the other sectors [2]. Meanwhile, Chinese government is implementing a strategy of technological development and promotes fundamental and applied science [4].

This creates a potential for cooperation in technological sphere between Russia and China, while technological development, as well as the development of human capital, are essential for Russia in the situation of the on-going technological revolution, evolving global value chains and energy transition [3].

Conclusion

The above analysis demonstrates that the economic sanctions have promoted energy trade between Russia and China due to strong complementarity in the production and consumption of energy and the

[1] Yermakov V., Meidan M. Russia and China Expand Their Gas Deal: Key implications. Oxford Energy Comment. March 2022. – URL: https://www.oxfordenergy.org/publications/russia-and-china-expand-their-gas-deal-key-implications/ (accessed 11.09.2024).

adaptive measures in the energy trade taken by the two countries, including energy trade settlement mechanism, long-term contracts and advance payment mechanism, energy infrastructure construction, and technical cooperation. Based on our research, we put forward the following recommendations for the development of energy trade between Russia and China.

First, Russia and China can increase investment in energy infrastructure construction – oil and gas pipelines, liquefied natural gas receiving terminals, energy storage facilities – to enhance energy transportation and storage capacity. Cooperation can be strengthened in the energy industry chain: enhancing independent development capability and technical cooperation in energy exploration, extraction, processing, storage, and transportation.

Second, Russia and China could benefit from developing financial cooperation and payment mechanism innovation in energy trade, such as the use of local currency settlements, digital currencies or other innovative financial instruments. Third, it is worth improving policy communication and coordination in energy trade, including the transparency of energy policy. In addition, expanding trade and investment cooperation in non-energy sectors would promote the development of the two economies.

Besides, Russia and China should diversify their energy trade. Given the current tendencies towards clean energy both in China and Russia, it is essential to develop cooperation in the field of renewable energy, as the demand for fossil fuel is expected to decrease with the shift towards alternative energy sources. Specifically, Russia can use its endowment of mineral resources to develop equipment for renewable energy production in cooperation with China. Both for Russia and China it is vital to continue energy transition to mitigate climate change, while considering the impact on the environmental situation of mining for minerals needed for the clean energy facilities.

Finally, it is important for Russia to diversify its export both in terms of goods and trading partners in order to benefit from better commercial conditions, improve the terms of trade and create possibilities for sustainable development.

Список литературы

1. *Глинская М. В.* Антироссийские санкции в отечественной нефтегазовой отрасли // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – № 2 (38). – С. 123–135. DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-123-135

2. *Сычева К. Г.* Торговое сотрудничество России: формирование стратегического партнерства в условиях санкций // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 144–162. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-1-144-162

3. *Фролова Е. Д., Шувалова О. В., Фролова А. С.* О глобальных технико-экономических вызовах современной эпохи и их влияние на промышленность России // Международная торговля в условиях новых стрессов в развитии глобальной экономики. – 2023. – Т. 9. – № 1 (33). – С. 172–186.

4. *Черников А. В.* Реализация политики технологического суверенитете в Китае // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – № 2. – С. 5–15. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-5-15

5. *Шкваря Л. В.* Динамика и структура экспорта углеводородов из России в ЕС и влияние санкций // Крымский научный вестник. – 2017. – № 4 (16). – С. 21–37.

6. *Ananyev B.* Sanctions in IR: Understanding, Defining, Studying // International Organisations Research Journal. – 2019. – Vol. 14. – N 3. – P. 136–150. – DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-07

7. *Caruso R.* The Impact of International Economic Sanctions on Trade – an Empirical Analysis // SSRN Scholarly Paper 895841. Rochester. New York, 2003. – DOI: 10.2139/ssrn.895841

8. *Chen Y., Jiang J., Wang L., Wang R.* Impact Assessment of energy Sanctions in Geo-Conflict: Russian–Ukrainian War // Energy Reports. – 2023. – Vol. 9. – P. 3082–3095. – DOI: 10.1016/j.egyr.2023.01.124

9. *Cortright D., Lopez G.A.* The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s // The Sanctions Decade. Lynne Rienner Publishers, 2000. – December, 31. – DOI: 10.1515/9781685858490

10. *Dizaji S. F., van Bergeijk P. A. G.* Potential Early Phase Success and Ultimate Failure of Economic Sanctions: A VAR Approach with an Application to Iran // Journal of Peace Research. SAGE Publications Ltd. – 2013. – Vol. 50. – N 6. – P. 721–736. – DOI: 10.1177/0022343313485487

11. *Haidar J. I.* Sanctions and Export Deflection: Evidence from Iran // Economic Policy. – 2017. – Vol. 32. – N 90. – P. 319–355. – DOI: 10.1093/epolic/eix002

12. *Hosoe N.* The Cost of War: Impact of Sanctions on Russia Following the Invasion of Ukraine // Journal of Policy Modeling. – 2023. – Vol. 45. – N 2. – P. 305–319. – DOI: 10.1016/j.jpolmod.2023.04.001

13. *Hufbauer G. C., Elliott K.* US Economic Sanctions: Their Impact on Trade, Jobs, and Wages: Working Paper Special (2) // Working Paper Series. – – 1997. – April. – URL: https://www.piie.com/publications/working-papers/us-economic-sanctions-their-impact-trade-jobs-and-wages

14. *Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A.* Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. – Washington, D.C: Institute for International Economics, 1985.

15. *Lei Y; Sui S.* China–Russia Strategic Partnership and the Oil and Gas Collaboration // Journal Contribution. – 2023. – December. – DOI: 10.1080/13511610.2023.2289827

16. *Li M., Zhang Z., Wang X., Guo R.* Dynamic Spillover Effects Between EU Economic Sanctions Against Russia, Oil Prices, and Share Prices of Energy Companies in Third Countries: Evidence from China and the USA // Environmental Science and Pollution Research. – 2024. – Vol. 31. – N 13. – P. 19381–19395. – DOI: 10.1007/s11356-024-32250-z

17. *Lindsay J. M.* Trade Sanctions as Policy Instruments: A Re-examination // International Studies Quaterly. – 1986. – Vol. 30. – N 2. – P. 153–173. – URL: https://web.stanford.edu/class/ips216/Readings/lindsay_86.pdf

18. *Morgan T. C., Syropoulos C., Yotov Y. V.* Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges // Journal of Economic Perspectives. – 2023. – Vol. 37. – N 1. – P. 3–30. – DOI: 10.1257/jep.37.1.3

19. *Nguyen T. T., Do M. H.* Impact of Economic Sanctions and Counter-Sanctions on the Russian Federation's Trade // Economic Analysis and Policy. – 2021. – Vol. 71. – P. 267–278. – DOI: 10.1016/j.eap.2021.05.004

20. *Pape R. A.* Why Economic Sanctions Still Do Not Work // International Security. 1998. – Vol. 23. – N 1. – P. 66–77. – URL: https://web.stanford.edu/class/ips216/Readings/pape_97%20(jstor).pdf

21. *Romanova T.* Sanctions and the Future of EU–Russian Economic Relations // Europe-Asia Studies. – 2016. – Vol. 68. – N 4. – P. 774–796. – DOI: 10.1080/09668136.2016.1159664

22. *Schott J. J.* Economic Sanctions Against Russia: How Effective? How Durable? // SSRN Scholarly Paper 4431076. Rochester. – New York, 2023. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4431076

23. *Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A., Yalcin E., Yotov Y. V.* The Global Sanctions Data Base-Release 3: COVID-19, Russia, and Multilateral Sanctions // Review of International Economics. – 2024. – Vol. 32. – N 1. – P. 12–48. – DOI: 10.1111/roie.12691

24. *Xin B., Zhang M.* Evolutionary Game on International Energy Trade Under the Russia-Ukraine Conflict // Energy Economics. – 2023. – Vol. 125. – P. 106827. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.106827

25. *Zhang Y.* International Law in the China-Russian Energy Partnership: Mapping the Partnership-Based Relational Approach // Journal of International Economic Law. – 2023. – Vol. 26. – N 4. – P. 737–755. – DOI: 10.1093/jiel/jgad041

References

1. Glinskaya M. V. Antirossiyskie sanktsii v otechestvennoy neftegazovoy otrasli [Anti-Russian Sanctions in the Domestic Oil and Gas Industry]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 2 (38), pp. 123–135. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-123-135

2. Sycheva K. G. Torgovoe sotrudnichestvo Rossii: formirovanie strategicheskogo partnerstva v usloviyakh sanktsiy [Russian Trade Cooperation: Forming a Strategic Partnership in the Context of Sanctions]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 1, pp. 144–162. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-1-144-162

3. Frolova E. D., Shuvalova O. V., Frolova A. S. O globalnykh tekhniko-ekonomicheskikh vyzovakh sovremennoy epokhi i ikh vliyanie na promyshlennost Rossii [On Global Technical and Economic Challenges of the Modern Era and Their Impact on Russian Industry]. *Mezhdunarodnaya torgovlya v usloviyakh novykh stressov v razvitii globalnoy ekonomiki* [International Trade Under New Development Stresses in the Development of the Global Economy], 2023, Vol. 9, No. 1 (33), pp. 172–186. (In Russ.).

4. Chernikov A. V. Realizatsiya politiki tekhnologicheskogo suverenitete v Kitae [Implementation of the Policy of Technological Sovereignty in China]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika*. [International Trade and Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 2, pp. 5–15. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-5-15

5. Shkvarya L. V. Dinamika i struktura eksporta uglevodorodov iz Rossii v ES i vliyanie sanktsiy [Dynamics and Structure of Hydrocarbon Exports from Russia to the EU and the Impact of Sanctions]. *Krymskiy nauchnyy vestnik* [Crimean Scientific Bulletin], 2017, No. 4 (16), pp. 21–37. (In Russ.).

6. Ananyev B. Sanctions in IR: Understanding, Defining, Studying. *International Organisations Research Journal,* 2019, Vol. 14, No. 3, pp. 136–150. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-07

7. Caruso R. The Impact of International Economic Sanctions on Trade – an Empirical Analysis. *SSRN Scholarly Paper 895841*. Rochester. New York, 2003. DOI: 10.2139/ssrn.895841

8. Chen Y., Jiang J., Wang L., Wang R. Impact Assessment of energy Sanctions in Geo-Conflict: Russian–Ukrainian War. *Energy Reports,* 2023, Vol. 9, pp. 3082–3095. DOI: 10.1016/j.egyr.2023.01.124

9. Cortright D., Lopez G. A. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s. *The Sanctions Decade. Lynne Rienner Publishers*, 2000, December 31. DOI: 10.1515/9781685858490

10. Dizaji S. F., van Bergeijk P. A. G. Potential Early Phase Success and Ultimate Failure of Economic Sanctions: A VAR Approach with an Application to Iran. *Journal of Peace Research. SAGE Publications Ltd*, 2013, Vol. 50, No. 6. pp. 721–736. DOI: 10.1177/0022343313485487

11. Haidar J. I. Sanctions and Export Deflection: Evidence from Iran. *Economic Policy,* 2017, Vol. 32, No. 90, pp. 319–355. DOI: 10.1093/epolic/eix002

12. Hosoe N. The Cost of War: Impact of Sanctions on Russia Following the Invasion of Ukraine. *Journal of Policy Modeling,* 2023, Vol. 45, No. 2, pp. 305–319. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2023.04.001

13. Hufbauer G. C., Elliott K. US Economic Sanctions: Their Impact on Trade, Jobs, and Wages: Working Paper Special (2). *Working Paper Series,* 1997, April. Available at: https://www.piie.com/publications/working-papers/us-economic-sanctions-their-impact-trade-jobs-and-wages

14. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. Washington, D.C, Institute for International Economics, 1985.

15. Lei Y; Sui S. China–Russia Strategic Partnership and the Oil and Gas Collaboration. *Journal contribution,* 2023, December. DOI: 10.1080/13511610.2023.2289827

16. Li M., Zhang Z., Wang X., Guo R. Dynamic Spillover Effects Between EU Economic Sanctions Against Russia, Oil Prices, and Share Prices of Energy Companies in Third Countries: Evidence from China and the USA. *Environmental Science and Pollution Research,* 2024, Vol. 31, No. 13, pp. 19381–19395. DOI: 10.1007/s11356-024-32250-z

17. Lindsay J. M. Trade Sanctions as Policy Instruments: A Reexamination. *International Studies Quaterly,* 1986, Vol. 30, No. 2, pp. 153–173. Available at: https://web.stanford.edu/class/ips216/Readings/lindsay_86.pdf

18. Morgan T. C., Syropoulos C., Yotov Y. V. Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges. *Journal of Economic Perspectives,* 2023, Vol. 37, No. 1, pp. 3–30. DOI: 10.1257/jep.37.1.3

19. Nguyen T. T., Do M. H. Impact of Economic Sanctions and Counter-Sanctions on the Russian Federation's Trade. *Economic Analysis and Policy,* 2021, Vol. 71, pp. 267–278. DOI: 10.1016/j.eap.2021.05.004

20. Pape R. A. Why Economic Sanctions Still Do Not Work. *International Security,* 1998, Vol. 23, No. 1, pp. 66–77. Available at: https://web.stanford.edu/class/ips216/Readings/pape_97%20(jstor).pdf

21. Romanova T. Sanctions and the Future of EU–Russian Economic Relations. *Europe-Asia Studies*, 2016, Vol. 68, No. 4, pp. 774–796. DOI: 10.1080/09668136.2016.1159664

22. Schott J. J. Economic Sanctions Against Russia: How Effective? How Durable? *SSRN Scholarly Paper 4431076*. Rochester, New York, 2023. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4431076

23. Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A., Yalcin E., Yotov Y. V. The Global Sanctions Data Base-Release 3: COVID-19, Russia, and Multilateral Sanctions. *Review of International Economics,* 2024, Vol. 32, No. 1, pp. 12–48. DOI: 10.1111/roie.12691

24. Xin B., Zhang M. Evolutionary Game on International Energy Trade Under the Russia-Ukraine Conflict. *Energy Economics,* 2023, Vol. 125, pp. 106827. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.106827

25. Zhang Y. International Law in the China-Russian Energy Partnership: Mapping the Partnership-Based Relational Approach. *Journal of International Economic Law,* 2023, Vol. 26. No. 4, pp. 737–755. DOI: 10.1093/jiel/jgad041

Сведения об авторах

Линь Шэнфу
Аспирант института экономики и менеджмента УрФу.
Адрес: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, 620062, ул. Мира, д. 19.
E-mail: 1249821454@qq.com

Наталья Борисовна Давидсон
кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики и менеджмента, Институт экономики и менеджмента УрФу.
Адрес: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, 620062, ул. Мира, д. 19.
E-mail: natalya.davidson@gmail.com

Information about the authors

Lin Shengfu
Post-Graduate Student, Graduate School of Economics and Management of UrFU.
Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira Street, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation.
E-mail: 1249821454@qq.com

Natalia B. Davidson
PhD, Associate Professor at the Chair of International Economics and Management, Graduate School of Economics and Management, UrFU.
Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira Street, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation.
E-mail: natalya.davidson@gmail.com

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-59-73

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ИРАНА: ПРОГНОЗНЫЕ ОЦЕНКИ НА ОСНОВЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Е. С. Петров
независимый исследователь,
Москва, Россия
Е. А. Николаева, М. В. Глинская
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье представлена прогнозная оценка развития национального хозяйства и внешней торговли Ирана до 2030 г., рассчитанная авторами на основе математического и системного анализа макроэкономических процессов и методов моделирования с помощью модели Бокса – Дженкинса (ARIMA). Метод оценивания: точный метод максимального правдоподобия. Тема представляется актуальной вследствие присоединения Ирана к БРИКС с 2024 г. Дан прогноз возможных трендов экономического и внешнеторгового развития Ирана, во-первых, для самой страны, и, во-вторых, для других стран – участниц БРИКС и объединения в целом. Исследование актуализируется с учетом продолжающегося усиления глобальной волатильности, нестабильности в мире, в том числе в Азии и исламском мире, а также появления новых угроз. Предмет исследования – тренды экономического развития Ирана как члена БРИКС. Цель статьи – разработка научно обоснованного прогноза развития экономики и внешней торговли Ирана в среднесрочной перспективе. Обозначены потенциальные угрозы развития экономики Ирана. Статистической основой исследования послужили преимущественно данные Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Результаты исследования могут быть использованы для понимания тенденций социально-экономического и внешнеторгового развития страны, корректировки этого развития, а также расширения и обогащения теоретических концепций мировой экономики. Исследование и авторские расчеты базируются исключительно на нынешних обстоятельствах и сегодняшних реалиях без учета каких-либо фундаментальных изменений в политике и экономике исследуемой страны. Авторские расчеты и выводы могут быть полезны экономистам, предпринимателям, исследователям как база для их дальнейшей практической и научной деятельности.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, национальная экономика, внешняя торговля, ВВП, подушевой доход, социальная сфера, БРИКС.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF IRAN'S ECONOMY AND FOREIGN TRADE: FORECAST ESTIMATES BASED ON MATHEMATICAL MODELING

Evgeny S. Petrov
Independent researcher,
Moscow, Russia
Elena A. Nikolaeva, Maria V. Glinskaya
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The article presents a forecast assessment of the development of the national economy and foreign trade of Iran until 2030, calculated by the authors on the basis of mathematical and systematic analysis of macroeconomic processes and methods of modeling using the Box – Jenkins model (ARIMA). Estimation method: the exact maximum likelihood method. The topic seems relevant due to Iran's joining the BRICS from 2024. Therefore, it is important to predict possible trends in Iran's economic and foreign trade development, firstly, for the country itself, and secondly, for the other BRICS member countries and the association as a whole. The study is updated taking into account the continued increase in global volatility, as well as instability in the world, including Asia and the Islamic world, and the emergence of new threats. The subject is the trends of Iran's economic development as a member of the BRICS. The purpose of the article is to develop a scientifically based forecast of the development of Iran's economy and foreign trade in the medium term. The article identifies potential threats to the development of the Iranian economy. The statistical basis of the study was mainly data from the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). The results of the study can be used to understand the trends of socio-economic and foreign trade development of the country, adjust this development, as well as expand and enrich the theoretical concepts of the world economy. The research and author's calculations are based solely on the current circumstances and current realities, without taking into account any fundamental changes in the politics and economy of the country under study. The author's calculations and conclusions can be useful to economists, entrepreneurs, and researchers as a basis for their further practical and scientific activities.
Keywords: socio-economic development, national economy, foreign trade, GDP, per capita income, social sphere, BRICS.

Введение

На данный момент Иран вызывает повышенный интерес у исследователей вследствие особенностей развития страновых, региональных и глобальных процессов последних лет. Так, изучаются относительная устойчивость экономики страны к тяжелым и длительным западным санкциям и возможности применения существующего в Иране антисанкционного механизма в других странах, подвергающихся санкционному давлению [14; 15].

Специалистами Института востоковедения РАН осуществляется анализ особенностей экономического развития Ирана с момента ислам-

ской революции до настоящего времени, а также законодательные и идеологические основы национальной экономической политики [6]. Иран сталкивается с определенными трудностями в своем социально-экономическом развитии вследствие внешних и внутренних процессов в условиях глобализации [7], сохраняя свою специфику развития и управления [1].

В то же время для Ирана огромное значение имеет внешнеэкономическая деятельность, которую страна целенаправленно активизирует, что отмечается исследователями [17; 18]. Однако внешнеэкономическая деятельность Ирана имеет ограничения не только в виде санкций, но и роста глобальных рисков и нестабильности в мире и в регионе и ухудшения международной безопасности [12; 16]. Расширение БРИКС может оказать содействие в решении социально-экономических проблем как для Ирана, так и для других стран [9; 10; 11].

На наш взгляд, для Ирана открываются новые возможности сотрудничества с партнерами в рамках БРИКС, а также ЕАЭС, интеграционные процессы в которой активизируются на базе технологического взаимодействия [2]. В 2005 г. Иран был принят в ШОС. От динамики макроэкономических показателей Ирана во многом будет зависеть «состояние здоровья» и ШОС, и БРИКС. Поэтому важно провести макроэкономический математический анализ состояния национального хозяйства и внешней торговли для понимания долгосрочных перспектив развития Ирана, что и является целью данной статьи.

Результаты исследования

Одним из способов достижения всестороннего развития страны является адекватное понимание демографических изменений, поскольку все экономические, социальные и культурные аспекты любого общества связаны с численностью населения и его структурными особенностями.

Согласно существующим теориям, демографический переход, который объясняет изменения в размере, росте и возрастной структуре населения в Иране, способствовал тому, что доля производительного или потенциально экономически активного населения (людей в возрасте от 15 до 64 лет), по данным переписи населения 2016 г., достигла максимального уровня в последние годы (69,9% от общей численности населения страны), что привело к формированию так называемого окна демографических возможностей (рис. 1).

Если воспользоваться демографическим окном (при условии умеренного роста населения) с высокой долей молодого и способного к экономической деятельности населения, и соответственно, создать условия для повышения производительности труда и занятости, то не только некоторые демографические проблемы будут решены, но и возрастут объ-

емы производства, что будет способствовать экономическому росту страны в целом.

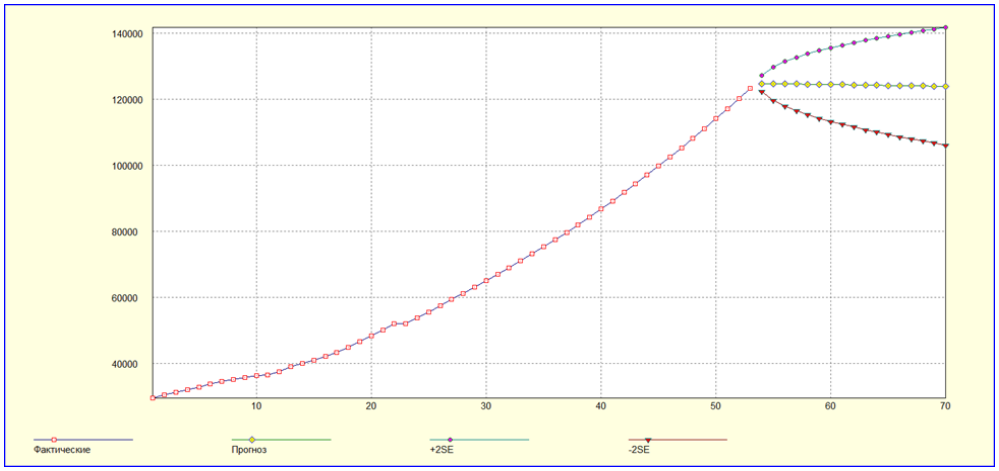

Рис. 1. Численность населения Исламской Республики Иран в 1970–2023 г. и прогноз до 2030 г. (в млн человек)[1]

Что касается экономического развития, то, создавая концепцию развития, мыслители стремились представить многомерную, социализированную модель, которая могла бы одновременно стимулировать экономический рост и приносить удовлетворение населению. Таким образом, понятие роста ВВП остается чисто экономическим, но с точки зрения дальнейшего развития мы имеем дело с социальным и всеобъемлющим понятием, так как развитие – это увеличение экономических, политических и социальных возможностей различных обществ. На самом деле развитие переходит от количественного понятия к качественному. Развитие страны можно охарактеризовать такими факторами, как экономический рост, показатели здоровья, ожидаемая продолжительность жизни и удовлетворенность граждан.

Иран стремится осуществлять социально-экономическое развитие в соответствии со своими культурными, географическими и историческими потребностями, опираясь на исламские, национальные и революционные моральные принципы и ценности, основываясь на религиозной демократии, социальной справедливости, а также безопасности [1].

Иран достиг первого места в области экономики, науки и техники в регионе Юго-Западной Азии (включая Центральную Азию, Кавказ, Ближний Восток и соседние страны) с акцентом на движение за программное обеспечение и научное производство, быстрый и устойчивый

[1] Рис. 1–5 составлены по: UNCTADstat (2024). – URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=97

экономический рост, относительное повышение уровня дохода на душу населения и достижение полной занятости.

В Иране имеется 81 вид полезных ископаемых, доказанные запасы которых составляют 55 млрд т, что делает его одной из 10 самых богатых полезными ископаемыми стран мира.

Вероятно, это обстоятельство, а также независимая политика Ирана привели к тому, что страна подвергается жестоким западным санкциям, которые негативно влияют на социально-экономическую динамику Исламской Республики Иран (ИРИ) [14] (рис. 2).

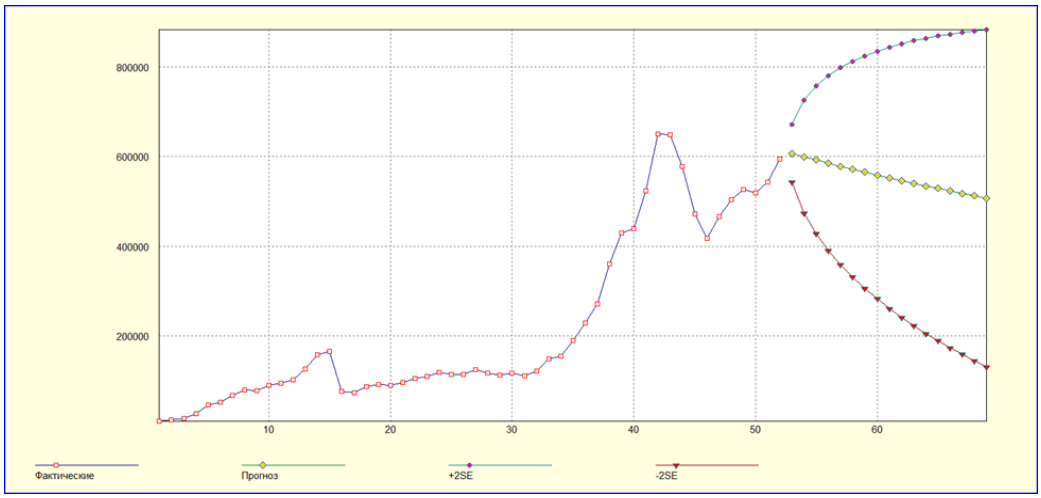

Рис. 2. ВВП Ирана: фактические и расчетные значения по номеру наблюдения, 1970–2023 гг. и прогноз до 2030 г. (в млн долларов)

«Несмотря на то что от экономических санкций против Ирана не пострадали соседние страны, … сама иранская экономика подверглась давлению серьезного спада. Благодаря умелой переориентации внешнеэкономического направления Ирану удалось стабилизировать национальную экономику и уменьшить темпы экономической стагнации» [3. – С. 18].

В 2023 г. ВВП Ирана вырос на 36%, в 2024 г. – на 2,5% и, по оценкам, экономический рост в 2025 г. составит 2,7%. Однако в стране сохраняется высокая инфляция, достигшая в 2023 г. 47%, в 2024 г. – 32,5% и прогнозируемая на уровне 2,7% в 2025 г. По сути, инфляция «съедает» экономический рост, будучи существенно выше его динамики.

Промышленность Ирана основывается на разведке и разработке месторождений нефти, а также на нефтепереработке, нефтехимии и производстве стали. В стране осуществляется производство таких видов продукции, как электроэнергетика, текстиль, сборка автомобилей и тракторов, мотоциклов. Развиты металлургия, химическая, пищевая, фармацев-

тическая промышленность, производство цветных металлов, бумаги, цемента, сахара и строительных материалов, механическая обработка; традиционно производятся ковры и ковровые покрытия и т. д.

При этом горнодобывающая промышленность Ирана имеет относительно слабую основу, так как во многом зависит от импорта запасных частей.

По нашим расчетам, в перспективе экономический рост в стране не активизируется, в том числе из-за санкционного давления. Соответственно, процесс снижения экономической мощи Ирана может только усилиться. В связи с этим Ирану важно генерировать и развивать различные проекты для обеспечения роста производства. Это позволит решить ряд социальных проблем, например, уменьшить безработицу, так как в стране один из самых низких уровней экономического участия населения. Следует отметить, что население Ирана составляет 83 млн человек, однако, по самым оптимистичным оценкам, только 25 млн человек вовлечены в экономику. При этом уровень участия женщин в экономической жизни очень низок, и стране нужна новая политика в этой области, а также в целом расстановка приоритетов социально-экономического развития. Например, не в полной мере сбалансирована банковская сфера Ирана, что негативно влияет не только на национальную экономику, но и на внешнеэкономическую деятельность.

Несмотря на то что Иран не вступил во Всемирную торговую организацию, во внешней торговле он стремится к конструктивному и эффективному взаимодействию с миром, основанному на принципах достоинства, мудрости и целесообразности. Опираясь на свои географические и ресурсные преимущества, Иран проявляет интерес к странам Персидского залива, странам Кавказа и странам СНГ в Центральной Азии.

Внешняя торговля Ирана в 2019–2020 г. сократилась в соответствии с общемировыми тенденциями после вспышки коронавируса.

В то же время 2023 г. был довольно плодотворным для Ирана в области политической и международной экономики. Он начался с решения международного суда о выдаче разрешений внутренним судам США на изъятие заблокированных активов иранских компаний в Соединенных Штатах и нарушения договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах с Ираном. Министры иностранных дел Ирана и Саудовской Аравии встретились в Пекине после почти 8-летнего разрыва дипломатических отношений и договорились восстановить двустороннее сотрудничество, хотя Иран и Саудовская Аравия никогда не были основными торговыми партнерами; на пике экономических отношений товарооборот между Тегераном и Эр-Риядом составлял около 800 млн долларов, из которых 500 млн долларов – иранский импорт из Саудовской Аравии, а 300 млн – экспорт Ирана в Саудовскую Аравию. В годы разрыва ирано-саудовских отношений торговля между двумя странами прак-

тически прекратилась, достигнув 40 тыс. долларов. Начало сотрудничества может дать толчок к его развитию, что имело бы важное значение как для обеих стран, так и региона в целом.

По данным таможенной статистики Ирана, за 11 месяцев 2023 г. стоимостный объем внешней торговли страны в экспортном секторе, за исключением экспорта электроэнергии, нефти и инжиниринговых услуг, составил около 44,89 млрд долларов, а в натуральном выражении его объем составил 124,756 млн т товаров. По сравнению со стоимостью экспорта за 11 месяцев предыдущего года это примерно на 4,2 млрд долларов меньше. Доля нефти в экспортной корзине за 11 месяцев 2023 г. оценивалась в 32,59 млрд долларов, а экспорт технических и инжиниринговых услуг достиг 1,9 млрд долларов, при этом общий объем экспорта страны за этот период достиг 78,89 млрд долларов (рис. 3).

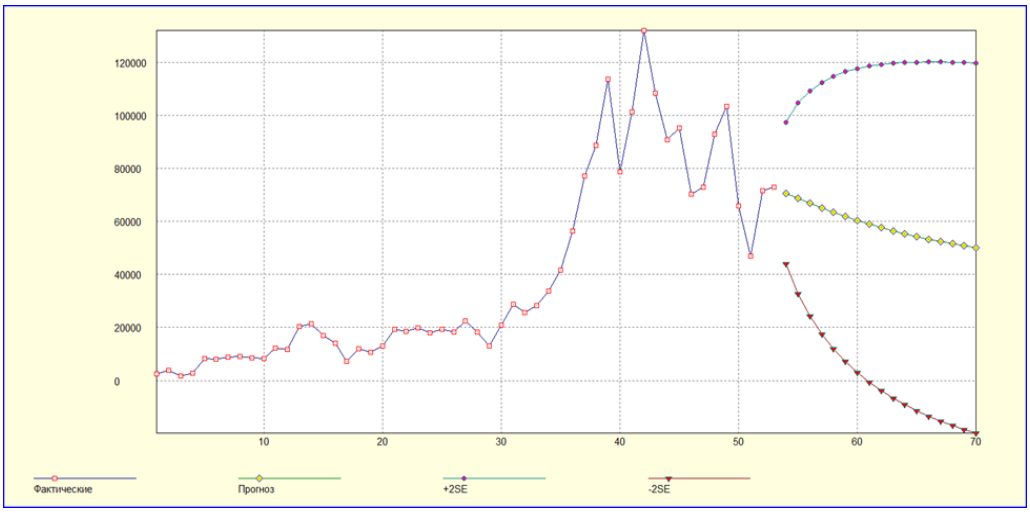

Рис. 3. Экспорт Ирана в 1970–2023 гг. и прогноз до 2030 г. (в млн долларов)

Как видно из представленных данных, основу экспорта Ирана традиционно составляет нефть, что оценивается экспертами как источник волатильности стоимостного объема внешней торговли страны [13]. Статьями экспорта Ирана также являются газ, металлические руды, кожа, ковры, фрукты и сухофрукты. Поэтому важной задачей страны выступает диверсификация национальной экономики [4].

Вместе с тем, согласно авторским расчетам, возможности дальнейшего наращивания экспорта у Ирана ограничены, в том числе и внутренними причинами – динамикой ВВП.

Ситуация в сфере импорта близка к той, которая сформировалась в экспортном секторе, и здесь можно ожидать сокращения объемов в долгосрочной перспективе (рис. 4).

Стоимость импорта страны за 11 месяцев 2023 г. достигла 59 млрд долларов, в результате чего ненефтяной экспорт и импорт страны столкнулись с торговым дисбалансом в 15 млрд долларов. Объем импорта составил 35 млн 766 тыс. т товаров, увеличившись на 6,4% по весу и на 11,11% по стоимости. За это время в страну поступило электроэнергии на 60 млн, что на 48% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Однако из-за того, что в стоимостном выражении импорт в 2023 г. был больше, чем экспорт, торговый баланс стал отрицательным. Таким образом, существующий дисбаланс, вероятно, является самым большим отрицательным балансом между экспортом и импортом страны за последнее десятилетие.

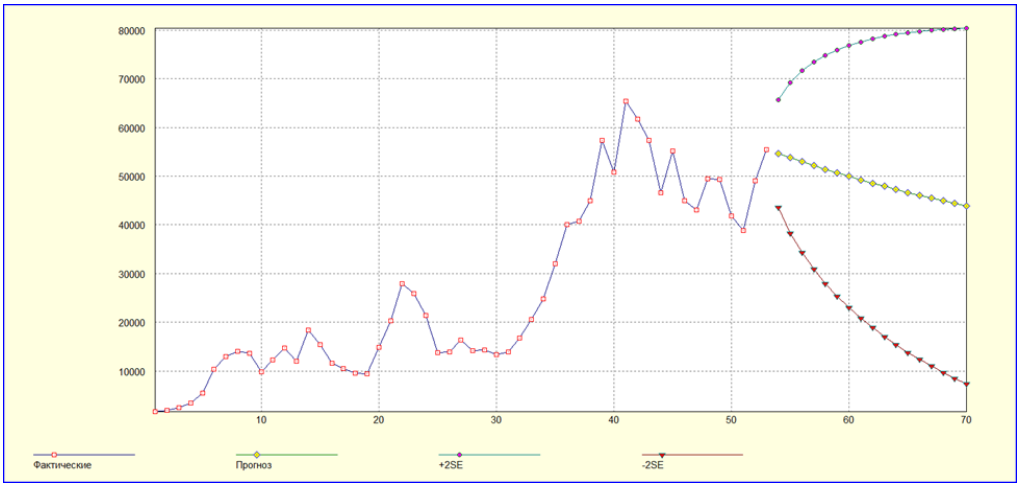

Рис. 4. Импорт Ирана в 1970–2023 гг. и прогноз до 2030 г. (в млн долларов)

Так, основными импортируемыми товарами являются зерно, масло и продукты питания, медикаменты, транспортные средства, машины и оборудование, домашний скот, химическое сырье и материалы, напитки, табак и т. д.

С 1979 г. Иран подписал 138 торговых и тарифных соглашений с 69 странами. В 2018 г. Иран подписал временное соглашение о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), которое предусматривает предварительные налоговые льготы на товары. На этот список приходится 50% объема торговли между двумя сторонами. Временное соглашение продлено до 27 октября 2025 г., до тех пор, пока не будет создана зона свободной торговли. Соглашение вступает в силу с даты его заключения. В настоящее время Евразийский экономический союз отменил импортные пошлины на 10 иранских товаров. Это картофель, лук, чеснок, капуста, морковь, перец, соки, пшеница, черный рис, длиннозерный рис и детский рис, детское питание.

Одним из крупнейших внешнеторговых партнеров Ирана остается Китай. В 2022 г. объем торговли между Китаем и Ираном достиг 115,8 млрд долларов, увеличившись на 7% в годовом исчислении. Китай становится крупнейшим торговым партнером Ирана 10 лет подряд. Таким образом, двусторонние отношения между странами сохраняют хорошую динамику, а всесторонние обмены и прагматическое сотрудничество неуклонно развиваются. В марте 2021 г. Иран и Китай подписали 25-летнее соглашение о стратегическом сотрудничестве в экономической, военной области и кибербезопасности, а 14 января 2022 г. было объявлено о начале реализации китайско-иранского всеобъемлющего плана сотрудничества. Экономическое и торговое сотрудничество между двумя странами продолжает углубляться. Иран остается важным источником импорта сырой нефти для КНР, а также рынком инжиниринговых контрактов и инвестиций. При этом имеются возможности для сотрудничества во многих аспектах. В Китае отмечают, что «…развитие китайско-иранских исторических отношений вступило в лучший период и также демонстрирует лучшее состояние, закладывая новую основу для стратегического взаимного доверия и сотрудничества для дальнейшего развития отношений между двумя странами» [8].

В свою очередь Китай остается крупнейшим торговым партнером Ирана, крупнейшим экспортным направлением и вторым по величине источником импорта, в то время как Иран является важным инвестиционным направлением и источником импорта сырой нефти для Китая.

Растет значимость для Ирана сотрудничества с Россией. Страны намерены расширять экономическое, торговое, культурное и другие сферы сотрудничества. Среди приоритетов двустороннего сотрудничества – развитие железнодорожной инфраструктуры Ирана и проект строительства атомной электростанции в Бушере. Страны будут использовать местные валюты для торговли, чтобы решить платежные проблемы; способствовать свободной торговле [19].

Для продвижения финансовых транзакций между субъектами хозяйствования двух стран 11 ноября 2024 г. произошло соединение иранской платежной системы Shetab и российской платежной системы «Мир». В ближайшее время планируется запустить следующую фазу проекта, которая будет предоставлять более широкий спектр услуг [5], хотя в целом цифровая экономика в Иране не получила взрывного развития.

Из-за отсутствия значительной базы инвестиций, страна заинтересована в привлечении ПИИ (рис. 5). Это демонстрирует тенденцию к росту геоэкономической фрагментации, т. е. геополитические предпочтения играют все более важную роль в определении местонахождения прямых иностранных инвестиций при резком увеличении волатильности общего объема привлекаемых в страну ПИИ.

Иран стремится найти иностранных инвесторов и привлечь их ресурсы в экономику. Такие проекты в перспективе могут быть успешными, особенно после вступления Ирана в БРИКС. Так, российские компании намерены инвестировать в проекты по производству нефтепродуктов в северных иранских портах.

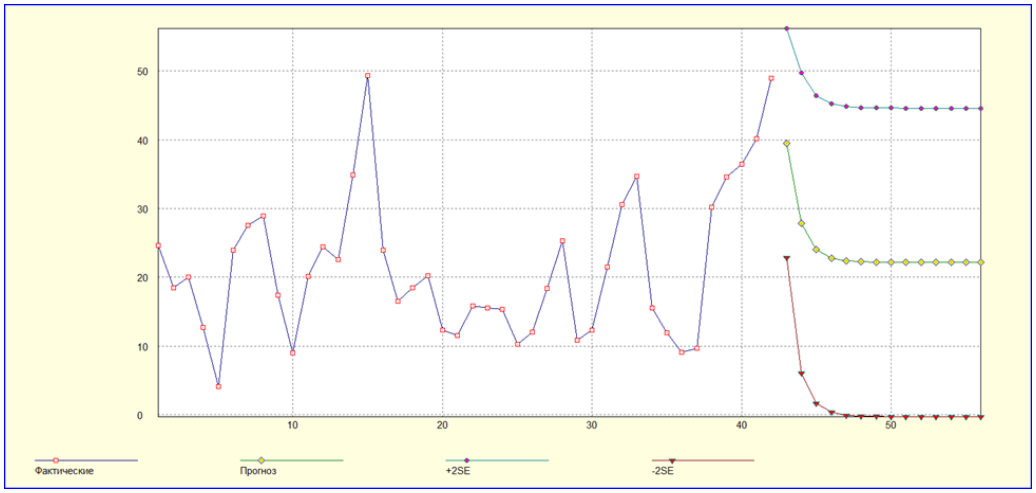

Рис. 5. Динамика привлечения ПИИ в ИРИ в 1970–2023 гг.
и прогноз до 2030 г. (в млн долларов)

Иностранные инвестиции в Иране в основном сосредоточены в нефтяной, газовой промышленности, в других добывающих отраслях, а также в автомобильной, нефтехимической, пищевой и фармацевтической промышленности. С точки зрения географии, Азия и Европа являются наиболее важными источниками ПИИ в Иран, в свою очередь Китай, Германия, ОАЭ, Канада и Австрия входят в пятерку крупнейших стран по объему инвестиций в Ирак.

С тех пор как США возобновили санкции против Ирана в мае 2018 г. европейские и азиатские компании, финансируемые из-за рубежа, вышли из Ирана или продолжают сворачивать или сокращать масштабы своего бизнеса, включая такие известные компании, как Total, Siemens, Daimler и Samsung.

Таким образом, западные экономические санкции привели к сокращению внутренних и иностранных инвестиций в Иран, и, по нашим расчетам, ситуация не будет улучшаться в долгосрочном периоде, что требует от Ирана принятия мер, которые смогут защитить национальные интересы государства.

Заключение

Иран обладает многочисленным населением, выгодным географическим положением и очевидными преимуществами в плане обеспеченности ресурсами. В настоящее время экономика находится в упадке, темпы роста экономики в целом остаются низкими, особенно с учетом инфляции. Сохраняя жизненно важное значение для страны, внешняя торговля и в целом внешнеэкономическая деятельность Ирана остаются в состоянии рецессии.

Основными экспортными рынками Ирана являются Китай, Ирак, ОАЭ, Турция, Афганистан, Индия, Южная Корея, Пакистан. Основными источниками импорта – Китай, ОАЭ, Южная Корея, Германия, Турция, Швейцария, Индия и Россия. В настоящее время Китай сохраняет свои позиции крупнейшего торгового партнера Ирана.

Иностранные инвестиции в Иране в основном сосредоточены в нефтяной, газовой промышленности, в других добывающих отраслях, а также в автомобильной, нефтехимической, пищевой и фармацевтической промышленности. С точки зрения географии, Азия и Европа являются наиболее важными источниками ПИИ в Иран.

В контексте продолжающейся западной блокады и санкций, негативно влияющих на социально-экономическую ситуацию и ее динамику, Иран выбрал дипломатическую стратегию взгляда на Восток для углубления связей и сотрудничества с БРИКС, ШОС, ЕАЭС, которые уже сегодня выступают важными внешнеторговыми и инвестиционными партнерами Ирана. Механизм сотрудничества с БРИКС является основной силой, способствующей построению равноправного и упорядоченного многополярного мира, в то время как мировая экономика по-прежнему сталкивается со многими вызовами.

Список литературы

1. *Амирреза Н. Г.* Характеристики социально-экономического развития Ирана и принципы управления в иранской экономике // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 11. – С. 68–70.

2. *Глинская М. В., Денисов Д. С.* ЕАЭС: развитие в условиях эскалации глобальной нестабильности, экономическая интеграция и роль технологизации // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2023. – № 116. – С. 29–39. – DOI: 10.26653/1993-4947-2023-116-03

3. *Глинская М. В., Полежаев М. А.* Влияние западных санкций на динамику экономического развития: опыт Ирана для Российской Федерации // Россия и Азия. – 2024. – № 1 (27). – С. 16–30.

4. *Евдокимов И. Д., Кудрин Г. М., Куликова А. П.* Сырьевая экономика и проблема диверсификации экспорта: Россия и опыт Ирана // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 50. – С. 938–945.

5. Иран подключается к платежной системе российских банков. – URL: https://ir.mofcom.gov.cn/jmxw/art/2024/art_d85776448d5c4ac3a03b89b67fd244c3.html

6. *Мамедова Н. М.* Исламская экономика Ирана: теория и практика. Москва, Институт востоковедения РАН, 2022.

7. *Медведева М. Б., Стародубцева Е. Б.* Республика Иран: встраивание в глобальные тенденции развития мировой экономики // Вестник Астраханского государственного технического университета. – Серия: Экономика. – 2022. – № 1. – С. 62–69. – DOI: 10.24143/2073-5537-2022-1-62-69

8. Отношения между Китаем и Ираном находятся в лучшем периоде в истории. – URL: https://sputniknews.cn/20230822/1052696674.html?ysclid=m4423vpair75149630

9. *Петров Е. С., Николаева Е. А.* Перспективы экономики и внешней торговли Египта: прогнозные оценки на основе математического моделирования // Россия и Азия. – 2024. – № 3 (29). – С. 37–46.

10. *Петров Е. С., Николаева Е. А.* Перспективы экономики и внешней торговли Индии: прогнозные оценки на основе математического моделирования // Россия и Азия. – 2024. – № 2 (28). – С. 71–80.

11. *Петров Е. С., Николаева Е. А.* Перспективы экономики и внешней торговли Эфиопии: прогнозные оценки на основе математического моделирования // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – № 3 (39). – С. 52-64. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-52-64

12. *Поплавский С. П.* Тенденции развития геополитической обстановки в мире и международная экономическая безопасность // Проблемы развития социально-экономических систем : материалы VIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Донецк, 2024. – С. 403–405.

13. *Расулинежад Э.* Влияние мировой цены на нефть на экономику стран – экспортеров нефти // Дискуссия. – 2015. – № 6 (58). – С. 53–57.

14. *Рахим Тарги Х.* Экономика сопротивления: опыт Ирана и российская действительность // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14. – № 3. – С. 143–147. – DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-143-147

15. *Русакович В. И., Лебедева Д. В.* Иран: развитие в условиях санкций: опыт для России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – № 6 (78). – С. 54.

16. *Смирнов Е. Н.* Эволюция триггеров хрупкости мировой экономики в условиях кризиса // Россия и Азия. – 2023. – № 1 (23). – С. 6–17.

17. *Цоц Е.* Иран вступает в ЕАЭС: какую выгоду получит Россия? – URL: https: www.yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3197862.html

18. *Шкваря Л. В., Русакович В. И., Лебедева Д. В.* Россия – Иран: развитие сотрудничества в условиях санкций // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2014. – № 11 (71). – С. 43.

19. *Шкваря Л. В.* Российско-Иранские торгово-экономические отношения на современном этапе и направления их развития // Инновационная экономика. – 2022. – № 4 (33). – С. 51–64.

References

1. Amirreza N. G. Kharakteristiki sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Irana i printsipy upravleniya v iranskoy ekonomike [Characteristics of Socio-Economic Development of Iran and Principles of Management in the Iranian Economy]. I*nnovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2018, No. 11, pp. 68–70. (In Russ.).

2. Glinskaya M. V., Denisov D. S. EAES: razvitie v usloviyakh eskalatsii globalnoy nestabilnosti, ekonomicheskaya integratsiya i rol tekhnologizatsii [The EAEU: Development in the Context of Escalating Global Instability, Economic Integration and the Role of Technologization]. *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2023, No. 116, pp. 29–39. (In Russ.). DOI: 10.26653/1993-4947-2023-116-03

3. Glinskaya M. V., Polezhaev M. A. Vliyanie zapadnykh sanktsiy na dinamiku ekonomicheskogo razvitiya: opyt Irana dlya Rossiyskoy Federatsii [The Impact of Western Sanctions on the Dynamics of Economic Development: Iran's Experience for the Russian Federation]. *Rossiya i Aziya*. [Russia and Asia], 2024, No. 1 (27), pp. 16–30. (In Russ.).

4. Evdokimov I. D., Kudrin G. M., Kulikova A. P. Syrevaya ekonomika i problema diversifikatsii eksporta: Rossiya i opyt Irana [Raw Material Economy and the Problem of Export Diversification: Russia and Iran's Experience]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie* [Innovations. Science. Education], 2022, No. 50, pp. 938–945. (In Russ.).

5. Iran podklyuchaetsya k platezhnoy sisteme rossiyskikh bankov. [Iran is Connecting to the Payment System of Russian Banks]. (In Russ.). Available at: https://ir.mofcom.gov.cn/jmxw/art/2024/art_d85776448d5c4ac3a03b89b67fd244c3.html

6. Mamedova N. M. Islamskaya ekonomika Irana: teoriya i praktika. [The Islamic Economy of Iran: Theory and Practice]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2022. (In Russ.).

7. Medvedeva M. B., Starodubtseva E. B. Respublika Iran: vstraivanie v globalnye tendentsii razvitiya mirovoy ekonomiki [The Republic of Iran: Integration into Global Trends in the Development of the World Economy]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics], 2022, No. 1, pp. 62–69. (In Russ.). DOI: 10.24143/2073-5537-2022-1-62-69

8. Otnosheniya mezhdu Kitaem i Iranom nakhodyatsya v luchshem peri-ode v istorii [Relations between China and Iran are in the Best Period in

History]. (In Russ.). Available at: https://sputniknews.cn/20230822/1052696674.html?ysclid=m4423vpair75149630

9. Petrov E. S., Nikolaeva E. A. Perspektivy ekonomiki i vneshney torgovli Egipta: prognoznye otsenki na osnove matematicheskogo modelirovaniya [Prospects of the Economy and Foreign Trade of Egypt: Forecast Estimates Based on Mathematical Modeling]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 3 (29), pp. 37–46. (In Russ.).

10. Petrov E. S., Nikolaeva E. A. Perspektivy ekonomiki i vneshney torgovli Indii: prognoznye otsenki na osnove matematicheskogo modelirovaniya [Prospects of the Economy and Foreign Trade of India: Forecast Estimates Based on Mathematical Modeling]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 2 (28), pp. 71–80. (In Russ.).

11. Petrov E. S., Nikolaeva E. A. Perspektivy ekonomiki i vneshney torgovli Efiopii: prognoznye otsenki na osnove matematicheskogo modelirovaniya [Prospects of the Economy and Foreign Trade of Ethiopia: Forecast Estimates Based on Mathematical Modeling]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [Prospects of the Economy and Foreign Trade of Ethiopia: Forecast Estimates Based on Mathematical Modeling], 2024, Vol. 10, No. 3 (39), pp. 52-64. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-52-64

12. Poplavskiy S. P. Tendentsii razvitiya geopoliticheskoy obstanovki v mire i mezhdunarodnaya ekonomicheskaya bezopasnost [Trends in the Development of the Geopolitical Situation in the World and International Economic Security]. *Problemy razvitiya sotsialno-ekonomicheskikh system, materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov* [Problems of the Development of Socio-Economic Systems, Materials of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists and Students]. Donetsk, 2024, pp. 403–405. (In Russ.).

13. Rasulinezhad E. Vliyanie mirovoy tseny na neft na ekonomiku stran – eksporterov nefti [The impact of the World Oil Price on the Economy of Oil Exporting Countries]. Diskussiya [Discussion], 2015, No. 6 (58), pp. 53–57. (In Russ.).

14. Rakhim Targi Kh. Ekonomika soprotivleniya: opyt Irana i rossiyskaya deystvitelnost [Economics of Resistance: the Experience of Iran and Russian Reality]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2024, Vol. 14, No. 3, pp. 143–147. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-143-147

15. Rusakovich V. I., Lebedeva D. V. Iran: razvitie v usloviyakh sanktsiy: opyt dlya Rossii [Iran: Development Under Sanctions: Experience for Russia]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. [Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journa], 2015, No. 6 (78), p. 54. (In Russ.).

16. Smirnov E. N. Evolyutsiya triggerov khrupkosti mirovoy ekonomiki v usloviyakh krizisa [Evolution of Triggers of Fragility of the World Economy

in Crisis Conditions]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 1 (23), pp. 6–17. (In Russ.).

17. Tsots E. Iran vstupaet v EAES: kakuyu vygodu poluchit Rossiya? [Iran Joins the EAEU: what Benefits Will Russia Get?]. (In Russ.). Available at: https: www.yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3197862.html

18. Shkvarya L. V., Rusakovich V. I., Lebedeva D. V. Rossiya – Iran: razvitie sotrudnichestva v usloviyakh sanktsiy [Russia – Iran: Development of Cooperation Under Sanctions]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal], 2014, No. 11 (71), pp. 43. (In Russ.).

19. Shkvarya L. V. Rossiysko-Iranskie torgovo-ekonomicheskie otnosheniya na sovremennom etape i napravleniya ikh razvitiya [Russian-Iranian Trade and Economic Relations at the Present Stage and Directions of Their Development]. *Innovatsionnaya ekonomika* [Innovative Economy], 2022, No. 4 (33), pp. 51–64. (In Russ.).

Сведения об авторах

Евгений Сергеевич Петров
кандидат экономических наук,
независимый исследователь.
E-mail: Petrov.ES@rea.ru

Елена Анатольевна Николаева
кандидат экономических наук,
доцент кафедры иностранных языков
№ 3 РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Nikolaeva.ELAN@ rea.ru

Мария Вячеславовна Глинская
кандидат экономических наук, доцент
кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: mashenka2003@yandex.ru

Information about the authors

Evgeny S. Petrov
PhD, Independent Scholar.
E-mail: Petrov.ES@rea.ru

Elena A. Nikolaeva
PhD, Associate Professor,
of the Department of Foreign Languages
N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Nikolaeva.ELAN@ rea.ru

Maria V. Glinskaya
PhD, Associate Professor
of the Department of World Economy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: mashenka2003@yandex.ru.

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-74-93

ЕАЭС И ИРАН: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. С. Козырев
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Торговое представительство Российской Федерации в Исламской Республике Иран

В статье проводится всесторонний анализ состояния и динамики внешнеторгового сотрудничества между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Ираном в период с 2003 по 2022 г. Исследование основывается на статистических данных таможенных органов стран-участниц. Анализируется эволюция структуры многосторонней торговли и влияние различных факторов на развитие торгово-экономических отношений. Показано, что, несмотря на рост торгового оборота, структура торговли отличается низкой диверсификацией, а доминирующую роль в торговле играет продукция агропромышленного комплекса. Особое внимание уделяется таким аспектам, как протекционистская политика Ирана и международные экономические санкции, наложенные на Иран и Россию, а также их воздействию на торговлю. Демонстрируется, что причиной слабого развития торговли является защита со стороны Ирана внутреннего рынка, которая не только не позволяет экспортерам из ЕАЭС представить свою продукцию на рынке Ирана, но и снижает международную конкурентоспособность иранской промышленности, долгое время существующей в неконкурентных условиях. Рассматривается влияние Временного соглашения, направленного на создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном, на внешнеторговое сотрудничество сторон. Выявляются наиболее перспективные товарные ниши в свете заключения Соглашения о свободной торговле между Ираном и ЕАЭС. Показано, что наиболее эффективным средством развития торговли является дальнейшее развитие усилий по снятию торговых барьеров посредством интеграции Ирана в зону свободной торговли ЕАЭС.
Ключевые слова: торгово-экономические отношения, экономические санкции, интеграция, зона свободной торговли.

EAEU AND IRAN: CURRENT STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF FOREIGN TRADE COOPERATION

Alexey S. Kozyrev
Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Trade Representation of the Russian Federation in the Islamic Republic of Iran

The article provides a comprehensive analysis of the state and dynamics of foreign trade cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and Iran from 2003 to 2022.

The research is based on statistical data from the customs authorities of the member countries, analyzing the evolution of the structure of multilateral trade and assessing the impact of various factors on the development of trade and economic relations. The article demonstrates that despite the growth in trade turnover, the trade structure is characterized by very low diversification, with the agro-industrial complex products playing a dominant role. Special attention is given to aspects such as Iran's protectionist policies and the international economic sanctions imposed on Iran and Russia, and their impact on trade. It is shown that the weak development of trade is due to Iran's protection of its domestic market, which not only prevents EAEU exporters from presenting their products in the Iranian market but also reduces the international competitiveness of Iranian industry, which has long existed in non-competitive conditions. The article also examines the impact of the Interim Agreement aimed at creating a free trade zone between the EAEU and Iran on the foreign trade cooperation of the parties. The prospects for further cooperation are analyzed, and the most promising product niches are identified in light of the conclusion of the Free Trade Agreement between Iran and the EAEU. The article shows that the most effective means of developing trade is the further development of efforts to remove trade barriers through the integration of Iran into the EAEU free trade zone.
Keywords: trade and economic relations, economic sanctions, integration, free trade zone.

Введение

В условиях глобализации и усиления экономической взаимозависимости стран внешнеторговое сотрудничество приобретает все более значимую роль в обеспечении устойчивого экономического роста и развития. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), включающий в себя Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Киргизию, представляет собой интеграционное объединение, целью которого является создание единого экономического пространства и повышение конкурентоспособности стран-участниц на мировой арене. В последние годы особое внимание уделяется развитию торгово-экономических связей ЕАЭС с внешними партнерами, среди которых особое место занимает Исламская Республика Иран.

Обладая значительными природными ресурсами и стратегическим географическим положением, Иран представляет собой перспективного партнера для стран ЕАЭС. Взаимный интерес к развитию торгово-экономических отношений обусловлен как стремлением Ирана к диверсификации своих внешнеэкономических связей, так и желанием стран ЕАЭС укрепить свои позиции на ближневосточном рынке. В этом контексте создание зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Ираном рассматривается как ключевой инструмент для углубления двустороннего сотрудничества и стимулирования экономического роста.

На протяжении последних лет Иран и ЕАЭС значительно расширили экономическое и торговое сотрудничество. Одним из важных этапов на этом пути стало подписание 17 мая 2018 г. Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной сто-

роны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны[1]. Данное соглашение, направленное на устранение тарифных и нетарифных барьеров в торговле товарами агропромышленного комплекса, стало эффективным инструментом развития внешнеторгового сотрудничества [1; 14].

На сегодняшний день стороны находятся на пороге перехода на следующую ступень сотрудничества и работают над созданием полноценной зоны свободной торговли. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны, было подписано 25 декабря 2023 г. и в ближайшее время ожидает ратификации и вступления в силу[2].

В работе рассматриваются основные предпосылки и мотивы сторон для заключения соглашения о ЗСТ, анализируются текущие торгово-экономические отношения, выявляются торговые барьеры и основные перспективные направления внешнеторгового сотрудничества.

Результаты и их обсуждение

На протяжении последних двадцати лет оборот торговли между ЕАЭС и Ираном обладал высокой волатильностью, переживал периоды резкого роста и стремительного сокращения[3]. Пиковых значений номинальный объем торговли между ЕАЭС и Ираном достигал в 2008 г. – 2,2 млрд долларов, в 2012 г. – 2,78 млрд долларов и 2016 г. – 2,4 млрд долларов. При этом в 2022 г. объем торговли превысил 3,06 морд долларов. Однако за каждым пиком следовал период глубокого падения стоимостного объема торговли: наиболее низкие показатели отмечались в 2006 г. – 0,83 млрд долларов, 2010 г. – 1,22 млрд долларов и 2015 г. – 1,16 млрд долларов. Тем не менее, как видно на рис. 1, общий тренд остается восходящим; наблюдается непрерывный рост оборота торговли между ЕАЭС и Ираном с 2017 по 2022 г.

Доля иранского экспорта, приходящаяся на страны ЕАЭС, оставалась на протяжении 2003–2018 г. низкой и не превышала 1%, а в номинальном выражении экспорт товаров из Ирана в страны ЕАЭС оставался на уровне ниже 0,4 млрд долларов. С 2019 г. экспорт товаров из Ирана в ЕАЭС резко возрос и превысил порог 1,5%, а в 2020 г. даже 2% от всего иранского экспорта. При этом период роста иранского экспорта совпадает с периодом действия Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном.

---

[1] URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/250/EAEU_Iran_rus.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

[2] Там же.

[3] URL: http://www.trademap.org/ (дата обращения: 19.04.2024).

Экспорт товаров из стран ЕАЭС в Иран характеризуется гораздо более высокой волатильностью, чем иранский экспорт в ЕАЭС. На протяжении рассматриваемого периода экспорт товаров из ЕАЭС в Иран несколько раз достигал пиковых значений: в 2003 г. доля Ирана в экспорте ЕАЭС составляла 5,5%, к 2006 г. упала до 0,7%, к 2008 г. она достигла следующего пика – 2,8%, сократившись к 2010 г. до 1,2%. Новый пик был достигнут в 2012 г., тогда доля Ирана в экспорте из ЕАЭС достигла 3,8%, но снова сократилась к 2015 до 1,8%. С 2017 г. волатильность доли Ирана в экспорте из ЕАЭС сокращается, а значения этого показателя стабилизируются на уровне 3,0%.

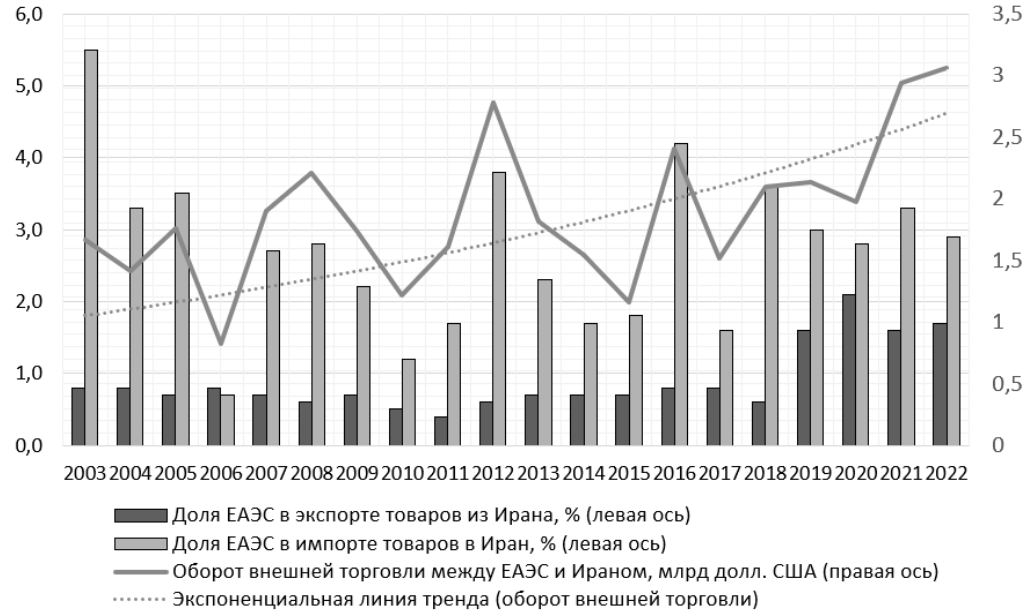

Рис. 1. Доля ЕАЭС и Ирана в торговом обороте партнера (в %)

По состоянию на 2022 г. наибольшая доля в товарообороте между ЕАЭС и Ираном приходится на торговлю с Российской Федерацией, за которой следуют Армения, Казахстан, Киргизия и Беларусь (рис. 2).

Объем торговли между Россией и Ираном составил 2,22 млрд долларов, Армении – 0,38 млрд долларов, Казахстана – 0,34 млрд долларов, Киргизии – 0,08 млрд долларов, Беларуси – 0,05 млрд долларов. В течение рассматриваемого периода наибольшей волатильностью обладал объем торговли между Россией и Ираном, а учитывая долю российско-иранской торговли в совокупном товарообороте, именно она вносила наибольший вклад в изменчивость данного показателя. При этом данные о товарообороте позволяют предположить, что крупнейшими бенефициарами за-

ключения Временного соглашения стали Россия, Армения и Казахстан, объем торговли которых с Ираном вырос наиболее значительно.

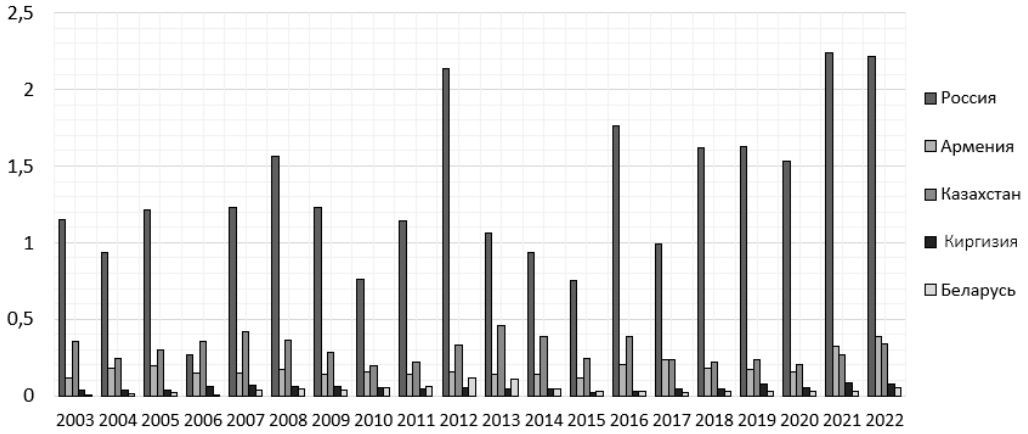

Рис. 2. Оборот внешней торговли между странами ЕАЭС и Ираном (в млрд долл.)

Данные таможенной статистики стран, входящих в ЕАЭС, указывают на высокую волатильность стоимостного объема экспорта товаров из стран Союза в Иран. Как показано на рис. 3, в 2004–2007 гг. объем экспорта рос быстрыми темпами, увеличившись за этот период более чем в два раза.

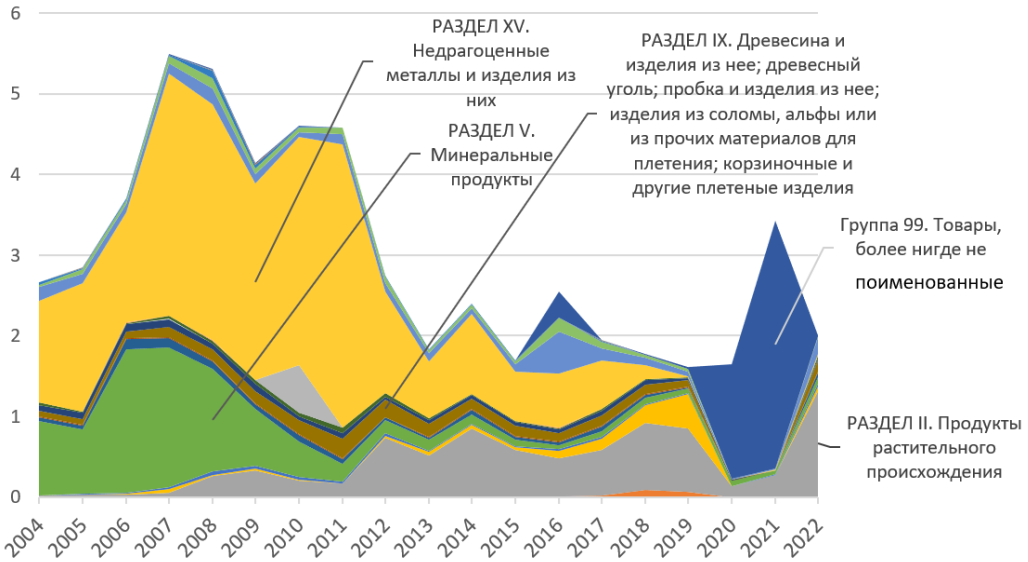

Рис. 3. Структура экспорта товаров из ЕАЭС в Иран (в млрд долл.)

В 2007 г. объем экспорта товаров достиг наивысшего уровня за весь рассматриваемый период – 5,5 млрд долларов. Однако начиная с 2007 г. в объеме экспорта стал преобладать нисходящий тренд, и к 2019 г. объем экспорта достиг наименьшего значения с 2004 г., упав до 1,6 млрд долларов. В 2020–2022 гг. стоимостный объем экспорта несколько вырос, достигнув в 2021 г. максимума с 2012 г. – 3,4 млрд долларов, однако в 2022 г. снова вернулся к более низким показателям, составив всего 2,0 млрд долларов[1].

На протяжении рассматриваемого периода структура экспорта товаров из ЕАЭС в Иран претерпела сильные изменения. Перемены в структуре товарного потока можно оценить, рассмотрев его состав с пятилетними интервалами с 2007 по 2022 г., по данным Таможенной администрации Ирана (IRICA)[2].

Так, в 2007 г. в структуре экспорта из ЕАЭС в Иран преобладали товары, входящие в раздел XV ТН ВЭД (недрагоценные металлы и изделия из них), которые обеспечивали 54,70% товарного потока. При этом 98,4% экспорта металлов составляла продукция черной металлургии (группы 72 и 73 ТН ВЭД). Еще 31,6% экспорта приходилось на минеральные продукты (раздел V ТН ВЭД). Продукция лесопромышленного комплекса и целлюлозно-бумажной промышленности (древесина, изделия из нее, древесная масса, бумага, картон и тому подобные товары), входящие в разделы IX и X ТН ВЭД, составляли в совокупности 4,14% экспорта товаров из ЕАЭС в Иран. За ними следовали машины, оборудование и механизмы (раздел XVI ТН ВЭД) и продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности (раздел VI), которые составляли 2,33% и 2,24% экспортного товаропотока соответственно. Еще 1,6% экспорта приходилось на поставки транспортных средств и связанного оборудования (раздел XVII ТН ВЭД).

К 2012 г. в структуре экспорта по-прежнему преобладали черные металлы (раздел XV, группы 72 и 73 ТН ВЭД), но доля металлов в торговом потоке сократилась с 54,7 до 46%.

При этом активизировалась торговля продукцией агропромышленного комплекса. Доля экспорта продуктов растительного происхождения, входящих в раздел II ТН ВЭД, возросла с 0,87% до 26,52%, немного увеличилась доля в совокупном экспорте жиров и масел растительного и животного происхождения (раздел III), а также готовых пищевых продуктов (раздел IV ТН ВЭД), однако доли каждой из этих товарных групп в экспорте составили лишь по 1%. Доля продукции лесопромышленного комплекса и деревообработки (раздел IX) возросла с 2,34% до 7,60%, а доля продукции целлюлозно-бумажной промышленности осталась практически неизменной, лишь немного уменьшившись с 1,80% до 1,63%. Мине-

[1] URL: http://www.trademap.org/ (дата обращения: 19.04.2024).

[2] The Islamic Republic of Iran Customs Administration. URL: https://www.irica.gov.ir (дата обращения: 17.04.2024).

ральные продукты, входящие в раздел V ТН ВЭД, утратили свои позиции как в структуре экспорта товаров, так и на иранском рынке: их доля сократилась с 31,6% до 6,2%, а стоимость поставленного товара снизилась более чем в 10 раз – с 1,73 млрд долларов в 2007 г. до 0,168 млрд долларов в 2012 г.

В 2017 г. структура экспортного товаропотока достигла наивысшего уровня диверсификации за рассматриваемый период. Доля товаров, входящих в раздел XV (недрагоценные металлы и изделия из них), все еще оставалась наивысшей, но претерпела значительное сокращение, упав до 30,9%.

Продолжила расти доля продукции аграрной промышленности: товары, входящие в раздел II (продукты растительного происхождения), составили 28,7% экспортного товаропотока, а продукция раздела III (жиры и масла животного, растительного или микробиологического происхождения…) обеспечила 7,5% экспорта.

Доля товаров, входящих в раздел XVI ТН ВЭД (машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; их части), также возросла – в 2017 г. на них пришлось 7,3% стоимостного объема экспорта товаров из ЕАЭС в Иран, в то время как в 2012 г. – только 3,8% экспорта. Доля продукции лесопромышленного комплекса (раздел IX ТН ВЭД) немного снизилась, составив 6,8% экспорта, в то время как доля продукции целлюлозно-бумажной промышленности (раздел X) выросла с 1,6% до 3,0%. С 2,8% до 4,6% выросла доля в экспорте транспортных средств и сопутствующей продукции (раздел XVII ТН ВЭД), а минеральные продукты из ЕАЭС продолжили утрачивать позиции на рынке Ирана: их доля упала с 6,2% в 2012 г. до 3,6% в 2017 г.

К 2022 г. продукция растительного происхождения заняла первое место в структуре экспорта товаров из ЕАЭС в Иран, сформировав 65,5% товарного потока. На второе место вышла продукция раздела XVI ТН ВЭД (машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; их части…). Доля этих товаров возросла с 7,3% в 2017 г. до 9,8% в 2022 г. Доля продукции, входящей в раздел IX (древесина и изделия из нее…), практически не изменилась за 5 лет, увеличившись лишь на одну десятую процентного пункта с 6,8 до 6,9%. Доля минеральных продуктов также осталась практически неизменной, увеличившись с 2017 по 2022 г. на 4 процентных пункта – с 3,6% до 4,0%. Жиры и масла животного, растительного или микробиологического происхождения (раздел III ТН ВЭД) утратили свое место в структуре экспорта товаров из ЕАЭС в Иран: доля этой товарной группы опустилась с 7,5% до 2,7%. Недрагоценные металлы и изделия из них (раздел XV) также утратили свою долю в структуре экспорта из ЕАЭС в Иран, обеспечив лишь 1,6% товаропотока в 2022 г., в то время как в 2017 г. их доля составляла 30,9%.

На протяжении рассматриваемого периода структура экспорта из ЕАЭС в Иран претерпела значительные изменения, которые можно охарактеризовать как деградацию. Ранее успешно экспортировавшиеся из ЕАЭС в Иран минеральные продукты и продукция черной металлургии утратили свое место на рынке этой страны. Это обусловлено рядом факторов, которые оказывают влияние на внешнеторговое сотрудничество Ирана со странами – участниками ЕАЭС.

Во-первых, Иран проводит политику так называемой экономики сопротивления, которая подразумевает защиту внутреннего рынка и стремление к полному самообеспечению товарами ключевых отраслей экономики [2; 16]. В рамках этой доктрины власти Ирана ввели запрет на импорт многих товаров, аналоги которых производятся в стране [13]. Это привело к значительному сокращению спроса на продукцию черной металлургии и другие промышленные товары из ЕАЭС, поскольку иранские производители стали активно заполнять внутренний рынок собственной продукцией.

Во-вторых, санкции наносят серьезный ущерб внешней торговле Ирана посредством изоляции страны от мировой финансово-банковской системы [10]. Иранские банки отключены от системы SWIFT, а многие транснациональные банки отказываются проводить расчеты с иранскими лицами, ссылаясь на вторичные санкции [6; 9]. Финансовые ограничения приводят к хронической нехватке иностранной валюты на иранском рынке, что затрудняет проведение международных торговых операций и снижает привлекательность иранского рынка для экспортеров из ЕАЭС [11].

Кроме того, ограничение на использование основных резервных валют ослабляет позиции стран ЕАЭС на иранском рынке и усиливает позиции Китая. Стремясь сделать юань новой резервной валютой, Китай предпринимает попытки расширить ареал его использования для международных расчетов, в том числе в тех юрисдикциях, где доступ к традиционным средствам международных расчетов затруднен [8]. В то же время в Иране имеется серьезный дефицит финансовых инструментов для торговли с Россией, который проявляется в проблемах с открытием аккредитивов или банковских гарантий в рублях. Эта проблема постепенно находит решение благодаря появлению в Иране филиалов российских банков и подключению иранской системы обмена финансовыми сообщениями SEPAM к Системе передачи финансовых сообщений (СПФС) российского Центрального банка, что в будущем должно дать возможность развивать торговлю в российских рублях и иранских риалах [4]. Тем не менее слабая связанность финансовых систем создает дополнительные барьеры для экспорта из ЕАЭС и способствует усилению экономического влияния Китая в регионе.

Таким образом, внешнеторговое сотрудничество между Ираном и странами ЕАЭС сталкивается с множеством вызовов, которые требуют

комплексного подхода для их преодоления. Необходимы в первую очередь новые механизмы финансовых расчетов, а также дальнейшие меры по устранению торговых барьеров. Следует отметить, что эффективные шаги по устранению барьеров принимаются в рамках заключения Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Ираном [3].

Как видно на рис. 4, в течение рассматриваемого периода с 2003 по 2022 г. стоимостный объем импорта товаров из Ирана в ЕАЭС имел в основном положительную динамику. В течение 2003–2012 гг. импорт товаров из Ирана в страны ЕАЭС стабильно рос, увеличившись за этот период более чем в 3 раза – с 0,267 млрд долларов до 0,806 млрд долларов. В период с 2013 по 2015 г. импорт иранских товаров в ЕАЭС заметно снизился – до 0,439 млрд долларов в 2015 г., однако с 2016 г. преобладал восходящий тренд, а объем импорта рос практически непрерывно: стоимость импорта иранских товаров в страны ЕАЭС в 2022 г. достигала 1,34 млрд долларов. Следует отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался профицит торгового баланса в торговле с Ираном в пользу ЕАЭС.

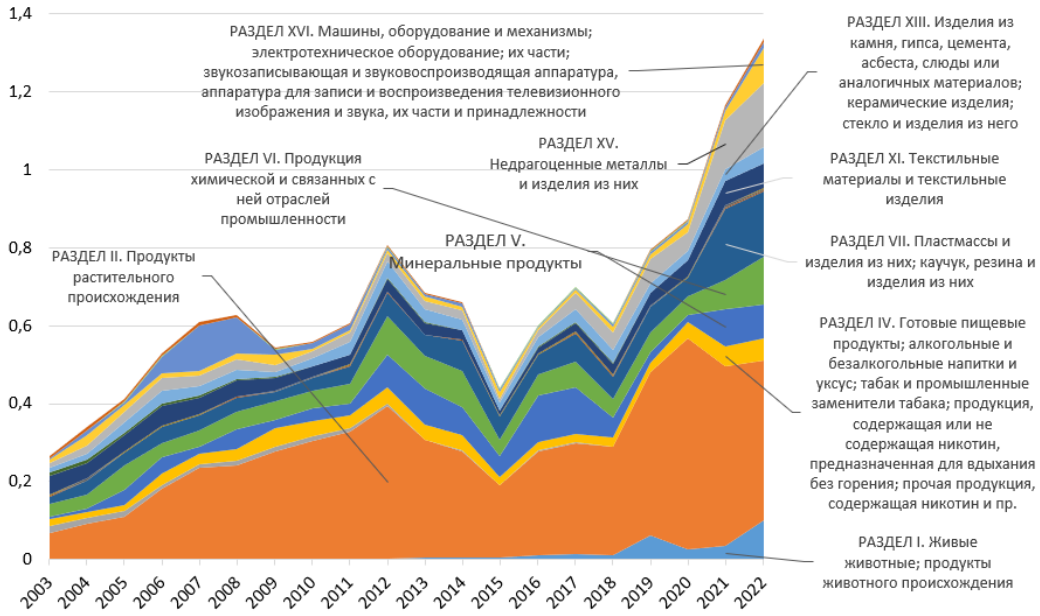

Рис. 4. Структура импорта товаров из Ирана в ЕАЭС (в млрд долл.)

Структура импорта товаров из Ирана в ЕАЭС оставалась с 2003 по 2022 г. относительно однородной. Больше всего изменился абсолютный объем торговли товарами, входящими в раздел II ТН ВЭД (продукты растительного происхождения). Доля этой продукции была наибольшей в

структуре импорта иранских товаров в ЕАЭС в течение всего рассматриваемого периода.

При этом в последние годы наблюдаются заметные изменения в структуре товаропотока. Степень этих изменений можно оценить, сравнив данные за 2017 г., когда был достигнут предыдущий пик импорта иранских товаров в ЕАЭС, с последними доступными данными 2022 г.

В 2017 г. на продукты растительного происхождения (раздел II ТН ВЭД) пришлось 40,5% импорта иранских товаров в ЕАЭС, что, как отмечалось выше, составляло наибольшую долю в импортном товаропотоке. Следом шли минеральные продукты (раздел V ТН ВЭД), доля которых составляла 17,1%. Пластмассы, каучук, резина и изделия из них (раздел VII ТН ВЭД) обеспечили в 2017 г. 10,3% импорта. Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности составила 9,2% импорта, 6,1% пришлись на импорт недрагоценных металлов и изделий из них (входят в раздел XV ТН ВЭД). Значительную долю составил импорт товаров легкой промышленности. Керамика и стекло, изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов (раздел XIII ТН ВЭД) обеспечили в 2017 г. 4,7% импорта товаров из Ирана, а текстильные материалы и изделия из них – 3,3%. Импорт продукции пищевой промышленности (раздел IV) составил 3,3% от импорта иранских товаров.

С 2017 по 2022 г. объем импорта товаров из Ирана в ЕАЭС вырос в 1,9 раза, а структура товарного потока стала значительно более диверсифицированной.

Доля продукции аграрного комплекса в структуре импорта иранских товаров снизилась при росте разнообразия импортируемых товаров. На продукты растительного происхождения (раздел II ТН ВЭД) пришлось 30,7% импорта – почти на 10 процентных пунктов меньше, чем в 2022 г., при этом доля живых животных и продуктов животного происхождения, входящих в раздел I ТН ВЭД, возросла с 1,9 до 7,7%. Второй по объему импорта товарной группой стали пластмассы, каучук, резина и изделия из них (раздел VII), доля которых возросла с 10,3% в 2017 г. до 12,7% в 2022 г. Недрагоценные металлы и изделия из них (раздел XV) в 2022 г. составили 12,4% импорта против 6,1% в 2017 г. Доля продукции химической и связанных с ней отраслей промышленности (раздел VI) осталась практически неизменной, составив в 2022 г. все те же 9,2%.

Значительно возросла за пять лет доля продукции, входящей в раздел XVI ТН ВЭД (машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; их части…), увеличившись с 1,3% до 6,8%, что внесло значимый вклад в диверсификацию импортного товарного потока. Частично утратили позиции в импорте минеральные продукты, входящие в раздел V ТН ВЭД, доля которых сократилась с 17,1% в 2017 г. до 6,3% в 2022 г. За пятилетний период произошло также абсолютное снижение стоимостного объема поставок этой продукции из Ирана со 120 до 85 млн

долларов. Текстильные материалы и текстильные изделия (раздел XI) нарастили долю в структуре импорта с 3,3% до 4,6%, как и продукция пищевой промышленности, входящая в раздел IV, доля которой выросла с 3,3% до 4,3%.

Таким образом, с 2018 г. объем импорта из Ирана в страны ЕАЭС демонстрирует устойчивый рост. Эту тенденцию можно объяснить несколькими факторами, среди которых ключевое место занимает нарастающее экономическое и санкционное давление на Россию, ее союзников по ЕАЭС и Иран. В условиях санкций обе стороны стремятся диверсифицировать свои источники поставок и направления сбыта продукции, чтобы повысить экономическую безопасность. В результате этого стремления наблюдается не только увеличение общего объема импорта, но и рост диверсификации импортного товарного потока из Ирана в страны ЕАЭС.

Наибольшую долю в структуре поставок из Ирана в страны ЕАЭС по-прежнему занимает продукция агропромышленного комплекса. Успех иранской агропромышленной продукции на рынке ЕАЭС частично объясняется санкциями, введенными против России многими западными странами [7]. Ограниченная конкуренция на российском рынке, закрытом для импорта сельскохозяйственных товаров из стран, поддерживающих санкции, создает благоприятные условия для роста сотрудничества с альтернативными поставщиками, такими как Иран [5]. Это позволяет иранским агропромышленным предприятиям успешно заполнять возникшие ниши и укреплять свои позиции на рынке ЕАЭС, в частности, в России, как в крупнейшей экономике Союза, на которую приходится наибольшая доля товаропотока.

При этом следует отметить, что продукция других отраслей иранской экономики недостаточно конкурентоспособна на внешних рынках, включая рынок стран ЕАЭС. Это связано с проводимой иранскими властями упоминавшейся выше политикой экономики сопротивления, направленной на защиту внутреннего рынка и приложением максимальных усилий по самообеспечению важнейшей промышленной продукцией [15]. Закрытость внутреннего рынка и отсутствие конкуренции с международными компаниями в области промышленности приводят к технологической отсталости иранских промышленных предприятий и их неспособности конкурировать на внешних рынках [7]. В результате, несмотря на рост общего объема импорта и диверсификацию товарного потока, иранская промышленная продукция остается неконкурентоспособной на международной арене.

Для анализа положения российских товаров и перспектив развития экспорта различных товарных групп рассмотрим данные об импорте Ирана и экспорте ЕАЭС за 2022 г. в соответствии с четырехзначными кодами гармонизированной системы, а также о торговом балансе стран по

каждой товарной группе. Анализ позволит продемонстрировать области комплементарности экспортного профиля ЕАЭС и структуры иранского импорта, оценить, насколько реализован потенциал торговли в отдельных отраслях и выявить отрасли и товарные группы, развитие экспорта которых может стать приоритетом в краткосрочной и среднесрочной перспективе, особенно в контексте заключения Соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Ираном.

Иран является крупным импортером, а ЕАЭС – одним из крупнейших в мире экспортеров продукции первичного сектора экономики, в том числе продукции растениеводства, животноводства, жиров и масел животного и растительного происхождения. Эти товары входят в разделы I–III товарной номенклатуры ВЭД ЕАЭС и составляют основу товарооборота между ЕАЭС и Ираном. Данные таможенной статистики показывают, что доля продукции из ЕАЭС в импорте в Иран многих видов товаров аграрного сектора довольно высока и достигает 10–40% в некоторых категориях. Например, импорт в Иран пшеницы (ТН ВЭД 1001) составил более 3,44 млрд долларов в 2022 г. В то же время чистый экспорт этого товара из ЕАЭС составил более 9,95 млрд долларов; это 4,55% иранского (чистого) импорта пшеницы, а доля продукции из ЕАЭС в иранском импорте составила 39,7%[1].

Еще одной крупной статьей иранского импорта является ячмень (ТН ВЭД 1003), импорт которого в 2022 г. осуществлен на сумму 791 млн долларов, в то время как нетто-экспорт ячменя из ЕАЭС составил 758 млн долларов, а отношение чистого импорта в Иран к чистому экспорту из ЕАЭС – 96%. На продукцию из ЕАЭС также приходится большая доля иранского импорта ячменя (8,4% в 2022 г.).

Иран также импортирует продукцию по ТН ВЭД 0713 (овощи бобовые). В 2022 г. чистый импорт этих товаров в Иран составил 311 млн долларов, чистый экспорт из ЕАЭС – 798 млн долларов, а соотношение этих показателей – 257%. При этом доля продукции, происходящей из стран ЕАЭС, в иранском импорте составила 10,8%.

Иран также является крупным импортером подсолнечного масла (ТН ВЭД 1512), в то время как ЕАЭС – нетто-экспортером этого вида продукции. Отношение чистого экспорта подсолнечного масла (ТН ВЭД 1512) из ЕАЭС к чистому импорту в Иран в 2022 г. составило 297%. При этом доля продукции, происходящей из ЕАЭС, в иранском импорте подсолнечного масла составила в 2022 г. всего 3,95%.

В аграрном секторе существует множество других областей комплиментарности между экспортом из стран ЕАЭС и импортом в Иран, в частности:

[1] URL: http://www.trademap.org/ (дата обращения: 19.04.2024).

– ТН ВЭД 2304 – Жмыхи и другие твердые отходы, получаемые при извлечении соевого масла, немолотые или молотые;

– ТН ВЭД 0207 – Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, свежие, охлажденные или замороженные;

– ТН ВЭД 1207 – Семена и плоды масличных культур, в другом месте не поименованные или не включенные, дробленые или недробленые;

– ТН ВЭД 1514 – Масло рапсовое, сурепное или горчичное и т. д., без изменения химического состава.

Данные об иранском импорте свидетельствуют о наличии спроса на эти и другие виды аграрной продукции. При этом ЕАЭС является нетто-экспортером этих товаров, однако доля продукции, происходящей из ЕАЭС, в иранском импорте этих и многих других продуктов аграрного сектора экономики чрезвычайно мала и составляет от 0 до 1,5%. Учитывая крупный экспортный потенциал ЕАЭС и высокую потребность иранского рынка в этой продукции, такая небольшая доля поставок из ЕАЭС на рынке Ирана указывает на нереализованный потенциал торговли этим видом товаров [12].

Данные таможенной статистики также указывают на то, что одной из зон комплиментарности в торговле между ЕАЭС и Ираном являются каменный уголь и кокс (ТН ВЭД 2701 и 2704). Активно развивающаяся в Иране черная металлургия, крупнейший потребитель каменного угля и кокса, предъявляет динамично растущий спрос на этот товар, дефицит которого на внутреннем рынке компенсируется импортом из стран-партнеров. Импорт кокса и каменного угля в Иран составил в 2022 г. 478,1 и 365,2 млн долларов соответственно, при этом соотношение чистого импорта в Иран к чистому экспорту из ЕАЭС по товарной позиции 2704 (кокс и т. д. из каменного угля, лигнита или торфа; уголь ретортный) составило 148%, а по товарной позиции 2701 (уголь каменный, брикеты, окатыши и т. д., полученные из каменного угля) – 13 011%. При этом угольная продукция, происходящая из ЕАЭС, не занимает на рынке Ирана весомое положение: доля ЕАЭС в иранском импорте кокса в 2022 г. составила лишь 0,88%, а в импорте каменного угля – 0,62%.

Несмотря на быстрое развитие черной металлургии, Иран является нетто-импортером целого ряда металлургических товаров, экспорт которых из ЕАЭС находится на довольно высоком уровне. В число крупных статей иранского импорта входят следующие товарные позиции:

– 7202 – Ферросплавы;

– 7304 – Трубы, трубки и т. д., бесшовные, из черных металлов;

– 7210 – Прокат плоский из железа или нелегированной стали шириной 600 мм или более, плакированный и т. д.;

– 7225 – Прокат плоский из прочей легированной стали, шириной 600 мм или более;

– 7209 – Прокат плоский из железа или нелегированной стали шириной 600 мм или более, холоднокатаный, неплакированный.

ЕАЭС является нетто-экспортером всех указанных видов продукции, причем по некоторым из них чистый экспорт из ЕАЭС в разы превышает чистый импорт Ирана. Однако производителям из ЕАЭС не удается завоевать значительную долю иранского рынка изделий черной металлургии. Несмотря на то что импорт в Иран ферросплавов в 2022 г., составил более 544,4 млн долларов, а чистый экспорт этой продукции из ЕАЭС – более 4,7 млрд долларов, на продукцию, происходящую из стран ЕАЭС, пришлось всего 0,76% иранского импорта ферросплавов. Несколько лучше на иранском рынке представлена продукция, соответствующая кодам ТН ВЭД 7209 и 7304 – Плоский прокат из нелегированной стали и бесшовные трубы. Тем не менее доля ЕАЭС в иранском импорте этих товаров довольно мала – в 2022 г. 1,94% и 3,48% соответственно. При этом прочие перечисленные выше продукты черной металлургии вообще не представлены на рынке Ирана, хотя данные об импорте указывают на наличие платежеспособного спроса на эти виды продукции.

Иран также является нетто-импортером продукции целлюлозно-бумажной промышленности, крупным экспортером которой является ЕАЭС. В частности, в 2022 г. Иран импортировал целлюлозу (ТН ВЭД 4703) на сумму 271,4 млн долларов, бумагу и картон (ТН ВЭД 4801, 4802, 4804 и 4805) – на общую сумму 407,4 млн долларов. При этом продукция, происходящая из ЕАЭС, составила заметную долю импорта в Иран некоторых товаров целлюлозно-бумажной промышленности, например, доля продукции из ЕАЭС в импорте в Иран бумаги газетной в рулонах и листах (4801) составила 63,1%, а крафт-бумаги и крафт-картона, немелованных… (4804) – 12%. Необходимо отметить, что по большинству товарных позиций целлюлозно-бумажной промышленности сотрудничество между ЕАЭС и Ираном пока не достигло больших объемов, а доля этих товаров из ЕАЭС в иранском импорте колеблется от 0 до 2%.

В области экспорта продукции лесной промышленности, пиломатериалов и продукции деревообработки сотрудничество между ЕАЭС и Ираном находится на высоком уровне. ЕАЭС является нетто-экспортером, а Иран – нетто-импортером широкого спектра продукции лесного комплекса, в числе которых

– 4411 – Плиты древесноволокнистые из древесины или других одревесневших материалов;

– 4407 – Лесоматериалы, распиленные или расколотые вдоль, распущенные на доски и т. д. толщиной более 6 мм;

– 4412 – Фанера клееная, панели фанерные и аналогичные материалы из слоистой древесины;

– 4408 – Листы фанеры и т. д. толщиной не более 6 мм.

При этом доля продукции из ЕАЭС в импорте в Иран фанеры (4412) составила в 2022 г. 63,8%, а лесоматериалов (4407) – 65,6%. Успех этой категории товаров на рынке Ирана можно объяснить отсутствием конкурентов, сопоставимых с ЕАЭС как с точки зрения объемов производства продукции лесного комплекса, так и с точки зрения логистических возможностей поставок.

Существуют также и другие зоны комплиментарности внешнеторговых профилей ЕАЭС и Ирана: имеется потенциал поставок хлопка, каучука и иной продукции химической промышленности, удобрений, продукции из цветных металлов. Товарными позициями с самым крупным потенциалом импорта в Иран в этих отраслях являются:

– 5201 – Волокно хлопковое, не подвергнутое кардо- или гребнечесанию;
– 3103 – Минеральные или химические удобрения, фосфатные;
– 7606 – Плиты, листы и ленты из алюминия толщиной более 2 мм;
– 4002 – Каучук синтетический и фактис, полученный из масел, в первичных формах и т. д., смеси природного каучука или резин с синтетическим каучуком или фактисом, в первичных формах и т. д.;
– 2916 – Кислоты ациклические монокарбоновые ненасыщенные, кислоты циклические монокарбоновые и их ангидриды и т. д.;
– 3105 – Минеральные или химические удобрения, содержащие два или три питательных элемента, удобрения, в другом месте не поименованные или не включенные, удобрения в упаковках;
– 3908 – Полиамиды в первичных формах.

Несмотря на наличие потенциала внешней торговли этими товарами, их доля в иранском импорте из стран ЕАЭС не превышала 1%. Исключение – хлопковое волокно: доля продукции из ЕАЭС в импорте в Иран хлопка (ТН ВЭД 5201) составила 3,89%.

Заключение

На протяжении исследуемого периода структура экспорта из стран Евразийского экономического союза в Иран претерпела значительные изменения, которые можно охарактеризовать как деградацию. Ранее успешно экспортируемые минеральные продукты и продукция черной металлургии из ЕАЭС утратили свои позиции на иранском рынке.

Причиной этого является в значительной степени проводимая иранскими властями политика экономики сопротивления, которая предполагает защиту внутреннего рынка и стремление к самообеспечению промышленными товарами. В рамках экономики сопротивления введен запрет на импорт в Иран товаров, аналоги которых производятся внутри страны. Это привело к значительному сокращению спроса на продукцию черной металлургии и другие промышленные товары из ЕАЭС, поскольк-

ку иранские производители стали активно заполнять внутренний рынок собственной продукцией.

Кроме того, санкции оказывают негативное влияние на внешнюю торговлю Ирана, изолируя страну от мировой финансово-банковской системы. Отключение иранских банков от системы SWIFT и отказ многих транснациональных банков проводить расчеты с иранскими лицами из-за вторичных санкций привели к хронической нехватке иностранной валюты на иранском рынке. Это затрудняет проведение международных торговых операций и снижает привлекательность иранского рынка для экспортеров из ЕАЭС. Кроме того, ограничения на использование основных резервных валют ослабляют позиции стран ЕАЭС на иранском рынке и усиливают позиции Китая. В Иране наблюдается серьезный дефицит финансовых инструментов для торговли с Россией, что проявляется в проблемах с открытием аккредитивов или банковских гарантий в рублях.

Таким образом, изменения в структуре экспорта из ЕАЭС в Иран обусловлены как внутренними экономическими мерами Ирана, так и внешними санкционными ограничениями. Эти факторы в совокупности создают сложные условия для экспортеров из ЕАЭС, что требует разработки новых стратегий и адаптационных мер для поддержания и развития торговых отношений с Ираном.

Вместе с тем с 2018 г. объем импорта из Ирана в страны Евразийского экономического союза демонстрирует устойчивую тенденцию к росту из-за нарастающего санкционного давления на Россию, ее союзников по ЕАЭС и Иран. В условиях санкций стороны стремятся диверсифицировать свои источники поставок и направления сбыта продукции, чтобы повысить свою экономическую безопасность. Такое стремление привело не только к увеличению общего объема импорта, но и к росту диверсификации импортного товарного потока из Ирана в страны ЕАЭС.

Наибольшую долю в структуре поставок из Ирана в страны ЕАЭС по-прежнему занимает продукция агропромышленного комплекса. Это частично объясняется санкциями, введенными против России многими западными странами. Ограниченная конкуренция на российском рынке, закрытом для импорта сельскохозяйственных товаров из стран, поддерживающих санкции, создает благоприятные условия для роста сотрудничества с альтернативными поставщиками, такими как Иран. Иранские агропромышленные предприятия успешно заполняют возникшие ниши и укрепляют свои позиции на рынке ЕАЭС, в частности, в России как в крупнейшей экономике Союза, на которую приходится наибольшая доля товаропотока.

Тем не менее продукция других отраслей иранской экономики продолжает демонстрировать слабую конкурентоспособность на внешних рынках, включая рынок стран ЕАЭС. Это связано с протекционистской направленностью упомянутой выше доктрины экономики сопро-

тивления. Закрытость внутреннего рынка и отсутствие международной конкуренции ведут к технологической отсталости иранских промышленных предприятий и их низкой конкурентоспособности.

Динамика импорта из Ирана в страны ЕАЭС отражает сложные экономические и политические реалии, в которых находятся обе стороны. Рост объемов и диверсификация импорта свидетельствуют о стремлении к экономической устойчивости в условиях санкционного давления, однако сохраняющиеся структурные проблемы иранской промышленности ограничивают потенциал дальнейшего расширения экономического сотрудничества.

В то же время существует большой нереализованный потенциал экспорта товаров из стран ЕАЭС в Иран, особенно в таких отраслях, как сельское хозяйство, черная металлургия и деревообрабатывающая и лесная промышленности. Для реализации этого потенциала необходимо прилагать дальнейшие усилия по налаживанию сотрудничества между странами в банковской и финансовой сферах, а также созданию зоны свободной торговли между Ираном и ЕАЭС.

Список литературы

1. *Иванников Н. С., Чулаби Д. Г.* Экономические и политические факторы, влияющие на сближение Ирана и ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17. – №. 3 (45). – С. 150–158.

2. *Кожанов Н. А.* Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14. – №. 1. – С. 72–91.

3. *Колосова М. С.* Зона свободной торговли как основной фактор совместного развития регионов // Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в современных условиях : сборник научных трудов по итогам VI международной научно-практической конференции : 2 ч. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 54–59.

4. *Крылова Л. В.* Роль корреспондентских отношений в системе трансграничных платежей в условиях цифровизации // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – Т. 16. – №. 4. – С. 43–51.

5. *Савинцева С. А.* Анализ агропродовольственного рынка Российской Федерации в условиях экономических санкций и контрсанкционной политики государства // Агропродовольственная политика России. – 2023. – №. 3. – С. 31–48.

6. *Хмелева Г. А.* Вторичные санкции: назначение, последствия и вызовы // Экономические отношения. – 2024. – Т. 14. – №. 1. – С. 11–24.

7. *Шахбиева Э. У*. Политика импортозамещения в России в условиях санкций и контрсанкций // Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс : сборник научных трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции / под ред. В. М. Бондаренко. –М., 2020. – С. 480–485.

8. *Alwago W. O.* Is the Renminbi a Global Currency in the Making? Globalization of Digital yuan // Pénzügyi Szemle/Public Finance Quarterly. – 2022. – Vol. 67. – N. 4. – P. 553–566.

9. *Cipriani M., Goldberg L. S., La Spada G.* Financial Sanctions, SWIFT, and the Architecture of the International Payment System // Journal of Economic Perspectives. – 2023. – Vol. 37. – N. 1. – P. 31–52.

10. *Farzanegan M. R., Batmanghelidj E.* Understanding Economic Sanctions on Iran: a survey // The Economists' Voice. – 2024. – Vol. 20. – N. 2. – P. 197–226.

11. *Gudarzi Farahani et al.* Barrasi-ye ertebat-e beyn-e bohran-e arzi va etebarat-e banki dar Iran ba roykard-e zarayeb-e motaghayyer dar zaman // Pajuheshname-ye Eghtesadi. – 2023. – Vol. 23. – N 88. – P. 87–119.

12. *Karimi M., Sharifi L., Torkaman M.* Arzyabi-ye Asar-e Eqtesadi-ye Taghyir-e Aqlim bar Bakhsh-e Keshavarzi-ye Ostan-e Fars // Joghrafia va Barnamerizi-ye Mohiti. – 1400. – Vol. 32. – N 1. – P. 119–136.

13. Markaz-e Pajuhešhā-ye Mağles-e Šurā-ye Eslāmī // 16 Qānūn-e Hadāksar Estefāde az Tavān-e Towlīdī va Xedmatī-ye Kešvar va Hemāyat az Kālā-ye Īrānī (Mosavvab-e 15 Ordībehešt 1398). – URL: https://rc.majlis.ir/fa/law/show/1148732 (дата обращения: 01.08.2024).

14. *Novikov M. V., Zemlyanskaya S. V.* Free Trade Zone Agreements Between the EAEU and Iran: Trends, Problems and Development Prospects // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. – 2022. – Vol. 24. – N 4. – C. 163–178.

15. *Rasekhi S. et al.* Trade Potentials of Iran and CIS // Journal of International Marketing Modeling. – 2021. – Vol. 2. – N. 1. – P. 18–30.

16. *Sa'adat Mehr M.* Barrasi-ye Mavane'-ye Tahaghogh-e Eqtesad-e Moqavemati dar Iran // Motale'at-e Vahdat-e Hoze va Daneshgah. – 1402. – Vol. 1. – N 1. – P. 1–18.

References

1. Ivannikov N. S., Chulabi D. G. Ekonomicheskie i politicheskie faktory, vliyayushchie na sblizhen ie Irana i EAES [Economic and Political Factors Influencing the Rapprochement of Iran and the EAEU]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian Integration: Economics, Law, politics], 2023, Vol. 17, No. 3 (45), pp. 150–158. (In Russ.).

2. Kozhanov N. A. Mezhdu razvitiem, rostom i vyzhivaniem: o nekotorykh osobennostyakh modeli sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya

Irana na sovremennom etape [Between Development, Growth and Survival: Some Features of Iran's Socio-Economic Development Model at the Present Stage] *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics], 2023, Vol. 14, No. 1, pp. 72–91. (In Russ.).

3. Kolosova M. S. Zona svobodnoy torgovli kak osnovnoy faktor sovmestnogo razvitiya regionov [Free Trade Zone as the Main Factor of Joint Development of Regions]. *Upravlenie innovatsionnymi i investitsionnymi protsessami i izmeneniyami v sovremennykh usloviyakh, sbornik nauchnykh trudov po itogam VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Management of Innovation and Investment Processes and Changes in Modern Conditions, a Collection of Scientific Papers on the Results of the VI International Scientific and Practical Conference]. In 2 part. Saint-Petersburg, 2023, pp. 54–59. (In Russ.).

4. Krylova L. V. Rol korrespondentskikh otnosheniy v sisteme transgranichnykh platezhey v usloviyakh tsifrovizatsii [The Role of Correspondent Relations in the System of Cross-Border Payments in the Context of Digitalization]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right], 2023, Vol. 16, No. 4, pp. 43–51. (In Russ.).

5. Savintseva S. A. Analiz agroprodovolstvennogo rynka Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy i kontrsanktsionnoy politiki gosudarstva [Analysis of the Agro-Food Market of the Russian Federation in the Context of Economic Sanctions and Counter-Sanctions Policy of the State]. *Agroprodovolstvennaya politika Rossii* [Agri-Food Policy of Russia], 2023, No. 3, pp. 31–48. (In Russ.).

6. Khmeleva G. A. Vtorichnye sanktsii: naznachenie, posledstviya i vyzovy [Secondary Sanctions: Purpose, Consequences and Challenges]. *Ekonomicheskie otnosheniya* [Economic Relations], 2024, Vol. 14, No. 1, pp. 11–24. (In Russ.).

7. Shakhbieva E. U. Politika importozameshcheniya v Rossii v usloviyakh sanktsiy i kontrsanktsiy [Import Substitution Policy in Russia in the Context of Sanctions and Counter-Sanctions]. *Vozmozhnye stsenarii budushchego rossii i mira: mezhdistsiplinarnyy diskurs, sbornik nauchnykh trudov uchastnikov XI Mezhdunarodnoy Kondratevskoy konferentsii* [Possible Scenarios for the Future of Russia and the World: Interdisciplinary Discourse, a Collection of Scientific Papers by Participants of the XI International Kondratiev Conference], edited by V. M. Bondarenko. Moscow, 2020, pp. 480–485. (In Russ.).

8. Alwago W. O. Is the Renminbi a Global Currency in the Making? Globalization of Digital yuan. *Pénzügyi Szemle/Public Finance Quarterly,* 2022, Vol. 67, No. 4, pp. 553–566.

9. Cipriani M., Goldberg L. S., La Spada G. Financial Sanctions, SWIFT, and the Architecture of the International Payment System. *Journal of Economic Perspectives,* 2023, Vol. 37, No. 1, pp. 31–52.

10. Farzanegan M. R., Batmanghelidj E. Understanding Economic Sanctions on Iran: a survey. *The Economists' Voice,* 2024, Vol. 20, No. 2, pp. 197–226.

11. Gudarzi Farahani et al. Barrasi-ye ertebat-e beyn-e bohran-e arzi va etebarat-e banki dar Iran ba roykard-e zarayeb-e motaghayyer dar zaman. *Pajuheshname-ye Eghtesadi,* 2023, Vol. 23, No. 88, pp. 87–119.

12. Karimi M., Sharifi L., Torkaman M. Arzyabi-ye Asar-e Eqtesadi-ye Taghyir-e Aqlim bar Bakhsh-e Keshavarzi-ye Ostan-e Fars. *Joghrafia va Barnamerizi-ye Mohiti*, 1400, Vol. 32, No. 1, pp. 119–136.

13. Markaz-e Pajuhešhā-ye Mağles-e Šurā-ye Eslāmī // 16 Qānūn-e Hadāksar Estefāde az Tavān-e Towlīdī va Xedmatī-ye Kešvar va Hemāyat az Kālā-ye Īrānī (Mosavvab-e 15 Ordībehešt 1398). Available at: https://rc.majlis.ir/fa/law/show/1148732 (accessed 01.08.2024).

14. Novikov M. V., Zemlyanskaya S. V. Free Trade Zone Agreements Between the EAEU and Iran: Trends, Problems and Development Prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika,* 2022, Vol. 24, No. 4, pp. 163–178.

15. Rasekhi S. et al. Trade Potentials of Iran and CIS. *Journal of International Marketing Modeling*. – 2021. – Vol. 2. – N. 1. – P. 18–30.

16. Sa'adat Mehr M. Barrasi-ye Mavane'-ye Tahaghogh-e Eqtesad-e Moqavemati dar Iran, *Motale'at-e Vahdat-e Hoze va Daneshgah*, 1402, Vol. 1, No. 1, pp. 1–18.

Сведения об авторе

Алексей Сергеевич Козырев
аспирант Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова;
консультант экономического отдела Торгового представительства Российской Федерации в Исламской Республике Иран.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 46;
Торговое представительство Российской Федерации в Исламской Республике Иран. Ул. Паменар. 366, Тегеран, Иран.
E-mail: kozyrevmail@mail.ru

Information about the author

Aleksei S. Kozyrev
Post-Graduate Student of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov MSU;
Consultant of Economic Department, Trade Representation of the Russian Federation in the Islamic Republic of Iran.
Address: Federal State Educational Institution of Higher Professional Education Lomonosov Moscow State University, 46 building, 1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation;
Trade Representation of the Russian Federation in the Islamic Republic of Iran. Pamenar Street. 366, Tehran, Iran.
E-mail: kozyrevmail@mail.ru

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-94-103

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ НАУЧНОЙ ТРАКТОВКИ

Барини Хусам
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Актуальность темы обусловлена высокими темпами развития цифровой трансформации в мире и в отдельных регионах, таких как Западная Азия, в частности на Аравийском полуострове. Для понимания направлений, особенностей, проблем и перспектив цифровой трансформации, а также ее региональной и страновой дифференциации, важно осмыслить концептуальную сущность и динамические тенденции, имеющие место в данном процессе. Кроме того, процесс цифровой трансформации, эффективно осуществляющийся на практике в различных странах, позволяет сократить цифровые разрывы, уже сформировавшиеся в мире. В современных исследованиях цифровой трансформации рассматриваются различные ее аспекты, направления, возможности и угрозы. Однако они представлены в разрозненном виде и не имеют единого и общепризнанного подхода к определению данного процесса. В статье проведен анализ имеющихся в современной научной экономической литературе авторских подходов (российских и зарубежных), дана их классификация с научно обоснованной авторской точки зрения. Системный подход, примененный в данной статье, позволил проанализировать ситуацию в различных аспектах, и на основе обобщения имеющихся тенденций сформулировать авторскую позицию по рассматриваемой проблеме.
Ключевые слова: цифровизация, цифровое государство, цифровые технологии, цифровая культура, эффективность, цифровая деятельность.

DIGITAL TRANSFORMATION: CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND FORMATION OF SCIENTIFIC INTERPRETATION APPROACHES

Barini Husam
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The relevance of the topic is caused by the high rate of development of digital transformation in the world and in certain regions, such as Western Asia, in particular on the Arabian peninsula. To understand the directions, features, problems and prospects of digital transformation, as well as its regional and country differentiation, it is important to comprehend its conceptual essence and dynamic trends taking place in this process. In addition, the process of digital transformation, effectively implemented in practice in various countries, makes it possible to reduce the digital gaps that have already been formed in the world. Modern research on digital transformation examines its various aspects, directions, opportunities and threats. However, they are presented in a fragmented form and do not have a single and generally accepted

approach to defining this process. The article analyzes the author's approaches available in the modern scientific economic literature (Russian and foreign), and gives their classification from a scientifically based author's point of view. The systematic approach applied in this article made it possible to analyze the situation in various aspects and, based on the generalization of existing trends, formulate the author's position on the problem under consideration.
Keywords: digitalization, digital state, digital technologies, digital culture, efficiency, digital activity.

Введение

Цифровая трансформация сегодня становится повседневной реальностью, и в нее дифференцированно включаются все субъекты хозяйствования на любом уровне – физические лица, предприятия, вне зависимости от отрасли, размеров и вида деятельности, международные объединения и институты, государства. Исходя из мировой практики и анализа научной литературы, следует, что в настоящее время уже сформировались значительные отличия процессов цифровой трансформации, происходящие в различных странах мира, регионах и субъектах хозяйствования [1; 2; 4; 6].

Так, активно развивается цифровая трансформация в странах Персидского залива и на этой основе – теория и концептуальные основы процесса [12; 13]. При этом речь идет не только о собственной (внутренней) цифровой трансформации того или иного субъекта, но и о цифровой трансформации хозяйственных контактов, в том числе и на международном уровне.

Соответственно, для понимания процесса цифровизации и цифровой трансформации исследователями из разных государств делаются попытки систематизировать и классифицировать, изучить ее глубинную природу и обосновать закономерности развития, распространения, влияние на деятельность субъектов, а также выявить угрозы и противоречия этого процесса. Помимо решения практических задач, научная деятельность предполагает и расширение соответствующей области экономических теоретических знаний [9]. Другими словами, в научной литературе постепенно формируется концепция цифровой трансформации.

Системный подход, примененный в данной статье, позволил проанализировать ситуацию в различных аспектах и на основе обобщения имеющихся подходов сформулировать авторскую позицию по рассматриваемой проблеме.

Методология исследования включает последовательное прохождение ряда аналитических этапов:

– 1-й этап: поиск научной литературы, а также государственных и международных документов, касающихся цифровой трансформации в мире и в странах Персидского залива;

– 2-й этап: систематизация и сортировка источников: ресурсы стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива

(ССАГПЗ), третьих стран и международных организаций, ресурсы, исключаемые из анализа в связи с ограниченными возможностями данного исследования;

– 3-й этап: анализ отобранных документов, материалов, статей, других источников и методов исследования;

– 4-й этап: изложение результатов проведенного анализа с учетом целей и задач, а также ограничений, исходя из логики исследования, а именно: составление сводной таблицы данных и визуализация результатов систематизированного анализа.

Результаты исследования

В условиях углубляющейся цифровой трансформации в мире существуют различные подходы к трактовке цифровой трансформации с ее многочисленными и разнообразными компонентами, что связано с многогранностью этого процесса [5]. На основе проведенного анализа имеющихся научных источников, касающихся цифровой трансформации, можно сделать вывод, что трактовки этого процесса отличаются у авторов из различных стран, так как они исследуют данный процесс с точки зрения возможности применения декларируемого подхода именно к практике конкретной географической локации и тех особенностей, которые сформировались в ней исторически за достаточно длительный период времени. В литературе по цифровой трансформации рассматриваются аспекты и компоненты этой многогранной концепции.

В таблице представлены наиболее распространенные базисные теоретические подходы к определению сущности цифровой трансформации, прежде всего западными исследователями.

Таблица 1

Базисные определения цифровой трансформации

Автор	Концепция, ее элементы	Сущность
1	2	3
Ковалькевич М., Дутсон П. [14]	Цифровая трансформация – это внедрение новых технологий во все процессы жизни и хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования (физических и юридических лиц и государства) и их взаимодействие между собой на всех этапах и в различных сферах	Правительства, отрасли, предприятия и общество постоянно сталкиваются с преобразующим потенциалом цифровых технологий и их глубоким влиянием на то, как создаются товары, предоставляются услуги, осуществляется доступ к информации и ведется бизнес. Описывается роль новых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн, Интернет вещей, облачные технологии и др.

Окончание табл. 1

1	2	3
Адама Х., Океке С. [12]	Цифровая трансформация – это направление технологического развития, призванное стимулировать инновационную активность и бизнес-деятельность в целом	Субъекты хозяйствования, прежде всего предприятия, рассматриваются в качестве основного катализатора цифровой трансформации в стремлении к повышению эффективности хозяйственной деятельности, разработке соответствующего предложения, а также спроса
Омол Е. Дж. [16]; Лаурсен Г. Х., Торлунд Дж. [15]	Концепция цифровой трансформации выходит за рамки простого внедрения технологий и распространяется на организационную культуру, лидерство и способность адаптироваться к меняющимся цифровым условиям	Цифровая трансформация представляет собой: – целостный и стратегический подход к использованию цифровых возможностей; – возможность для сохранения конкурентоспособности, рыночной адаптации, гибкого реагирования на рыночные тенденции и ориентацию на клиента; – необходимость и возможность трансформации бизнеса и формирование цифровой (инновационной) культуры
Вестерман Г. и др. [18]	Цифровая трансформация происходит на нескольких уровнях – от индивидуального, влияющего на то, как люди взаимодействуют с технологиями, до организационного, влияющего на бизнес-процессы и структуру цепочки создания стоимости	
Саед С. и др. [17]	Цифровая трансформация – это процесс, несущий многочисленные угрозы кибербезопасности	Изучаются проблемы цифровой трансформации, в том числе вопросы, касающиеся конфиденциальности данных, кибербезопасности и перехода от устаревших систем к современной цифровой инфраструктуре
Аль Хаджри А. и др. [13]	В контексте стран Персидского залива, где цифровая трансформация рассматривается как ключевой фактор диверсификации экономики и устойчивого развития, определение цифровой трансформации приобретает конкретные черты. Региональный фокус часто делает акцент на согласовании цифровых стратегий с национальными концепциями развития, такими как «Видение 2030» Саудовской Аравии или Национальная программа ОАЭ	Понимание культурного, политического и социально-экономического контекста, в котором реализуются инициативы по цифровой трансформации, имеет решающее значение для разработки эффективной политики и стратегий

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о первичности бизнеса как субъекта цифровой трансформации. Однако это заключение, на наш взгляд, противоречит тому факту, что именно государство определяет основные направления национальной цифровой трансформации, обеспечивает ее инфраструктуру и возможности развития. Поэтому следует говорить о том, что цифровая трансформация государства выступает если не первостепенным, то как минимум крайне важным элементом данного процесса с учетом тех функций, которые оно выполняет в процессе цифровой трансформации (рис. 1).

Рис. 1. Функции государства как катализатора цифровой трансформации национальной экономики

Именно государство во всех странах мира формирует стратегии развития цифровой трансформации и в целом инновационно-технологический прорыв, а также пути его достижения. Государство всегда стимулировало инновации, но в ограниченном количестве отраслей, начиная с промышленного переворота, а также на протяжении всех промышленных революций, а именно:

1. Набор критически важных технологий, как правило, сквозных. Их количество объективно ограничено, а конкретные отраслевые направления вводятся законодательно в разных странах в зависимости от их задач и потребностей на перспективу. Например, в странах Персидского залива – это технологии в углеводородной сфере (добыча, переработка и др.).

2. Наличие институтов развития и организационных структур, которые способны внедрять эти технологии, а зачастую и разрабатывать их.

Это, как правило, крупные государственные структуры (госкорпорации). Например, в Саудовской Аравии «Арамко».

3. Ресурсное обеспечение, т. е. финансирование НИОКР, производство, кадры и т. д.

Соответственно, государство решает, какие преимущества имеет импортозамещение (в той или иной форме) в процессе цифровой трансформации, и в каких именно направлениях и отраслях оно будет осуществляться. Только потом эти идеи воплощаются бизнесом (табл. 2).

Таблица 2

Стратегии/программы и институты развития цифровизации некоторых стран мира*

Страна	Стратегия	Институция
США	Strategy for American Innovation, 2011	Office of Science and Technology Policy, National Economic Council
Япония	New Strategy in Information and Communications Technology, 2010	Министерство коммуникаций
Англия	Digital Economy Act, 2017	Объединенный комитет по информационным системам
Китай	Интеграция цифровых и реальных экономик, 2022	
Россия	Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы	Совет при Президенте РФ по развитию информационного общества в РФ
Саудовская Аравия	Vision 2030 Digital Saudi Arabia	Управление по данным и искусственному интеллекту Саудовской Аравии

* *Составлено по*: [8].

Так, например, в странах Персидского залива государство большое внимание уделяет активному и всестороннему развитию человеческого капитала и в целом сфере образования [1], аспектам строительства футуристических умных городов [7], что и обеспечивает столь высокую степень цифровой трансформации, которую некоторые эксперты называют цифровым взрывом на Ближнем Востоке[1].

Заключение

Таким образом, исследование подтверждает, что сегодня, даже при наличии огромного количества исследований процессов цифровой трансформации, преимущественно эмпирические исследования представляют собой попытки анализа и систематизации тех или иных осо-

[1] URL: https://www.aljazeera.net/midan/miscellaneous/technology/2017/6/15/الرقمي-الانفجار-ومنافع-مخاطر-هي-ما

бенностей данного процесса в конкретных странах и отраслях. Например, арабские исследователи огромное внимание уделяют цифровизации нефтегазового сегмента и энергетики в целом.

Исследование показывает, что попытки анализа и развития концептуальных подходов понимания цифровой трансформации сегодня предпринимаются во многих развивающихся странах. Анализируя цифровой путь стран Персидского залива за последнее десятилетие и эволюцию их цифровой трансформации, автор пришел к выводу, что эти процессы в регионе определяют мотивацию, стратегии цифровизации отраслей и экономики в целом.

Список литературы

1. *Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р.* Кадры как фактор развития цифровой экономики в странах ССАГПЗ // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2018. – № 91-92. – С. 20–26.

2. *Барини Х.* Цифровые процессы в странах ССАГПЗ в первой трети XXI века: отраслевые особенности и необходимость выравнивания «отраслевых разрывов» // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 172–183. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-172-183

3. *Барини Х.* Проблемы и перспективы цифровизации: опыт стран Африки и Ближнего Востока // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2023. – № 118. – С. 111–119. – DOI: 10.26653/1993-4947-2023-118-09

4. *Меланьина М. В.* Цифровая трансформация российской экономики в условиях санкций // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 2. – № 12. – С. 106–112.

5. *Меланьина М. В.* Цифровизация мировой экономики: этапы, темпы, перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 11. – № 2. – С. 141–147.

6. *Поплавский С. П.* Тенденции развития геополитической обстановки в мире и международная экономическая безопасность // Проблемы развития социально-экономических систем : материалы VIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Донецк, 2024. – С. 403–405.

7. *Рузина Е. И., Тыркба Х. В., Асмятуллин Р. Р.* Экономический аспект «умных городов» в Совете сотрудничестве арабских государств Персидского залива // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 78–84.

8. *Суханова П. А.* Зарубежный опыт стратегий развития цифровой экономики // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 12. – С. 96–100.

9. *Хотулев А. С.* Глобальное проблемное поле цифровизации и цифровых технологий // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 4. – С. 403–409. – DOI:10.34823/SGZ.2022.3.518808

10. *Шкваря Л. В., Родин С. И.* Цифровая экономика в ССАГПЗ: современное состояние и проблемы // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 2 (115). – С. 188–191. – DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.033

11. *Шкваря Л. В.* Цифровая экономика: опыт Индии // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 3 (116). – С. 223–226. – DOI: 10.34925/EIP.2020.116.3.044

12. *Adama H. E., Okeke C.* Digital Transformation as a Catalyst for Business Model Innovation: A Critical Review of Impact and Implementation Strategies // *Magna Scientia Advanced Research and Reviews*. – 2024. – N 10. – P. 256–264. – DOI: 10.30574/msarr.2024.10.2.0066

13. *Al-Hajri A., Galal M. Abdella, Al-Yafei H., Aseel S., Magid Hamouda A*. A Systematic Literature Review of the Digital Transformation in the Arabian Gulf's Oil and Gas Sector // *Sustainability*. – Vol. 16. – Issue 15. – P. 6601. – DOI:10.3390/SU16156601

14. *Kowalkiewicz M., Dootson P.* Government 5.0: The Future of Public Services. The Chair in Digital Economy, Australia, 2019. – URL: https://eprints.qut.edu.au/133743/1/Report-Government-5.0.pdf

15. *Laursen G. H., Thorlund J.* Business Analytics for Managers: Taking Business Intelligence Beyond Reporting. – New York : John Wiley & Sons, 2016.

16. *Omol E. J.* Organizational Digital Transformation: from Evolution to Future Trends // *Digital Transformation and Society*. – 2023. – Vol. 3. – Issue 3. – P. 240–256. – DOI:10.1108/DTS-08-2023-0061

17. *Saeed S., Altamim S. A., Alkayya N. A., Alshehri E., Alabbad D. A.* Digital Transformation and Cybersecurity Challenges for Businesses Resilience: Issues and Recommendations // *Sensors*. – 2023. – N 23. – P. 6666. – DOI: 10.3390/s23156666

18. *Westerman G., Bonnet D., McAfee A.* Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. – Boston : Harvard Business Press, 2014.

References

1. Aydrus I. A. Z., Asmyatullin R. R. Kadry kak faktor razvitiya tsifrovoy ekonomiki v stranakh SSAGPZ [Human Resources as a Factor in the Development of the Digital Economy in the GCC Countries]. *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2018, No. 91-92, pp. 20–26. (In Russ.).

2. Barini Kh. Tsifrovye protsessy v stranakh SSAGPZ v pervoy treti XXI veka: otraslevye osobennosti i neobkhodimost vyravnivaniya «otraslevykh razryvov» [Digital Processes in the GCC Countries in the First Third of the 21st Century: Industry Features and the Need to Align "Industry Gaps"]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika.* [International Trade and

Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 3, pp. 172–183. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-172-183

3. Barini Kh. Problemy i perspektivy tsifrovizatsii: opyt stran Afriki i Blizhnego Vostoka [Problems and Prospects of Digitalization: the Experience of Countries in Africa and the Middle East]. *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2023, No. 118, pp. 111–119. (In Russ.). DOI: 10.26653/1993-4947-2023-118-09

4. Melanina M. V. Tsifrovaya transformatsiya rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh sanktsiy [Digital Transformation of the Russian Economy in the Context of Sanctions]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions], 2019, Vol. 2, No. 12, pp. 106–112. (In Russ.).

5. Melanina M. V. Tsifrovizatsiya mirovoy ekonomiki: etapy, tempy, perspektivy [Digitalization of the Global Economy: Stages, Pace, Prospects]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions], 2019, Vol. 11, No. 2, pp. 141–147. (In Russ.).

6. Poplavskiy S. P. Tendentsii razvitiya geopoliticheskoy obstanovki v mire i mezhdunarodnaya ekonomicheskaya bezopasnost [Trends in the Development of the Geopolitical Situation in the World and International Economic Security]. *Problemy razvitiya sotsialno-ekonomicheskikh system, materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov* [Problems of Development of Socio-Economic Systems, Materials of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists and Students]. Donetsk, 2024, pp. 403–405. (In Russ.).

7. Ruzina E. I., Tyrkba Kh. V., Asmyatullin R. R. Ekonomicheskiy aspekt «umnykh gorodov» v Sovete sotrudnichestve arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva [The Economic Aspect of "Smart Cities" in the Cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions], 2020, Vol. 2, No. 1, pp. 78–84. (In Russ.).

8. Sukhanova P. A. Zarubezhnyy opyt strategiy razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Foreign Experience of Digital Economy Development Strategies]. *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investment], 2018, No. 12, pp. 96–100. (In Russ.).

9. Khotulev A. S. Globalnoe problemnoe pole tsifrovizatsii i tsifrovykh tekhnologiy [The Global Problem Field of Digitalization and Digital Technologies]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2022, No. 4, pp. 403–409. (In Russ.). DOI:10.34823/SGZ.2022.3.518808

10. Shkvarya L. V., Rodin S. I. Tsifrovaya ekonomika v SSAGPZ: sovremennoe sostoyanie i problemy [Digital Economy in the GCC: Current State and Problems]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and

Entrepreneurship], 2020, No. 2 (115), pp. 188–191. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.033

11. Shkvarya L. V. Tsifrovaya ekonomika: opyt Indii [Digital Economy: the Indian Experience]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, No. 3 (116), pp. 223–226. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2020.116.3.044

12. Adama H. E., Okeke C. Digital Transformation as a Catalyst for Business Model Innovation: A Critical Review of Impact and Implementation Strategies. *Magna Scientia Advanced Research and Reviews*, 2024, No. 10, pp. 256–264. DOI: 10.30574/msarr.2024.10.2.0066

13. Al-Hajri A., Galal M. Abdella, Al-Yafei H., Aseel S., Magid Hamouda A. A Systematic Literature Review of the Digital Transformation in the Arabian Gulf's Oil and Gas Sector. *Sustainability,* Vol. 16, Issue 15, pp. 6601. DOI:10.3390/SU16156601

14. Kowalkiewicz M., Dootson P. Government 5.0: The Future of Public Services. The Chair in Digital Economy, Australia, 2019. Available at: https://eprints.qut.edu.au/133743/1/Report-Government-5.0.pdf

15. Laursen G. H., Thorlund J. Business Analytics for Managers: Taking Business Intelligence Beyond Reporting. New York, John Wiley & Sons, 2016.

16. Omol E. J. Organizational Digital Transformation: from Evolution to Future Trends. *Digital Transformation and Society,* 2023, Vol. 3, Issue 3, pp. 240–256. DOI:10.1108/DTS-08-2023-0061

17. Saeed S., Altamim S. A., Alkayya N. A., Alshehri E., Alabbad D. A. Digital Transformation and Cybersecurity Challenges for Businesses Resilience: Issues and Recommendations. *Sensors,* 2023, No. 23, pp. 6666. DOI: 10.3390/s23156666

18. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. Boston, Harvard Business Press, 2014.

Сведения об авторе

Хусам Барини
аспирант кафедры мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: bariny1991@hotmail.com

Information about the author

Husam Barini
PhD Student of the Department of World Economics of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: bariny1991@hotmail.com

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-104-113

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ МИРОВЫХ СТРУКТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

О. Ю. Родникова, А. Р. Чараха Бэр
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Сегодня цифровая трансформация приобретает стратегическое значение, непосредственно воздействует на структуру экономики, ее организацию, на многочисленные, в том числе фундаментальные, количественные и качественные параметры, показатели социально-экономического развития. Цифровая трансформация затрагивает микро- и макроуровень, чем определяется актуальность исследования. Цель исследования – проанализировать различные направления современных процессов цифровой трансформации в мировой экономике. Предметом исследования является цифровизация мировой экономики, объектом – различные направления и общее воздействие на глобальные процессы. Обосновано, что цифровые инновации играют сегодня ключевую роль для понимания текущих тенденций, определения перспектив и принятия взвешенных решений в области экономической политики. Показано, что цифровая экономика прошла ряд этапов развития, имеет различные формы проявления и затрагивает как географические, так и отраслевые аспекты мировой экономики, оказывая все более заметное влияние не только на экономическую, но и на социальную сферу. Именно поэтому цифровые разрывы представляют угрозу стабильности мирового развития в цифровую эпоху. Авторы обосновывают точку зрения о том, что преодоление цифровых разрывов выступает сегодня важнейшей глобальной задачей, решение которой, как минимум, – смягчение цифровых разрывов, – достижимо исключительно в рамках целенаправленного международного сотрудничества. Методологическая основа проведенного исследования: общенаучные методы анализа, такие как описание, сравнение, а также экономико-статистический метод и метод визуализации статистических данных.

Ключевые слова: цифровизация, мировая экономика, цифровые угрозы, последствия цифровизации, цифровые разрывы.

DIGITAL ECONOMY AND DIGITAL TRANSFORMATION: FEATURES OF GLOBAL STRUCTURAL PROCESSES

Oksana Yu. Rodnikova, Ada Ruth Charaja Bär
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Today digital transformation is gaining strategic importance, directly affecting the structure of the economy, its organization, and numerous, including fundamental, quantitative and qualitative parameters, indicators of socio-economic development. Digital transformation affects the micro and macro levels, which determines the relevance of the study. The purpose of the

study is to analyze various directions of modern digital transformation processes in the global economy. The subject of the study is the digitalization of the world economy, the object is various directions and the overall impact on global processes. It is proved that digital innovations play a key role today for understanding current trends, determining prospects and making informed decisions in the field of economic policy. It is shown that the digital economy has passed through a number of stages of development, has various forms of phenomenon and affects both geographical and sectoral aspects of the global economy, exerting an increasingly noticeable impact not only on the economic, but also on the social sphere. That is why digital gaps pose a threat to the stability of global development in the digital age. The authors substantiate the point of view that bridging digital gaps is today the most important global task, the solution of which, at least, the mitigation of digital gaps, is achievable exclusively within the framework of purposeful international cooperation. The methodological basis of the conducted research is general scientific methods of analysis, such as description, comparison, as well as the economic and statistical method and the method of visualization of statistical data.
Keywords: digitalization, global economy, digital threats, consequences of digitalization, digital gaps.

Введение

Цифровой трансформации в современной научной литературе уделяется огромное внимание. Ее анализ осуществляется по регионам [8; 9; 13] в различных аспектах [1; 10] и с разных точек зрения [6]. В то же время сегодня наряду с позитивными последствиями цифровизация углубляет дифференциацию стран мира, порождая цифровые разрывы. При этом отсутствует единство в понимании ее сущности, которая остается дискуссионной.

В сфере производства и промышленности цифровые технологии, такие как Интернет вещей и автоматизация, улучшают эффективность производства, снижают затраты и повышают конкурентоспособность стран и компаний. Кроме того, цифровые инновации стимулируют развитие высокотехнологичных направлений (искусственный интеллект (ИИ), кибербезопасность и биотехнологии). В сфере финансов цифровые технологии, блокчейн и финтех улучшают операционную эффективность, обеспечивают безопасные и быстрые финансовые транзакции, а также расширяют доступ к финансовым услугам. Благодаря цифровизации сфера услуг также претерпевает существенные изменения. Электронная коммерция, облачные сервисы и онлайн-платформы создают новые возможности для бизнеса, образования, медицины, изменяя потребительское поведение. Все это обеспечивает более устойчивое развитие, что особенно важно в период турбулентности [5].

Результаты исследования

На рубеже веков широкое распространение в научных и практических сферах получила цифровизация экономики.

Цифровая экономика – это экономическая система, в которой цифровые технологии играют определяющую роль в создании, распределе-

нии и потреблении благ и услуг. Она охватывает широкий спектр технологий, включая информационные, Интернет, искусственный интеллект, блокчейн, Интернет вещей и другие инновации [2].

Основные характеристики цифровой экономики по направлениям можно сформулировать следующим образом:

1. Цифровые технологии и инновации: цифровая экономика опирается прежде всего на передовые цифровые технологии, которые в совокупности значительно улучшают эффективность производства, повышают качество обслуживания в сфере услуг, социальной сфере, на транспорте и т. д., а также коммуникацию и взаимодействие между участниками рынка и государством.

2. Информационные потоки: обработка и передача информации становятся ключевыми элементами экономических процессов. Большие объемы данных все активнее используются для принятия предприятиями различных отраслей бизнес-решений, создания инноваций как в материальном, так и нематериальном плане и улучшения клиентского опыта и обслуживания.

3. Глобализация и мировой рынок: цифровая экономика способствуют устранению географических и культурных барьеров, стимулируя глобальную торговлю и взаимодействие между странами.

Эволюция цифровой экономики охватывает различные этапы развития и трансформации – от использования первых компьютерных технологий до формирования сложных цифровых экосистем [11; 17].

Рассмотрим более подробно ключевые этапы эволюции [4], дифференцированные по регионам и странам [3].

Предпосылки к появлению цифровой экономики наметились еще в XX в., однако полноценное развитие цифровой трансформации началось только в XXI в.

Зарождение цифровой экономики произошло в 1950–1960-е гг. Именно в этот период началась эра компьютеров и появились первые электронные вычислительные машины. Однако компьютеры использовались в основном для научных и военных целей. В 1970–1980-е гг. появились микропроцессоры, персональные компьютеры и сетевые технологии, а следом – Интернет и электронная почта. В 1990-е гг. с развитием веб-технологий начался расцвет Интернета, и многие страны, в том числе с развивающимися рынками, активизировали свою деятельность в этом направлении, прежде всего Индия, Китай, Сингапур и др. В частности, в Индии еще в 1992 г. была разработана стратегия технологического развития [15].

Постепенно происходило создание крупных онлайн-платформ для электронной коммерции, а также разработка стандартов, таких как HTTP и HTML. К 2000-м гг. появились крупные цифровые экосистемы, предоставляющие полный цикл услуг, получили развитие социальные сети,

облачные технологии и мобильные приложения, началось формирование цифровых платформ с акцентом на пользовательском опыте. Взрыв роста объемов данных и развития технологий анализа больших данных и интеграции искусственного интеллекта в различные отрасли пришелся на период 2010-х гг. В этот период получил развитие Интернет вещей, объединивший физические устройства в сеть, начали распространяться технологии блокчейн, повышающие безопасность и прозрачность транзакций, что упростило процессы принятия решений и автоматизацию. Последний этап – 2-е десятилетие XXI в., когда происходит углубление *цифровой трансформации*[1] в различных сферах.

Эти этапы свидетельствуют о постоянном развитии и расширении воздействия цифровых технологий на экономику и общество. От первых компьютеров до сложных систем искусственного интеллекта эволюция цифровой экономики продолжает формировать новые горизонты возможностей и вызовов.

Итак, цифровая экономика – это экономика XXI в., а цифровая трансформация – это процесс ее формирования и диффузии цифровых технологий, их внедрения во все большее число стран, отраслей, видов экономической деятельности. Технологический прогресс приводит к изменению экономических моделей. Такая мировая тенденция уже проявилась в экономике многих стран. Цифровизация проникает в различные сферы. Растет мировой ИКТ-рынок, объем которого в 2024 г. превысил показатель в 5 трлн долларов (рис. 1), увеличившись с 2012 г. в 1,38 раза, хотя на рынке имело место негативное воздействие антироссийских санкций в 2015 г., что лишний раз подтверждает их значимость в системе мирового хозяйства и негативный вектор этой значимости [12].

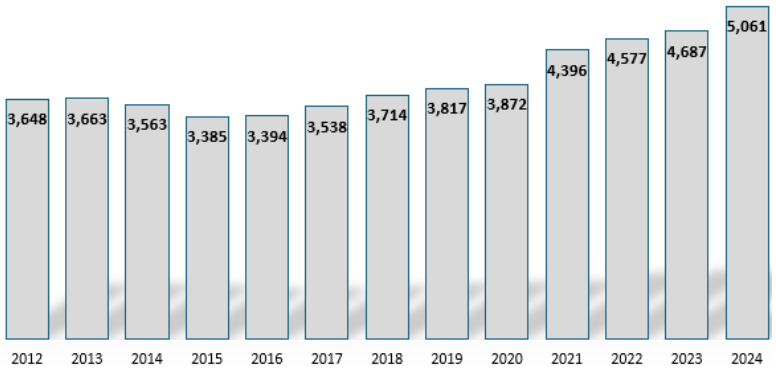

Рис. 1. Объем мирового ИКТ-рынка в 2012–2024 гг. (в трлн долларов)[2]

[1] Цифровая трансформация выступает этапом развития цифровой экономики как системы.
[2] ИКТ (мировой рынок). – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИКТ_ (мировой_рынок)?ysclid=m3txrjqjim808222074

В связи с этим можно говорить о росте спроса и предложения ИКТ, о внедрении соответствующей продукции предприятиями и ее востребованности у государства и физических лиц.

В свою очередь быстрыми темпами растет рынок искусственного интеллекта (рис. 2).

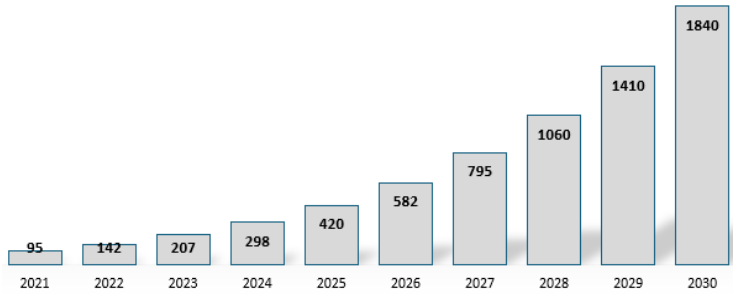

Рис. 2. Изменение объема глобального рынка искусственного интеллекта в 2021–2024 гг. и прогноз до 2030 г. (в млрд долларов)[1]

Как отмечают эксперты, с 2013 по 2023 г. инвестиции в ИИ по всему миру выросли в 9 раз; в 2024 г. объем рынка ИИ практически достиг 298 млрд долларов; сегодня 55% компаний в мире применяют искусственный интеллект; 45% компаний внедряют искусственный интеллект, потому что это доступно; 64% компаний утверждают, что ИИ помог им повысить эффективность – за последние 5 лет доходы компаний от использования ИИ выросли в 7 раз[2].

Увеличиваются расходы субъектов хозяйствования – домохозяйств, предприятий (в том числе наиболее крупных компаний) и государств – в НИОКР для обеспечения конкурентоспособности на мировом и национальных рынках (рис. 3).

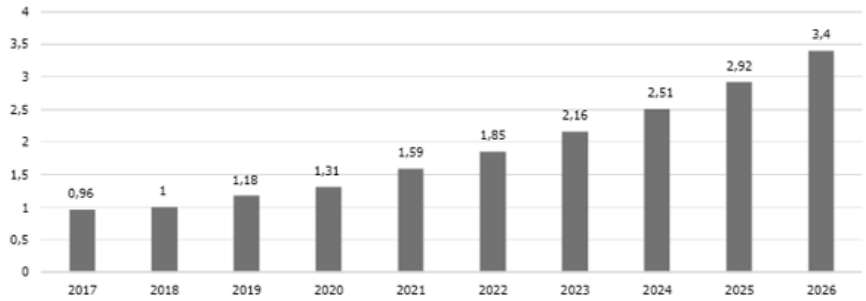

Рис. 3. Динамика расходов на технологии и услуги цифровой трансформации в 2017–2024 гг. и прогноз до 2026 г. (в трлн долларов) [18. – С. 341]

[1] Статистика искусственного интеллекта (ноябрь 2024). – URL: https://inclient.ru/ai-stats/?ysclid=m3u387nh3d929965511

[2] Там же.

Устойчиво растущие затраты на цифровизацию и цифровую трансформацию (как видно из рис. 3, спады в этом процессе не наблюдались даже в период глобальной пандемии и не ожидаются) подтверждают их необходимость в силу усиления конкуренции в мире как результата цифровой трансформации. Действительно, анализ рейтингов глобальной конкурентоспособности и позиций стран в ведущих цифровых показателях говорит об их весьма жесткой корреляции [14]. Это же подтверждают и позиции стран как мировых экспортеров. Более того, международные эксперты подкрепляют статистическими исследованиями и их анализом тот факт, что «перспективное развитие цифровой инфраструктуры служит новым двигателем экономического роста», а «инвестиции в цифровую трансформацию в размере 1 доллара приносят 8,3 доллара прибыли в цифровой экономике страны»[1]. Именно поэтому, как видно из рис. 3, дальнейший рост соответствующих затрат представляется наиболее актуальной перспективой, а цифровизация остается ведущим приоритетом, что констатируют и аналитики [7; 16].

В то же время, несмотря на ведущиеся дискуссии и попытки, определить сегодня реальную долю цифровой экономики в общей структуре национального хозяйства стран и мира пока не представляется возможным. Однако, по экспертным оценкам, наиболее высокие значения эти доли сохраняют в США и Китае: «Для США – это около 6,9–8% в рамках «узкого» определения цифровой экономики и свыше 50–60% при использовании «широкой» трактовки» [16. – С. 247]. При этом «Темпы роста секторов цифровой экономики и связанных с ними рынков существенно выше, чем у ВВП обеих стран» [16. – С. 248].

Вместе с тем существует единое мнение о том, что уже сформировались цифровые разрывы, т. е. дифференциация в уровне развития цифровизации в различных государствах, а также географических локациях. Преодоление цифровых разрывов сегодня – важнейшая глобальная задача. Однако существуют и другие вызовы и угрозы цифровизации, требующие коллаборации на глобальном уровне.

Заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что цифровизация как основа цифровой трансформации выступает сегодня основной движущей силой развития глобальной и национальной экономики, распространяясь на все отрасли и сферы жизни, на государственную и негосударственную сферы. Эта все более углубляющаяся глобальная тенденция обеспечивает странам-лидерам высокие рейтинги в мировой табели о рангах в конкурентном поле, но требует постоянных и достаточно высоких усилий для дальнейшей эволюции процесса цифровой трансформации.

[1] Global Digitalization Index (GDI) 2024. – URL: https://www.huawei.com/en/gdi

Цифровые инновации играют сегодня ключевую роль, поэтому изучение возможностей цифровизации актуально для понимания текущих тенденций, определения перспектив и принятия обоснованных решений в области экономической политики. В связи с этим процессы экономической цифровизации и цифровой трансформации представляют значительный интерес с точки зрения как систематизации и развития соответствующего раздела экономической теории, так и адаптации мирового передового опыта для тех стран мира, которые пока не имеют высоких показателей в сфере цифровизации и цифровой трансформации.

Список литературы

1. *Балашова С. А., Лазанюк И. В.* Развитие отрасли информационных технологий Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Экономика. – 2004. – № 1. – С. 69–81.

2. *Барини Х.* Цифровая трансформация в арабских странах: подходы и направления // Информация и инновации. – 2023. – Т. 18. – № 4. – С. 47–57. – DOI: 10.31432/1994-2443-2023-18-4-47-57

3. *Барини Х.* Проблемы и перспективы цифровизации: опыт стран Африки и Ближнего Востока // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2023. – № 118. – С. 111–119

4. Введение в цифровую экономику. – М. : ВНИИГеосистем, 2017.

5. *Вереникина А. Ю., Очилова М. А., Финли Д. Т*. Цифровизация в РФ и достижение глобальных целей устойчивого развития // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2023. – № 116. – С. 15–28.

6. *Глотова В. Г.* Риски цифровой экономики для современного общества // Международный экспедитор. – 2019. – № 1. - С. 9–11.

7. *Данилин И. В.* Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 6. – С. 246–267. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-12

8. *Меланьина М. В.* Цифровая трансформация российской экономики в условиях санкций // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 2. – № 12. – С. 106–112.

9. *Меланьина М. В.* Индонезия: инновационное и цифровое развитие и роль международного сотрудничества // Россия и Азия. – 2022. – № 5 (19). – С. 26–35.

10. *Меланьина М. В*. Влияние цифровизации на деятельность органов государственной власти Российской Федерации // Горизонты экономики. – 2023. – № 6 (80). – С. 86–94.

11. Новые тренды цифровизации: Россия и мир. – М. : Инфра-М, 2023.

12. *Поплавский С. П.* Тенденции развития геополитической обстановки в мире и международная экономическая безопасность // Проблемы развития социально-экономических систем : материалы VIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Донецк, 2024. – С. 403–405.

13. *Шкваря Л. В., Родин С. И.* Цифровая экономика в ССАГПЗ: современное состояние и проблемы // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 2 (115). – С. 188–191. – DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.033

14. *Шкваря Л. В., Фролова Е. Д.* Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира // Экономика региона. – 2022. – Т. 18. – № 2. – С. 479–493. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-13

15. India: An Information Technology Development Strategy. World Bank. – Washington DC, 1992.

16. *Oliinyk A.* Comparative Study of the Impact of Digitalization on Global Markets of Goods and Services in Developed and Developing Economies // Economics. – 2024. – Vol. 12. – Issue 2. – P. 195–218. – DOI: https://doi.org/10.2478/eoik-2024-0026

17. *Plotnikov A. V., Kursat Demiryurek, Hiroko Kawamorita, Mikhailova S. D.* The Impact of Digital Transformation on the Economy // Московский экономический журнал. – 2020. – № 7. – С. 163–173.

18. *Shlapak A., Yatsenko O., Ivashchenko O., Zarytska N.* Digital Transformation of International Trade in the Context of Global Competition: Technological Innovations and Investment Priorities // Financial and Credit Activity Problems of Theory and Practice. – 2023. – Vol. 6. – Issue 53. – P. 334–347. – DOI:10.55643/fcaptp.6.53.2023.4241

References

1. Balashova S. A., Lazanyuk I. V. Razvitie otrasli informatsionnykh tekhnologiy Indii [Development of The Information Technology Industry in India]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Ekonomika. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics], 2004, No. 1, pp. 69–81. (In Russ.).

2. Barini Kh. Tsifrovaya transformatsiya v arabskikh stranakh: podkhody i napravleniya [Digital Transformation in Arab Countries: Approaches and Directions]. *Informatsiya i innovatsii* [Information and innovations], 2023, Vol. 18, No. 4, pp. 47–57. (In Russ.). DOI: 10.31432/1994-2443-2023-18-4-47-57

3. Barini Kh. Problemy i perspektivy tsifrovizatsii: opyt stran Afriki i Blizhnego Vostoka [Problems and Prospects of Digitalization: the Experience of Countries in Africa and the Middle East]. *Segodnya i zavtra Rossiyskoy*

ekonomiki [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2023, No. 118, pp. 111–119. (In Russ.).

4. Vvedenie v tsifrovuyu ekonomiku [Introduction to the Digital Economy]. Moscow, VNIIGeosistem, 2017. (In Russ.).

5. Verenikina A. Yu., Ochilova M. A., Finli D. T. Tsifrovizatsiya v RF i dostizhenie globalnykh tseley ustoychivogo razvitiya [Digitalization in the Russian Federation and Achievement of Global Sustainable Development Goals]. *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2023, No. 116, pp. 15–28. (In Russ.).

6. Glotova V. G. Riski tsifrovoy ekonomiki dlya sovremennogo obshchestva [Risks of the Digital Economy for Modern Society]. *Mezhdunarodnyy ekspeditor* [An International Freight Forwarder], 2019, No. 1, pp. 9–11. (In Russ.).

7. Danilin I. V. Razvitie tsifrovoy ekonomiki SSHA i KNR: faktory i tendentsii [The Development of the Digital Economy of the USA and China: Factors and Trends]. Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2019, Vol. 12, No. 6, pp. 246–267. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-12

8. Melanina M. V. Tsifrovaya transformatsiya rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh sanktsiy [Digital Transformation of the Russian Economy in the Context of Sanctions]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions], 2019, Vol. 2, No. 12, pp. 106–112. (In Russ.).

9. Melanina M. V. Indoneziya: innovatsionnoe i tsifrovoe razvitie i rol mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Indonesia: Innovative and Digital Development and the Role of International Cooperation]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2022, No. 5 (19), pp. 26–35. (In Russ.).

10. Melanina M. V. Vliyanie tsifrovizatsii na deyatelnost organov gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii [Indonesia: Innovative and Digital Development and the Role of International Cooperation]. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of Economics], 2023, No. 6 (80), pp. 86–94. (In Russ.).

11. Novye trendy tsifrovizatsii: Rossiya i mir [New Trends in Digitalization: Russia and the world]. Moscow, Infra-M, 2023. (In Russ.).

12. Poplavskiy S. P. Tendentsii razvitiya geopoliticheskoy obstanovki v mire i mezhdunarodnaya ekonomicheskaya bezopasnost [Trends in the Development of the Geopolitical Situation in the World and International Economic Security]. *Problemy razvitiya sotsialno-ekonomicheskikh system, materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov*. [Problems of the Development of Socio-Economic Systems, Materials of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists and Students]. Donetsk, 2024, pp. 403–405. (In Russ.).

13. Shkvarya L. V., Rodin S. I. Tsifrovaya ekonomika v SSAGPZ: sovremennoe sostoyanie i problemy [Digital Economy in the GCC: Current

State and Problems]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, No. 2 (115), pp. 188–191. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.033

14. Shkvarya L. V., Frolova E. D. Komparativnyy analiz razvitiya vneshney torgovli v tsifrovom segmente po regionam mira [Comparative Analysis of the Development of Foreign Trade in the Digital Segment by Regions of the world]. *Ekonomika regiona* [The Economy of the Region], 2022, Vol. 18, No. 2, pp. 479–493. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-13

15. India: An Information Technology Development Strategy. World Bank. Washington DC, 1992.

16. Oliinyk A. Comparative Study of the Impact of Digitalization on Global Markets of Goods and Services in Developed and Developing Economies. *Economics,* 2024, Vol. 12, Issue 2, pp. 195–218. DOI: https://doi.org/10.2478/eoik-2024-0026

17. Plotnikov A. V., Kursat Demiryurek, Hiroko Kawamorita, Mikhailova S. D. The Impact of Digital Transformation on the Economy // *Московский экономический журнал*, 2020, No. 7, pp. 163–173. DOI 10.24411/2413-046X-2020-10518

18. Shlapak A., Yatsenko O., Ivashchenko O., Zarytska N. Digital Transformation of International Trade in the Context of Global Competition: Technological Innovations and Investment Priorities. *Financial and Credit Activity Problems of Theory and Practice,* 2023, Vol. 6, Issue 53, pp. 334–347. – DOI:10.55643/fcaptp.6.53.2023.4241

Сведения об авторах

Оксана Юрьевна Родникова
старший преподаватель кафедры
иностранных языков № 3
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Rodnikova.OY@rea.ru

Ада Рут Чараха Бэр
кандидат химических наук, доцент
кафедры иностранных языков № 3
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Ada.R@rea.ru

Information about the authors

Oksana Yu. Rodnikova
Senior lecturer
of the Department of Foreign Languages
N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Rodnikova.OY@rea.ru

Ada Ruth Charaja Bär
PhD, Associate Professor,
of the Department of Foreign Languages
N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Ada.R@rea.ru

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-114-133

О КОРРЕКТИРОВКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Е. С. Бирюков
Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН,
Москва Россия;
Национальный исследовательский технологический университет
МИСИС, Москва, Россия

Рассмотрены экономические реформы в Саудовской Аравии в 2016–2023 гг. и их предварительные результаты. Охарактеризована социально-экономическая модель Саудовской Аравии, существовавшая в 1962–2015 гг., определено, что ее поддержание имеет объективные пределы в связи с быстрым ростом населения при сохранении постоянного уровня добычи нефти. Этим обусловлены реформы, начавшиеся в Саудовской Аравии в 2016 г. Показано, что реформирование осуществляется в бюджетной, социальной, инвестиционной и отраслевой сфере. Рассмотрены решения властей страны, связанные с переходом к диверсификации экономики. Происходит перенаправление нефтяного богатства в сектора обрабатывающей промышленности, добывающую ненефтяную промышленность, зеленую экономику и отрасли сферы услуг – туризм, недвижимость, индустрию развлечений и спорта, транспорт, финансовые услуги. Выделены социально-экономические аспекты, осложняющие развитие промышленности и способствующие ориентации на диверсификацию за счет сферы услуг. Изучена ключевая роль Государственного инвестиционного фонда в финансировании экономики. Фонд выступает как холдинговая структура, участвующая в собственности и капитале ведущих компаний в основных отраслях. Охарактеризованы направления диверсификации компании «Сауди Арамко»; рассмотрена политика Саудовской Аравии по развитию ненефтяных отраслей.
Ключевые слова: Видение-2030, Государственный инвестиционный фонд, суверенные инвестиционные фонды, «Сауди Арамко».

CORRECTION OF SOCIO-ECONOMIC MODEL OF SAUDI ARABIA

Evgeny S. Biryukov
Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
National University of Science and Technology MISIS,
Moscow, Russia

The economic reforms in Saudi Arabia in 2016-2023 and their preliminary results are considered. The socio-economic model of Saudi Arabia, which existed in 1962-2015, is characterized in the article, it is determined that the model`s maintenance has objective limits due to rapid population growth on the one side with a constant level of oil production on the other. In this regard, the objective causality of the reforms that began in Saudi Arabia in 2016 is illustrated. It is shown that the reforms are carried out in the budgetary, social, investment and sectoral

spheres. The decisions of the country's authorities related to the transition to economic diversification are considered. Oil wealth is being redirected to the manufacturing sectors, the extractive non-oil industry, the green economy and services industries – tourism, real estate, entertainment and sports, transport, and financial services. The socio-economic aspects that complicate the development of industry and contribute to the orientation towards the diversification by services development. The key role of the Public Investment Fund in financing the economy has been studied. The Fund acts as a holding structure that participates in the ownership and capital of leading companies in major industries. The directions of state oil company Saudi Aramco's diversification are characterized; Saudi Arabia's policy on the development of non-oil industries is also considered.
Key words: Vision 2030, Public Investment Fund, sovereign wealth funds, Saudi Aramco.

Введение

К 2014 г. Королевство Саудовская Аравия (КСА) столкнулось с положением, когда прежняя социально-экономическая модель не могла продолжать функционировать, и было необходимо начать ее корректировку. Причина заключалась в том, что добыча нефти на протяжении десятилетий находилась примерно на одном уровне (с небольшим ростом), тогда как численность населения увеличивалась – с 2000 по 2015 г. население увеличилось с 16 до 30 млн человек (рис. 1).

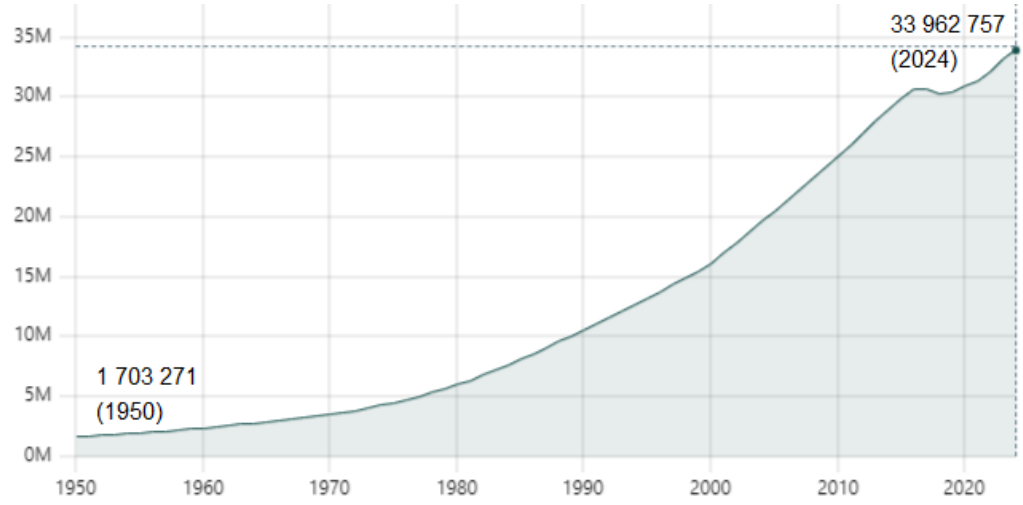

Рис. 1. Численность населения Саудовской Аравии (в млн чел.)[1]

Специфика и уникальность саудовского бюджета заключаются в том, что на социальные статьи приходится более 50% суммарных расходов (в 2023 г. из общих расходов бюджета в 1 275 млрд риалов 536 млрд риалов составили выплаты работникам, 97 млрд риалов – социальные льготы) [23. – С. 14]. При высоких ценах на нефть в 2000–2008 гг. и 2011–

[1] URL: https://database.earth/population/saudi-arabia (дата обращения: 30.11.2024).

2013 гг. (рис. 2) доходов было достаточно для финансирования социальных расходов, однако при снижении мировых цен в 2014 г. проявились пределы данной модели, обусловив необходимость реформ.

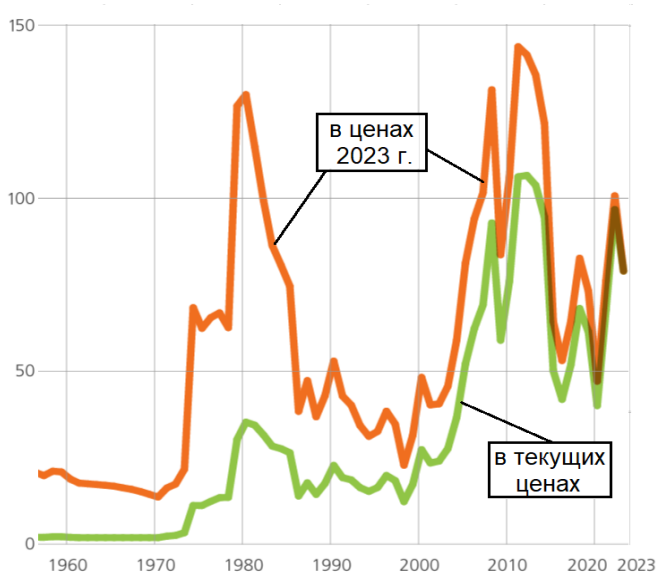

Рис. 2. Среднегодовые цены на нефть (в текущих ценах) (в долл. за баррель) [25. – P. 30]

Теоретико-методологическая часть

Научной проблемой, на рассмотрение которой направлена статья, является анализ прикладной политики по перестройке социально-экономической модели Саудовской Аравии, осуществляемой с двумя целями – снижение зависимости от нефтяной отрасли и преодоление противоречий между экономической и демографической сферами. Логическая последовательность исследования заключается в том, что сначала охарактеризована статичная социально-экономическая модель КСА, существовавшая практически в неизменном виде с 1962 по 2015 г., затем рассматривается введение режима экономии бюджета в 2015–2017 гг., далее анализируются изменения инвестиционной политики и направления диверсификации экономики. В качестве библиографических источников использовались, во-первых, монографии, издававшиеся в 1980–2000-е гг. и описывавшие различные аспекты саудовской модели, написанные такими отечественными учеными, как А. М. Васильев [6], Г. Л. Гукасян [1; 7; 8], А. О. Филоник [10; 11], Л. В. Шкваря, А .И. Яковлев [15; 16] и др. и зарубежными авторами Р. Лейси [19; 20], Р. Луни [21], А. Мордехай [17], А. Янг [26] и др. Во-вторых, для анализа современной ситуации и планов потребовались материалы СМИ и источники из сети Интернет. Задействование второй группы источников не снизило научного качества исследова-

ния, поскольку предоставило дополнительную аналитическую информацию. Из использованных методов следует выделить индукцию (обобщения), синтез, анализ, сравнительный подход и др. Статистической базой послужили данные саудовских государственных ведомств (Главное управление статистики, Министерство финансов), данные по запасам, производству и ценам энергоресурсов из сборника «Бритиш Петролеум» (с 2023 г. – Энергетического института), статистика Всемирного банка.

Социально-экономическая модель Саудовской Аравии (1962–2015 гг.) и ее пределы

Моментом создания модели можно считать оглашение Королем Фейсалом в 1962 г. программы коренных преобразований, получившей название «10 пунктов» [6. – С. 403.]. В нее вошли планы по строительству дорог, созданию государственной нефтяной компании, промышленного и сельскохозяйственного банков, выходу на самообеспечение продовольствием (не достигнуто), а также реформа госуправления, широкие социальные обязательства, отмена рабства, поддержание роли ислама в обществе.

Сформировавшаяся саудовская модель имеет следующие составные части (согласно классификации автора статьи). Первая – это доходы от продажи нефти, причем они являются не просто одной из характерных особенностей модели, но и ее основой и исчерпывающе необходимым условием. Поступление нефтедолларов определяет другие части модели: вторая – ключевая роль государства в управлении экономическим развитием и государственное участие в ряде ведущих отраслей экономики, третья – социальные расходы, четвертая – привлечение мигрантов [13. – С. 5], пятая – экспорт капитала [4. – С. 1115], шестая – масштабный импорт товаров. Другие характеристики модели (строительство экономических городов, направление помощи за рубеж, высокие военные расходы, иностранные технологии и инвестиции, развитие сферы услуг), хотя и влияют на нее, но не являются настолько определяющими, как вышеперечисленные.

Обусловленность корректировки налогово-бюджетной политики

В 2014 г. снижение цен на нефть (следовательно, и доходов) началось в середине года, поэтому влияние на бюджет оказалось не столь значительным, как в последующем, – бюджетный дефицит за год составил 54 млрд риалов (14,4 млрд долларов)[1]. Со всей остротой экономические проблемы проявились в 2015 г., когда бюджетный дефицит составил

[1] URL: https://oxfordbusinessgroup.com/articles-interviews/saudi-arabia-year-in-review-2014 (дата обращения: 25.11.2024).

98 млрд долларов, или 15% ВВП[1]. Это повлекло за собой сокращение золотовалютных резервов (ЗВР) на 116 млрд долларов, или на 16%, до 616,4 млрд долларов (при такой тенденции они закончились бы за 5–6 лет). В 2016 г. сложная ситуация с госфинансами сохранилась – дефицит составил 297 млрд риалов (79 млрд долларов), 12,8% ВВП[2]. Кроме того, в 2015–2016 гг. КСА было вынуждено прибегнуть к внутренним и внешним размещениям облигаций (на 21,5 млрд долларов) и заимствованиям (10 млрд долларов) у иностранных банков.

В этих условиях на первые роли в государстве выдвинулся молодой харизматичный наследный принц Мухаммед Бен Сальман, инициировавший концепцию реформ «Видение-2030» [9. – С. 393]. Ее наиболее заметными аспектами стали частичная приватизация «Сауди Арамко» и направление полученных доходов в инвестиционный фонд; планы по диверсификации экономики; социальные изменения, включая смягчение религиозного контроля, разрешение женщинам водить автомобили, увеличение занятости женщин, открытие кинотеатров. В качестве индикаторов концепции были обозначены увеличение доли частного сектора в экономике с 40 до 60%, снижение безработицы с 11,6% (при этом среди молодежи она достигает 30%) до 7,6%, увеличение ненефтяных доходов со 163 млрд риалов (44 млрд долларов) до 1 трлн риалов (267 млрд долларов), рост доли ненефтяного экспорта с 16 до 50%, увеличение доли работающих женщин с 22 до 30% (последняя цель по состоянию на 2024 г. перевыполнена – до 37%).

Важная и первая часть мер в рамках программы «Видение-2030» заключалась в изменении бюджетной политики. Государство перешло к новым для своей истории, при этом вынужденным, мерам, частично нарушавшим негласный социальный контракт [18], при котором монархия щедро обеспечивала своих подданных трудовыми местами и льготами, а граждане не вмешивались в политику. В 2016 г. Саудовская Аравия резко увеличила цены на ключевые товары (бензин, электричество и воду), сократив бюджетные расходы.

Второй крупной мерой стало введение с января 2018 г. НДС в размере 5%, затем увеличение его до 15% (с июля 2020 г.). Кроме того, были введены акцизы. До этого налоги (за исключением закята в размере 2,5% от дохода) не играли существенной роли для бюджета, в котором нефть была доминирующим источником (89,6% доходов бюджета в 2010–2014 гг. [22]). В результате доля налогов в бюджете существенно повысилась. Если в 2016 г. доходы государства от налогов составляли 82 млрд риалов (16% бюджета), то в бюджете 2020 г. – 217 млрд риалов (28% бюджета) .

---

[1] URL: https://www.theguardian.com/world/2015/dec/28/saudi-arabia-spending-cuts-oil-prices-budget-deficit (дата обращения: 23.11.2024).

[2] URL: https://gulfbusiness.com/saudi-arabia-cuts-2016-budget-deficit-boost-2017-spending/ (дата обращения: 30.11.2024).

Инвестиционная составляющая саудовских реформ

Системное экономическое содержание реформы заключается в том, чтобы переложить нефтяные активы в диверсифицированную структуру отраслей и секторов, включая высокотехнологичные, что должно стать основой постнефтяной экономики.

Основные параметры по инвестированию прописаны в таких документах, как «Видение-2030», Национальный план по трансформации (НТП), Национальная инвестиционная стратегия (НИС).

НТП был принят в 2016 г., включал в себя на первом этапе проекты стоимостью 268 млрд риалов (71,3 млрд долларов). В последующих бюджетах на реализацию НТП предусматривалось дополнительное финансирование (в бюджете 2017 г. – 42 млрд риалов (11 млрд долларов), в том числе проектов, связанных с привлечением частного сектора) [23].

Принятая в 2021 г. НИС, описывает инвестиционные планы для таких сфер и секторов, как обрабатывающая промышленность, возобновляемая энергетика, транспорт и логистика, туризм, инфраструктура для цифровой экономики и здравоохранение.

Проводниками нефтяных средств в ненефтяную экономику выступают государственный бюджет, Государственный инвестиционный фонд, госкорпорации, Национальный фонд развития.

Капитальные затраты из госбюджета. Особенностью саудовского бюджетирования является то, что государственный бюджет осуществляет капитальное инвестирование в экономику в весьма малой пропорции (табл. 1). Так, в 2023 г. при общих бюджетных расходах в 1 275 млрд риалов на капитальные затраты было направлено 203 млрд риалов (54 млрд долларов), 16% расходов бюджета [24. – С. 15].

Таблица 1

Расходы и капитальные затраты в бюджете Саудовской Аравии, 2013–2024 гг.* (в млрд риалов)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Расходы – всего	976	1 100	1 001	830	930	1 079	1 048	1 076	1 039	1 164	1 275	1 285 (оценка)
В том числе капитальные затраты	312	370	264	183	262	205	169	155	117	143	203	189 (оценка)

* *Источник*: General Authority for Statistics (Saudi Arabia).

Инвестиции Государственного инвестиционного фонда. Важнейшим инвестором в экономику Саудовской Аравии в настоящее время стал Государственный инвестиционный фонд (ГИФ). Он был создан в 1971 г. для вложения нефтедолларов в экономическое развитие страны. При этом

значительное усиление роли ГИФ произошло при наследном принце Мухаммеде Бен Сальмане. В 2016 г. при объявлении концепции «Видение-2030» принц поставил цель увеличить капитал фонда с 400 млрд долларов до 2 трлн долларов к 2030 г. Также в концепции говорилось о том, что впоследствии доходы от инвестиций должны позволить диверсифицировать доходы бюджета, сокращая значение нефти. Однако роль ГИФ оказалась еще важнее, и он стал ключевым механизмом управления структурной перестройкой экономики.

Фонд ранее выступал в качестве холдинга, где были формально аккумулированы акции частично приватизированных саудовских компаний. В настоящее время фонд выступает и в качестве холдинга, и института, формирующего вектор ненефтяного развития, системно вкладывающего средства в передовые отрасли экономики, а также инвестирующего в зарубежные технологичные предприятия (с целью получения дохода, снижения рисков от монотоварной ориентации экономики, использования технологий инвестируемых компаний в Саудовской Аравии).

За 2019–2023 гг. ГИФ создал 93 компании в 13 стратегических секторах, включая недвижимость, туризм, спорт и развлечения, авиаперевозки, здравоохранение. В состав активов фонда входят такие саудовские проекты, как город Неом, создание второй саудовской авиакомпании «Рияд Эйр», город развлечений, спорта и культуры «Киддия» и др. По состоянию на середину 2022 г. фонд напрямую и косвенно создал 500 тыс. рабочих мест, при этом целью к концу 2025 г. является создание 1,8 млн рабочих мест. Согласно установленным нормативам, фонд к концу 2025 г. должен обеспечивать вклад в ненефтяной ВВП в размере 319 млрд долларов, ежегодно вкладывать в саудовскую экономику не менее 39 млрд долларов (147 млрд риалов), что почти равно капитальным затратам государственного бюджета. Сопутствующими целями являются содействие развитию частного сектора и доведение в деятельности фонда доли местных товаров/услуг до не менее 60%[1].

К 2024 г. активы фонда достигли 925 млрд долларов. Наполнение фонда капиталом происходит прежде всего из принадлежащих государству средств. Широкое освещение получили продажи на бирже акций «Сауди Арамко» (в 2019 г. – 1,5% акций стоимостью 25,6 млрд долларов; в 2024 г. – 0,7% акций стоимостью 13 млрд долларов); вырученные средства были направлены в ГИФ. В 2020 г. «Сауди Арамко» выкупила у ГИФ 70% нефтехимического гиганта «САБИК» за 69 млрд долларов, предоставив фонду дополнительные средства и одновременно повысив свою капитализацию. В 2023–2024 гг. правительство передало под управление фонда по 8% акций в год «Сауди Арамко» рыночной стоимостью около 164 млрд

[1] URL: https://www.vision2030.gov.sa/en/explore/programs/public-investment-fund-program (дата обращения: 30.11.2024).

долларов[1]. Ранее происходила передача акций в фонд ЗВР Саудовского денежного агентства (Центробанка). Кроме того, ГИФ занимает средства за рубежом (т. е. саудовские власти осуществляют инвестиционный форсаж и рассчитывают, что их инвестиционная стратегия даст большую доходность, чем величина выплачиваемых процентов по кредитам) – в 2023–2024 гг. были выпущены облигации в размере 16 млрд долларов и организован займ в размере 12 млрд долларов от пула банков.

В части инвестирования за рубежом ГИФ осуществил ряд крупных и имиджевых сделок. В совместный с японским SoftBank технологичный фонд были вложены 45 млрд долларов, в управляемый Blackstone инфраструктурный фонд – 20 млрд долларов, в перевозчика Uber – 3,5 млрд долларов. Фонд имеет вложения в аэропорт Хитроу, компанию-создателя компьютерных игр «Нинтендо», студии в Голливуде, отели во Франции. При этом инвестиции, несмотря на их разнообразие, осуществляются не хаотично, а с прицелом на использование соответствующих компетенций в Саудовской Аравии. Например, вложения в Голливуд связаны с созданием медиаиндустрии и проведением кинофестивалей в Королевстве[2].

Государственные компании. Крупным источником капитальных инвестиций и других направлений финансирования экономики являются государственные компании (крупнейшие из которых «Сауди Арамко» и «САБИК», Саудовская телекоммуникационная компания, Саудовская электрическая компания, «Саудовские авиалинии», Компания по опреснению морской воды, Саудовская добывающая компания «Мааден», Саудовский национальный банк и др.)

Государственные компании выполняют, помимо основных, не связанные с их прямой коммерческой деятельностью функции, например, увеличение занятости, привлечение частного сектора в свои стоимостные цепочки, развитие сельской местности [2. – С. 36]. Госкомпании во многих случаях не подчиняются профильным госведомствам, поскольку создаются отдельным указом или другим актом; зачастую они могут получать от государства финансирование и льготы.

В 2021 г. была принята программа «Шарик» (партнер), по которой десятки саудовских компаний, акции которых обращаются на бирже, должны сократить дивиденды и направить по 5 трлн риалов (1,33 трнл долларов) для инвестирования в экономику.

Другие внутренние механизмы капитальных затрат. Саудовский центробанк (до 2020 г. – Саудовское денежное агентство (САМА) управляет ЗВР страны, инвестируя их за рубежом (по состоянию на 2024 г. активы

---

[1] URL: ttps://www.reuters.com/business/energy/saudi-aramco-4-stake-transferred-pifs-sanabil-2023-04-16/ (дата обращения: 16.11.2024).

[2] URL: https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2023-02-20/saudi-arabia-wants-to-be-a-movie-capital-will-hollywood-go-along (дата обращения: 02.11.2024).

под управлением составляют 424 млрд долл.)[1] [3. – С. 189]. Известно о случаях вложений средств САМА в саудовскую экономику, например, в середине 2010-х гг. финансировалось жилищное строительство. После начала реализации программы «Видение-2030» САМА передало часть своих средств (около 300 млрд долларов) в капитал ГИФ.

В 2017 г. в рамках «Видение-2030» создан Национальный фонд развития. Он выступает зонтичной структурой, контролирующей секторальные банки и программы развития (в сферах промышленности, туризма, сельского хозяйства и др.) и финансируется из госбюджета. Целями фонда являются увеличение ненефтяного ВВП Королевства в три раза и также троекратное увеличение участия частного сектора в экономике. К 2024 г. фонд через дочерние структуры вложил в саудовскую экономику 690 млрд риалов (184 млрд долларов). До 2030 г. будет вложено еще 570 млрд риалов (152 млрд долларов)[2].

Под углом направления капитальных инвестиций в саудовскую экономику (наряду с общей консолидацией власти) можно рассматривать удержание в 2017 г. в отеле «Ритц-Карлтон» более 380 членов королевской семьи по обвинению в коррукции. В ходе этого процесса были достигнуты соглашения о передаче в собственность государства активов (в виде недвижимости, компаний, денег) в размере 107 млрд долларов[3].

Иностранные инвестиции. На первоначальном этапе развития КСА (в момент концессий на геологоразведку и после открытия запасов нефти) ПИИ сыграли ключевую роль [12. – С. 39]. Затем при избытке средств у государства их значение снизилось. В настоящее время власти рассматривают ПИИ и как дополнительный источник (поскольку объем нефтедолларов небезграничен) средств, необходимых для форсирования перехода к ненефтяной экономике, и как канал получения передовых технологий.

В 2022 г. было создано Агентсво содействия инвестициям. Саудовская Аравия значительно улучшила инвестиционный климат и упростила инвестиционные процедуры. Одним из направлений политики КСА является поощрение перевода региональных штаб-квартир транснациональных корпораций в Королевство путем предоставления различных льгот.

В табл. 2 показана динамика ПИИ в Саудовскую Аравию, в том числе в сравнении с другими лидерами региона Западной Азии. Только в 2021–2023 гг. саудитам удалось привлекачь ежегодно более, чем по 10 млрд долларов, тогда как ранее за успешными годами следовали рез-

---

[1] URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/06/13/mission-concluding-statement-saudi-arabia-concluding-statement-of-the-2024-article-iv-mission (дата обращения: 10.11.2024).
[2] URL: https://gulfbusiness.com/saudi-arabias-real-gdp-grows-3-2-in-2021/ (дата обращения: 14.11.2024).
[3] URL: https://www.arabnews.com/node/1444581/%7B%7B (дата обращения: 18.11.2024).

кие провалы. Вместе с тем в упоминавшейся выше Национальной инвестиционной стратегии поставлена амбициозная цель по привлечению к 2030 г. 103 млрд долларов в год ежегодно. Добиться к 2030 г. этого показателя малореалистично. В этой связи в настоящее время саудовские власти опираются на собственные средства для диверсификации экономики.

Таблица 2

Прямые иностранные инвестиции, 2010–2023 гг.* (в млрд долл.)

	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Саудовская Аравия	4,9	4,0	22,0	1,0	12,1	3,1	1,6	23,1	28,1	12,3
Турция	9,1	19,0	13,7	11,1	12,5	9,5	7,7	11,5	13,4	10,4
ОАЭ	8,8	8,6	9,6	10,4	10,4	17,9	20,0	20,7	22,7	30,7

* *Источник*: UNCTAD.

Диверсификация экономики

Достижение диверсификации экономики и сокращение зависимости от нефтяной отрасли – это ключевые смысловые элементы саудовских реформ. За пределами нефтегазовой отрасли и нефтепереработки наиболее активно саудовские власти развивают сектора сферы услуг и только затем – промышленности. Развитие промышленности осложняется такими факторами, как недостаточный уровень образования населения и высокие зарплатные ожидания при неготовности к интенсивному труду, невысокая емкость рынка (35 млн человек), иностранная конкуренция (низкие импортные пошлины, присутствие иностранной продукции).

Для создания промышленных предприятий в 2019 г. был дан старт Национальной программе промышленного развития и лотики, являющейся одной из тринадцати программ для реализации «Видения-2030». Важное внимание власти придают активизации Саудовского фонда промышленного развития (создан в 1970-е гг.), деятельность которого направлена на поддержку промышленных инвестиций частного сектора. Фонд предоставляет займы на строительство или модернизацию заводов в размере 50–75% от стоимости проекта. В Саудовской Аравии на протяжении всей ее новейшей истории создаются так называемые экономические города (строительство производственной и жилищной инфраструктуры в различных районах страны). Управлением и надзором в этой сфере занимается Саудовское агентство промышленной собственности (более известное как (Мудун) (*с арабского* – город) [5. – С. 28].

Диверсификация в деятельности «Сауди Арамко». Базовым для компании остается нефтедобывающее направление, но в деятельность добавляются добыча газа, нефтехимия и экологическая составляющая. В основной, нефтяной, части бизнеса компания запланировала повышение активности в разведке и добыче (на что направляется львиная доля инве-

стиций) при внимании к экологическим (эмиссионным) аспектам. Всего за 2024–2030 гг. «Сауди Арамко» планирует вложить в геологоразведку и добычу нефти более 200 млрд долларов, больше, чем какая-либо другая ресурсная компания в мире. При этом в 2024 г. правительство Саудовской Аравии поручило компании отказаться от планов по расширению потенциала производства нефти на дополнительный 1 млн баррелей в день, как это было предусмотрено планами компании. Это позволит высвободить капитальные затраты объемом 40 млрд долларов в период 2024–2028 гг.

В части диверсификации «Сауди Арамко» планирует, во-первых, увеличить производство природного газа как более экологичного вида топлива со 110 млрд м^3 в 2022 г. до 165 млрд м^3 в 2030 г. (долгое время «Сауди Арамко» не выделяла газ в качестве одного из своих приоритетов). Во-вторых, диверсификация направлена на развитие нефтехимии. Это потребует около 100 млрд долларов инвестиций к 2030 г. В настоящее время доля Саудовской Аравии в мировых мощностях НПЗ составляет 3,2%, что несколько ниже, чем у Южной Кореи (3,25%) и Индии (4,9%); лидируют Китай (17,9%), США (17,8%) и Россия (6,6%) [25. – С. 31]. Этой стратегии соответствует и поглощение саудовским нефтяным гигантом компании «САБИК».

В низкоуглеродные технологии «Сауди Арамко» инвестирует 4 млрд долларов в год, уступая только BP, «Тотал» и ADNOC (ОАЭ). Ожидается, что к 2030 г. компания создаст мощности по выработке солнечной и ветряной энергии в размере 12 ГВт (в 2022 г. мощности КСА в солнечной энергетике составляли 0,4 ГВт, в 2023 г. – уже 2,3 ГВт (в России – 2,2 ГВт); ветряная энергетика в КСА не развита) [25. – С. 60]. Разрабатываются проекты по поглощению углекислого газа и метана, производству голубого водорода и голубого аммиака (производство последнего анонсировано в 2030 г. в объемах до 1/5 от мирового производства). При этом следует заметить, что низкоэмиссионные проекты «Сауди Арамко» при нынешнем уровне развития технологий не окупаются. Как представляется, компания, будучи связанной с нефтедобычей, реализует их для снижения будущих рисков энергоперехода, стремясь позиционировать себя в качестве производителя углеводородов наиболее экологичным способом.

Ненефтегазовая добывающая промышленность. Для саудовской экономики крупным направлением промышленной диверсификации становится развитие добывающей, но ненефтегазовой промышленности. В планах государства – увеличение вклада этого сектора в ВВП на 64 млрд долларов (около 6% ВВП), прекращение импорта природных ресурсов и высвобождение суммы в 9,8 млрд долларов в год, создание к 2030 г. 200 тыс. рабочих мест напрямую в отрасли и косвенно, в связанных с ней секторах. В 2024 г. правительство подняло оценку запасов ненефтегазовых природных ресурсов в саудовских недрах с 1,3 до 2,5 трлн долларов.

Наиболее крупные запасы – золота, меди и цинка. Все нефтяные запасы оцениваются в 20 трлн долларов, т. е. ненефтяные запасы существенно уступают нефти, но могут рассматриваться как дополнительный и крупный сектор.

Ключевую роль в отрасли играет государственная компания «Маадеи». Она разрабатывает широкий спектр природных ресурсов. Значимые показатели достигнуты в производстве фосфатов, которое обеспечивает около 1% ВВП КСА (происходит расширение инвестирования, чтобы добавить еще 0,5 процентного пункта), а в экспорте Саудовская Аравия вышла на 6-е место в мире.

В контексте программы «Видение-2030» государство не только содействует деятельности госкомпании, но и создает условия для иностранных инвесторов с целью увеличения добычи. Создано Министерство промышленности и минеральных ресурсов, введена более быстрая процедура выдачи лицензий, снижена стоимость лицензий, отменены пошлины на импорт оборудования, субсидируются зарплаты.

Военно-промышленный комплекс. Саудовская Аравия входит в пятерку мировых лидеров по военным расходам, на них направляется 20% бюджета (данные за 2022 г.). При этом подавляющая доля вооружений закупается за рубежом. В программе «Видение-2030» поставлена задача увеличить долю внутреннего производства в закупаемых вооружениях с 2% в 2016 г. до 50% в 2030 г. Имеются предварительные успехи. В 2017 г. в качестве дочерней компании в структуре ГИФ создана компания «Саудовские военные отрасли», ставшая государственным холдингом в сфере ВПК и постепенно вбирающая в свою структуру различные компании. Создаются совместные предприятия и подписываются соглашения о сотрудничестве с ведущими западными компаниями. В результате к 2022 г. доля локализации достигла 14%[1]. В 2023 г. в стране действовали 260 частных компаний, занимающихся военными разработками, по сравнению с 5 в 2019 г.

Производство электромобилей. В машиностроительной отрасли саудовские власти нацелились также на производство электромобилей. Осуществляется взаимодействие[2] с крупными мировыми производителями (БМВ, Хёндай, Хёндай Кефико, Люсид) как по размещению их производства в Саудовской Аравии, так и созданию совместных предприятий. Целевое значение, запланированное саудитами, – производство 500 тыс. электромобилей в год к 2030 г. Этот показатель вряд ли будет достигнут, так как равен годовому объему продаж автомобилей в настоящее время. На пути развития отрасли имеются такие барьеры, как отсутствие в

[1] URL: https://euro-sd.com/2024/02/articles/36323/saudi-defence-industry-capabilities-and-partnerships/ (дата обращения: 02.11.2024).

[2] URL: https://www.agbi.com/manufacturing/2024/02/saudi-arabia-shows-off-local-arms-industry-gains/ (дата обращения: 10.11.2024).

стране производственной базы, технологий в сфере автомобилестроения, поздний выход на рынок, относительно небольшая емкость рынка, климатические условия (жара, отсутствие воды). Однако в небольших количествах электромобили в Саудовской Аравии уже начали производиться и саудовскими, и иностранными компаниями.

Возобновляемая энергетика. Причина заинтересованности в секторе заключается в том, что зависимость от нефти содержит в себе риски в связи с мировым энергопереходом. Кроме того, в КСА бизнесом и населением минеральное топливо используется неэкономно, что сокращает объемы сырья, поставляемого на экспорт, – расширение альтернативной энергетики позволит высвободить дополнительные объемы нефти и газа. Принята Национальная программа возобновляемой энергии.

До 2020 г. альтернативная энергетика практически отсутствовала (мощности альтернативной энергетики составляли 0,22 ГВт в 2013 г. и 0,109 ГВт в 2020 г.). За 2020–2023 гг. введены мощности в 2,8 ГВт (из них 0,3 ГВт – ветряная энергетика, 2,5 ГВт – солнечная). По состоянию на середину 2024 г. в стадии строительства/подготовки к строительству находились объекты мощностью 11 ГВт и в стадии планирования – объекты мощностью 16,7 ГВт[1]. Саудовская Аравия повысила цель по мощностям солнечной энергетики к 2030 г. с 58,7 ГВт до 100–130 ГВт.[2]

Важную роль в развитии альтернативной энергетики играет компания ACWA (44% акций принадлежат ГИФ). Изначально она была небольшой семейной компанией, созданной в 2005 г. для бизнеса в сфере опреснения воды. В настоящее время компанией построены или близки к завершению проекты в сфере традиционной и альтернативной энергетики мощностью 24 ГВт, еще 54 ГВт находятся в стадии строительства и подготовки к строительству, 40% этих проектов – за рубежом. На примере компании могут быть продемонстрированы дополнительные возможности, которые дает присутствие саудовского государства для экономического роста: долг ACWA составляет 7 млрд долларов, что в семь раз превышает годовую прибыль до выплаты налогов. При этом доступ к льготному финансированию от ГИФ, во-первых, обеспечивает стабильность и позволяет проводить агрессивную политику роста, во-вторых, приводит к низким ценам для саудовских потребителей.

Диверсификация за счет развития сферы услуг

В условиях наличия объективных ограничений для развития промышленности сфера услуг имеет значительно больше возможностей, тем более что географическое соседство и схожесть ряда условий с Дубаем

[1] URL: https://www.eia.gov/international/analysis/country/sau (дата обращения: 25.11.2024).

[2] URL: https://solarquarter.com/2024/09/13/saudi-arabia-shifts-1-trillion-investment-focus-clean-energy-and-diversification-over-oil-says-report/ (дата обращения: 25.11.2024).

позволяют использовать его пример. Уже в 2014 г. на сферу услуг приходилось 48% ВВП Королевства. В рамках программы «Видение-2030» запланировано развитие туризма, транспорта (включая авиаперевозки, метро, инфраструктуру, логистику), недвижимости, индустрии развлечений и спорта, финансовых услуг, цифровой инфраструктуры, здравоохранения. Преимуществами Саудовской Аравии являются доступ к инвестициям и расположение в стране двух главных святынь ислама в Мекке и Медине. Важнейшее значение сферы услуг для КСА заключается в том, что она создает рабочие места.

Туризм. В программе «Видение-2030» были установлены целевые показатели по количеству туристов: во-первых, по религиозному туризму – увеличение количества паломников с 8 млн в 2016 г. до 30 млн в 2030 г., во-вторых, туризму в целом – увеличение числа посещений (человеко-ночей) до 100 млн в 2030 г. (вторая цель достигнута в 2023 г. во многом за счет внутреннего туризма). Кроме того, была поставлена цель увеличить долю туризма в ВВП до 10% в 2030 г. Традиционно КСА для хаджа (паломничество в Рамадан) посещают 2–3 млн человек в год и для умры (паломничество в течение года) – 13,5 млн человек.

Саудовская Аравия предпринимает усилия для развития туризма. Значительно упрощен режим въезда в страну вплоть до возможности получения электронных виз. Строятся гостиницы – по состоянию на 2024 г. в стране было 149 тыс. гостиничных номеров, ожидается строительство и ввод 320 тыс. за 2024–2030 гг.[1]

В 2023 г. туристы потратили в КСА 250 млрд риалов (67 млрд долларов), что составило 4% ВВП[2]. По ряду данных туризм уже обеспечивает 1 млн рабочих мест (с учетом мигрантов)[3].

При этом в развитии туризма Саудовская Аравия находится в начале пути. Из 100 млн человеко-ночей в год только 27 млн пришлось на иностранцев. По такому показателю, как количество туристов (человек, а не человеко-ночей), посетивших страну, только 2,5 млн человек прибыло с туристскими, а не религиозными или деловыми целями[4], тогда как в развитии туризма основной акцент делается именно на эту категорию. Пребывание туристов в КСА связано с высокими расходами, и большинство строящихся отелей находятся в люксовом, а не среднеценовом сегменте.

---

[1] URL: https://skift.com/2024/05/01/saudi-arabias-vision-2030-is-too-expensive-for-tourists-and-everyone-knows-it/ (дата обращения: 30.11.2024).

[2] URL: https://www.halaltimes.com/how-saudi-arabias-vision-2030-and-legal-reforms-are-transforming-tourism/ (дата обращения: 30.11.2024).

[3] URL: https://www.entrepreneur.com/en-ae/growth-strategies/opening-up-to-the-world-saudi-arabias-tourism-goals/434447 (дата обращения: 30.11.2024).

[4] URL: https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/03/14/saudi-arabias-investment-fund-has-been-set-an-impossible-task (дата обращения: 30.11.2024).

Индустрия развлечений и спорта. На привлечение туристов направлено проведение в Саудовской Аравии большого количества спортивных и других мероприятий. В 2027 г. в стране пройдет чемпионат Азии по футболу, в 2029 г. – Азиатские зимние игры, в 2030 г. – выставка Экспо, в 2034 г. – чемпионат мира по футболу. Регулярно проводятся этап «Формулы-1» и бои на звание чемпиона мира по боксу, ралли Дакар – Париж, турниры по теннису, гольфу и др.

Созданы Туристский совет и Генеральное агентство развлечений; последнее в 2019 г. запустило программу «Саудовские сезоны», в рамках которой проводятся туристские и культурные события в каждом из 13 эмиратов (провинций) страны. С 2018 г. в стране разрешено открытие кинотеатров, что вносит вклад в рост внутренних расходов на развлечения. Акцентированно развиваются музеи.

Недвижимость. На привлечение туристов, развитие страны как хаба для авиаперевозок и торговли, создание сферы развлечений направлено развитие имиджевых проектов в области недвижимости. Происходит как строительство новых современных зданий, так и задействование древностей в целях туризма.

Наиболее известным является создание футуристического города Неом, в который предполагалось вложить 500 млрд долларов. Однако в 2024 г. саудовские власти приняли решение о более прагматичном использовании данных средств с целью создания инфраструктуры к предстоящим крупным спортивным мероприятиям. Другие проекты – Проект «Красное море» (создание искусственных островов, которые должны привлекать 1 млн туристов в год), Мукаб (небоскреб кубической формы со сторонами 400 м, в том числе в высоту, который строится как опорная точка для нового пригорода Эр-Рияда), Эд-Дирийя (инвестиции в 50 млрд долларов в город, из которого берет начало династия Саудов), Киддийя (район с индустрией спорта и развлечений, комплексом жилых зданий в пригороде Эр-Рияда), Асир (инвестиции в 13 млрд долларов[1] на развитие туризма в регионе с большим количеством древних достопримечательностей на границе с Йеменом), Аль-Ула (инвестиции в 20 млрд долларов в древний город в провинции Мекка с частью сооружений в скалах).

Транспорт. В 2021 г. была объявлена Национальная транспортная и логистическая стратегия. В 2023 г. в ее рамках была основана вторая государственная авиакомпания «Рияд Эйр». Планируется, что компания будет обеспечивать вклад в ненефтяной ВВП в размере 20 млрд долларов, обеспечит напрямую и косвенно (в том числе в туризме) 200 тыс. рабочих мест и к 2030 г. будет совершать перелеты по 100 направлениям. Помимо пассажирских, государство планирует развивать сектор коммерческих

[1] URL: https://www.arabnews.com/node/1937166/saudi-arabia (дата обращения: 15.11.2024).

авиаперевозок с заявленным планируемым объемом в 4,5 млн т. В сфере железнодорожного транспорта в 2024 г. открылось метро в Эр-Рияде (второе в стране после Мекки), его протяженность составляет 176 км; потребовалось 22,5 млрд долларов инвестиций. В планы стран ССАГПЗ входит строительство железнодорожной линии по побережью Персидского залива от Кувейта до Омана через территории Саудовской Аравии и ОАЭ с ответвлениями на Бахрейн и Катар.

Заключение

В 2015–2016 гг. в условиях периода низких цен на нефть Саудовская Аравия приступила к масштабным реформам, затронувшим не только экономику, но и общественную жизнь. Реформы направлены на создание рабочих мест, сокращение рисков монотоварной зависимости от нефти, диверсификацию экономики. Направлениями реализации экономической реформы являются бюджетная, социальная, инвестиционная, отраслевая сферы.

В налогово-бюджетной политике власти осуществили кардинальные корректировки, сделав налоги крупной составной частью доходов бюджета (около 30%). В расходной части крупнейшими статьями расходов являются социальные и военные.

Важно, что при росте цен на нефть в 2017 г. власти не отошли от курса реформ, а продолжили следовать долгосрочной стратегии диверсификации. В условиях, когда возможности расходования бюджета «заняты» из-за социальных обязательств, важную роль в инвестировании играют другие государственные структуры, прежде всего холдинговый Государственный инвестиционный фонд, активы которого к 2030 г. планируется довести до 2 трлн долларов.

Поскольку прошло еще недостаточно много времени, а целевые показатели установлены к 2030 г., оценивать результативность реформ в Саудовской Аравии рано. Кроме того, в условиях эксплуатации крупнейших запасов нефти и сохранения важной роли нефтяной отрасли в экономике мгновенного изменения соотношения отраслей произойти не может. Рост ВВП в среднем за годы реформ, в 2016–2023 гг., составлял 1,85% в год (темпы роста населения за тот же период равны 1,23% в год). Тем не менее статистика демонстрирует некоторые промежуточные результаты. Так, за 2014–2023 гг. доля добывающей промышленности в ВВП снизилась с 39,5 до 33%, а доля обрабатывающей промышленности возросла с 11 до 15% ВВП. Масштабность и комплексность реализуемых проектов демонстрируют твердое намерение саудовских властей по реализации курса на диверсификацию нефтяной экономики.

Список литературы

1. Арабский Восток: пространство возможностей и тупики периферийности : коллективная монография / отв. ред. А. О. Филоник. –М. : ИВ РАН, 2023.

2. *Бирюков Е. С.* Роль и место государственных компаний в экономике монархий Аравийского полуострова // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2016. – № 1. – С. 34–41.

3. *Бирюков Е. С.* Роль финансов стран – членов ССАГПЗ в мировой экономике // Вестник университета. – 2013. – № 2. – С. 189–195.

4. *Бирюков Е. С.* Объем и направления зарубежных инвестиций стран ССАГПЗ // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 9-4 (86). – С. 1115–1121.

5. *Бирюков Е.С., Бирюкова О. В.* Особые экономические зоны стран ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 11 (712). – С. 28–33.

6. *Васильев А. М.* История Саудовской Аравии (1745–1973 гг.). – М. : Наука, 1982.

7. *Гукасян Г. Л.* Стратегии экономического развития стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Восточная аналитика. – 2017. – Вып. 4. – С. 25–30.

8. *Гукасян Г. Л.* Экономическая трансформация в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива : проблемы и перспективы. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2017.

9. *Русакович В. И.* Экономическое развитие и диверсификация в странах Персидского залива: современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25. – № 3. – С. 393–404.

10. *Филоник А. О., Вавилов А. И.* Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии. – М. : Асти-Издат, 2004.

11. *Филоник А. О.* Саудовская Аравия: реформы и власть // Ближний Восток и современность : сботрник статей. – М. : ИБВ, 2007. – Вып. 32.

12. *Шкваря Л. В.* Иностранный капитал в странах Персидского залива // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 2. – С. 39–46.

13. *Шкваря Л. В.* Страны Западной Азии в процессах международной трудовой миграции: особенности XXI века // Международная торговля и торговая политика. – 2023. – № 4 (36). – Т. 9. – С. 5–19.

14. *Шкваря Л. В.* Страны Персидского залива: современные тенденции экономического развития. – Ялта, 2021.

15. *Яковлев А. И.* Саудовская Аравия: пути эволюции. – М. : Институт востоковедения, 1999.

16. *Яковлев А. И.* Восхождение Саудовской Аравии. Королевство Саудовская Аравия в мировой и региональной политике в XX веке. – М. : ИВ РАН, 2024.

17. *Abir M.* Saudi Arabia in the Oil Era. – Boulder : Westview Press, 1988.

18. *Hertog S.* The End of the Old Social Contract in the Gulf-and what Could Replace It. – London : School of Economics and Political Science, 2023.

19. *Lacey R.* The Kingdom: History of Saudi Arabia to 1979. – New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1981.

20. *Lacey R.* Inside the Kingdom, History of Saudi Arabia from 1979 to date. – New York, 2009.

21. *Looney R.* Saudi Arabia's Growth Potential. – Lexington : Lexington Books, 1982.

22. Saudi Arabia : Selected Issues. – Washington : IMF, 2015. – July 14.

23. Saudi Arabia 2017 Budget: Breather from Fiscal Austerity, but Moderate Support to GDP Growth. Economic Research; ADCB. Abu Dhabi, 2017.

24. Saudi Arabia Budget Report 2024. Ar-Riyadh: KPMG, 2023.

25. Statistical Review of World Energy 2024. Energy Institute, 2024.

26. *Young A.* Saudi Arabia: The Making of a Financial Giant. – New York : New York University Press, 1983.

References

1. Arabskiy Vostok: prostranstvo vozmozhnostey i tupiki periferiynosti [The Arab East: space for Opportunities and Dead Ends of the Peripherality]: kollektivnaya monografiya / edited by A. O. Filonik. Moscow, IV RAN, 2023. (In Russ.)

2. Biryukov E. S. Rol i mesto gosudarstvennykh kompaniy v ekonomike monarkhiy Araviyskogo poluostrova [The Role and Place of State-Owned Enterprises in the Economy of the Monarchies of the Arabian Peninsula]. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom* [Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex], 2016, No. 1, pp. 34–41. (In Russ.)

3. Biryukov E. S. Rol finansov stran – chlenov SSAGPZ v mirovoy ekonomike [The Role of Finance of the GCC Member States in the Global Economy]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 2013, No. 2, pp. 189–195. (In Russ.)

4. Biryukov E. S. Obem i napravleniya zarubezhnykh investitsiy stran SSAGPZ [The Volume and Directions of Foreign Investments of the GCC Countries]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2017, No. 9-4 (86), pp. 1115–1121. (In Russ.)

5. Biryukov E.S., Biryukova O. V. Osobye ekonomicheskie zony stran SSAGPZ [Special Economic Zones of the GCC Countries]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2016, No. 11 (712), pp. 28–33. (In Russ.)

6. Vasilev A. M. Istoriya Saudovskoy Aravii (1745–1973 gg.) [The History of Saudi Arabia (1745–1973)]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.)

7. Gukasyan G. L. Strategii ekonomicheskogo razvitiya stran Soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva [Strategies of Economic Development of the Gulf Cooperation Council]. *Vostochnaya analitika* [Oriental Analytics], 2017, Issue 4, pp. 25–30. (In Russ.)

8. Gukasyan G. L. Ekonomicheskaya transformatsiya v stranakh Soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva: problemy i perspektivy [Economic Transformation in the Countries of the Gulf Cooperation Council: Problems and Prospects]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2017. (In Russ.)

9. Rusakovich V. I. Ekonomicheskoe razvitie i diversifikatsiya v stranakh Persidskogo zaliva: sovremennye tendentsii [Economic Development and Diversification in the Persian Gulf Countries: Modern Trends]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika*. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics], 2017, Vol. 25, No. 3, pp. 393–404. (In Russ.)

10. Filonik A. O., Vavilov A. I. Saudovskaya Araviya: poiski vnutrenney garmonii [Saudi Arabia: the Search for Inner Harmony]. Moscow, Asti-Izdat, 2004. (In Russ.)

11. Filonik A. O. Saudovskaya Araviya: reformy i vlast [Saudi Arabia: Reforms and Power]. *Blizhniy Vostok i sovremennost, sbotrnik statey* [Middle East and Modernity, Collection of Articles]. Moscow, IBV, 2007, Issue 32. (In Russ.)

12. Shkvarya L. V. Inostrannyy kapital v stranakh Persidskogo zaliva [Foreign Capital in the Persian Gulf Countries]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2011, No. 2, pp. 39–46. (In Russ.)

13. Shkvarya L. V. Strany Zapadnoy Azii v protsessakh mezhdunarodnoy trudovoy migratsii: osobennosti XXI veka [The Countries of Western Asia in the Processes of International Labor Migration: Features of the XXI Century]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2023, No. 4 (36), Vol. 9, pp. 5–19. (In Russ.)

14. Shkvarya L. V. Strany Persidskogo zaliva: sovremennye tendentsii ekonomicheskogo razvitiya [Persian Gulf Countries: Modern Trends in Economic Development]. Yalta, 2021. (In Russ.)

15. Yakovlev A. I. Saudovskaya Araviya: puti evolyutsii [Saudi Arabia: Ways of Evolution]. Moscow, Institut vostokovedeniya, 1999. (In Russ.)

16. Yakovlev A. I. Voskhozhdenie Saudovskoy Aravii. Korolevstvo Saudovskaya Araviya v mirovoy i regionalnoy politike v XX veke. [The Ascent of Saudi Arabia. The Kingdom of Saudi Arabia in World and Regional Politics in the Twentieth Century]. Moscow, IV RAN, 2024. (In Russ.)

17. Abir M. Saudi Arabia in the Oil Era. Boulder, Westview Press, 1988.

18. Hertog S. The End of the Old Social Contract in the Gulf-and what Could Replace It. London, School of Economics and Political Science, 2023.

19. Lacey R. The Kingdom: History of Saudi Arabia to 1979. New York, Harcourt Brace Jovanovich, 1981.

20. Lacey R. Inside the Kingdom, History of Saudi Arabia from 1979 to date. New York, 2009.

21. Looney R. Saudi Arabia's Growth Potential. Lexington, Lexington Books, 1982.

22. Saudi Arabia: Selected Issues. Washington, IMF, 2015, July 14.

23. Saudi Arabia 2017 Budget: Breather from Fiscal Austerity, but Moderate Support to GDP growth. Economic Research; ADCB. Abu Dhabi, 2017.

24. Saudi Arabia Budget Report 2024. Ar-Riyadh: KPMG, 2023.

25. Statistical Review of World Energy 2024. Energy Institute, 2024.

26. Young A. Saudi Arabia: The Making of a Financial Giant. New York, New York University Press, 1983.

Сведения об авторе

Евгений Сергеевич Бирюков
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Института народно-хозяйственного
прогнозирования РАН;
доцент НИТУ МИСИС.
Адрес: Институт народно-хозяйственного
прогнозирования РАН, 117418, Москва,
Нахимовский проспект, д. 47;
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский технологический
университет «МИСИС», 119049, Москва,
Ленинский проспектткт, д. 4, стр. 1.
E-mail: biryukov-esr@mail.ru
ORCID 0009-0006-7565-2160

Information about the author

Evgeny S. Biryukov
PhD, Senior Research Fellow of the Institute
for Economic Forecasting of the Russian
Academy of Sciences;
Associate Professor of MISIS.
Address: Institute for Economic Forecasting
of the Russian Academy of Sciences,
47 Nakhimovsky Avenue, Moscow,
117418, Russian Federation;
National University of Science
and Technology MISIS, 4,
building 1 Leninsky Avenue, Moscow,
Russian Federation.
E-mail: biryukov-esr@mail.ru
ORCID 0009-0006-7565-2160

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-134-145

ЕАЭС: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. Г. Тарасов
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

В условиях роста глобальных рисков и вызовов, все более негативно влияющих на страны и динамику их социально-экономического развития, актуализируется необходимость исследования процессов региональной экономической интеграции, в частности, в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Интеграционные процессы содействуют стабилизации социально-экономических процессов, решению важных (в том числе экологических) проблем, стимулированию взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества стран, укреплению безопасности, а также распространению уникальных знаний и современных технологий. Основной формой экономического сотрудничества между государствами ЕАЭС остается международная (внутрирегиональная) торговля. Исторически Евразийский экономический союз был создан для совместного ведения такой политики государств, которая способствовала бы их экономическому развитию. В процессе усиления интеграции страны ЕАЭС постепенно расширяют сферы своего сотрудничества с целью плавного перехода к более развитым формам интеграционного объединения. С момента создания в 2015 г. в рамках ЕАЭС успешно применяются меры, направленные на выявление и устранение факторов, препятствующих развитию интеграционных процессов. При помощи создаваемых стратегий развития блока наднациональные органы стремятся минимизировать воздействие внутренних и внешних факторов на рост экономик стран – участниц Союза. Однако в процессе взаимной торговли под влиянием преимущественно внешних факторов сохраняются проблемы, требующие решения для обеспечения роста эффективности интеграции и противостояния внешним угрозам. Цель исследования – анализ торгово-экономического сотрудничества стран ЕАЭС с точки зрения выявления и классификации основных препятствий для его дальнейшего развития. Объектом исследования выступает торгово-экономическое сотрудничество стран ЕАЭС. Автор приходит к выводу, что диверсификация национальной экономики, особенно промышленности, может содействовать смягчению имеющихся противоречий.
Ключевые слова: экономическая интеграция, внутрирегиональная торговля, деглобализация, внешние угрозы, проблемы торговли.

THE EAEU: ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF MUTUAL TRADE IN THE CONTEXT OF DEGLOBALIZATION

Anatoly G. Tarasov
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg Russia

In the context of growing global risks and challenges that increasingly negatively affect countries and the dynamics of their socio-economic development, the need to study the

processes of regional economic integration, in particular, within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU), is becoming urgent. Integration processes contribute to the stabilization of socio-economic processes, solving important (including environmental) problems, stimulating mutual trade and investment cooperation between countries, strengthening security, as well as the dissemination of unique knowledge and modern technologies. International (intraregional) trade remains the main form of economic cooperation between the EAEU states. Historically, the Eurasian Economic Union was created. for the purpose of conducting a joint policy of states in the field of economic development. Also, in the process of strengthening integration, the EAEU countries are gradually expanding the scope of their cooperation in order to smoothly transition to more developed forms of integration association. Since its establishment in 2015, a large number of measures have been developed and successfully implemented within the framework of the EAEU aimed at identifying and gradually eliminating factors hindering the development of integration processes. With the help of the block's development strategies, supranational bodies strive to minimize the impact of internal and external factors on the growth of the economies of the member states of the union. However, in the process of mutual trade and under the influence of mainly external factors, problems remain that need to be solved in order to ensure an increase in the effectiveness of integration and countering external threats. The purpose of the study is to analyze trade and economic cooperation between the EAEU countries in terms of identifying and classifying the main obstacles to its further development. The object of the study is the trade and economic cooperation of the EAEU countries. The author concludes that the diversification of the national economy, especially industry, can help mitigate the existing contradictions.
Keywords: economic integration, intraregional trade, deglobalization, external threats, trade problems.

Введение

ЕАЭС сегодня переживает период турбулентности при сохранении и даже увеличении значимости интеграционного объединения не только для стран-участниц, но и для третьих стран. Это объясняется прежде всего экономическим потенциалом ЕАЭС и отдельных стран [4; 12], который оценивается как значительный с учетом наличия стратегических запасов сырья, стремления стран развивать инновационные направления на национальном уровне и в рамках объединения в целом [15]. Страны ЕАЭС активизируют свое взаимодействие в транспортной, экологической и других сферах [14], развивают энергетические технологии [3]. В этой связи рядом стран предпринимаются попытки включиться в партнерские отношения с ЕАЭС [13].

При этом состояние и уровень взаимной торговли экспертами оценивается сегодня в целом как невысокий, и в ЕАЭС сохраняется значительное количество проблем [2]. Часть проблем – результат недостаточно эффективной внутренней политики соответствующих государств [10], сохранение бедности [7], низкий уровень инновационной составляющей на фоне сырьевой и недиверсифицированной экономики, структура которой во многом сохраняется как советское наследие, а зачастую сталкивается с деградацией [5; 16].

Некоторый рост напряженности рассматривается исследователями как результат воздействия внешних факторов, таких как нарастание ин-

тенсивности и охвата (географического, отраслевого и др.) общемировой несбалансированности [8]. В силу этого ЕАЭС испытывает усиливающееся внешнее давление, что в определенной мере деструктивно влияет на страны объединения, особенно малые, что вынуждает их прилагать все больше усилий для обеспечения защиты национальных интересов [9].

В ответ на отмеченные выше вызовы глобализации странам ЕАЭС на национальном и региональном уровне необходимо изучить возможности дальнейшего развития объединения в условиях усиливающейся деглобализации [1; 11] и фрагментации мирового хозяйства. Эти возможности, по сути, уже формируются [6]. В статье обосновывается точка зрения, что эти и другие современные тенденции (например, цифровизация) смогут обеспечить ЕАЭС более эффективное взаимодействие и обнадеживающие перспективы.

Результаты исследования

За 10 лет существования ЕАЭС продемонстрировал постепенный рост показателей торгово-экономического сотрудничества. В рамках блока была проделана большая работа, целью которой является переход к следующему этапу развития интеграции. Однако у ЕАЭС сохраняется целый ряд факторов, препятствующих достижению данной цели. Рассмотрим ключевые проблемы, влияющие на развитие интеграции.

Первой проблемой остается разница в уровнях экономического развития стран (таблица).

Объем номинального ВВП в странах ЕАЭС за 2018–2022 гг.* (в млрд долл.)

Страна	2018	2019	2020	2021	2022
Киргизия	8,27	8,87	7,78	8,74	10,93
Россия	1 660,72	1 693,32	1 496,50	1 837	2 274,46
ЕАЭС	1 920,74	1 961,98	1 748,85	2 126,35	2 598,41

* *Составлено по*: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. – М., 2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2023.pdf

Данная ситуация обусловливается множеством факторов, но главными среди них эксперты называют [10]:

– неравномерный доступ к природным ресурсам;
– дифференциацию структуры экономик стран ЕАЭС;
– разный уровень жизни населения.

Очевидно, что все это обеспечивает государствам с большими экономиками лидирующие позиции в ЕАЭС. Так, самой влиятельной страной остается Российская Федерация. Именно со стороны Российской Федерации выдвигается больше всего инициатив по развитию Союза, рассматриваемых на Высшем Евразийском экономическом совете (ВЕЭС). От

лица России исходит наибольшее число изменений в сфере таможенно-тарифного и нетарифного регулирования торговли ЕАЭС с третьими странами, что свидетельствует о высоком уровне развития предпринимательской деятельности в сфере международной торговли и подтверждает важность России для Союза. Вместе с тем необходимо отметить, что ЕАЭС важен для Российской Федерации в той же мере, как Российская Федерация важна для него. Это подтверждает анализ доли каждой страны во взаимной торговле (рис. 1).

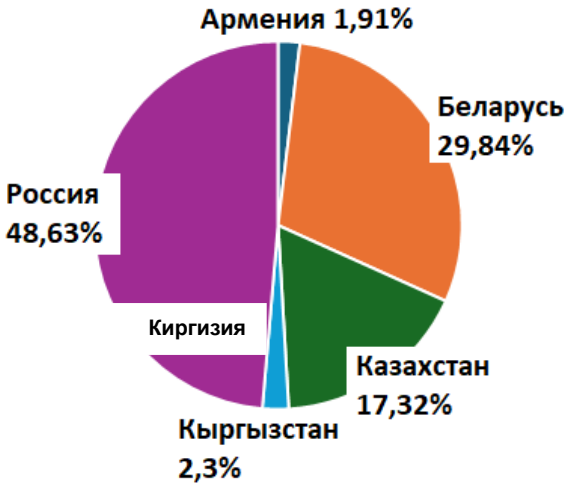

Рис. 1. Средняя доля стран во взаимном товарообороте в 2016–2023 гг. (в %)[1]

Второй проблемой ЕАЭС является зависимость от экспорта сырьевых товаров. Экспорт товаров, входящих в данную категорию, занимает более 50% от всего экспорта ЕАЭС. Следовательно, можно предположить, что Союз остро реагирует на изменение цен на сырьевые товары, которое зачастую является последствием мировых кризисов. Такая структура внешней торговли обусловлена тем, что ведущими отраслями в крупнейших экономиках Союза – Российской Федерации и Республики Казахстан – являются добывающая и обрабатывающая промышленность. Рассматривая рейтинг стран по добыче нефти можно заметить, что Россия занимает 3-е место, а Казахстан – 13-е, что свидетельствует о том, что именно экспорт сырьевых товаров остается драйвером их экономического развития, а следуя из первой проблемы – и развития Союза в целом.

Из первой и второй проблем следует третья – страны ЕАЭС остаются зависимыми от Российской Федерации в экономическом, торговом, инновационном, транспортном, рыночном, инвестиционном и других аспектах. Это приводит к тому, что любые ограничения, вводимые про-

[1] URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/

тив России, отражаются на остальных странах Союза. Необходимо отметить, что санкции в отношении Российской Федерации применялись и в начале создания ЕАЭС. Большое число ограничений было введено со стороны важных торговых партнеров, таких как США, Япония, Великобритания и стран ЕС (рис. 2). Причем значительная их часть направлена на энергетическую, финансовую, транспортную и торговую отрасли. Очевидно, что данные отрасли являются чувствительными для Российской Федерации, а значит и для всего Союза.

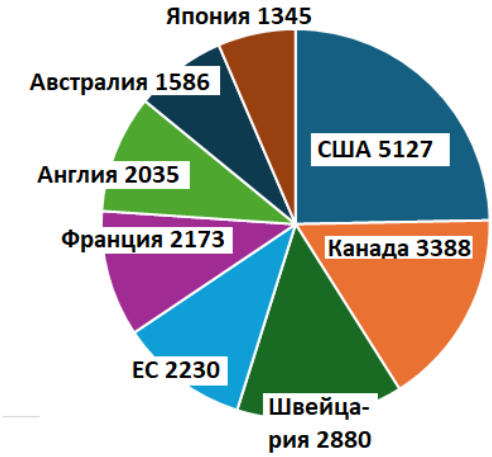

Рис. 2. Основные страны-санкционеры и количество санкций против Российской Федерации, май 2024 г.[1]

Вместе с тем введение ограничений полностью не лишило Россию и Беларусь запрещенных к ввозу товаров, поскольку в рамках разработанной антикризисной политики осуществляется параллельный импорт, т. е. ввоз товаров, попавших под санкции, через территорию стран-посредников, таких как Турция, Казахстан, Китай, ОАЭ и Армения без ведома страны-экспортера. Однако наблюдавшийся во время организации поставок из третьих стран недостаток сырья и комплектующих сказался на национальных производителях, увеличив их уровень издержек.

Безусловно, рост рыночной стоимости товаров в результате функционирования параллельного импорта влияет на экономику России и Беларуси. Такой процесс обусловлен увеличением затрат на логистику, что в свою очередь оказывает влияние на темпы роста инфляции. Таким образом, в рамках Союза действие введенных санкций несколько компенсировано за счет Республики Казахстан, получающей долю от поставки товаров, ограниченных для ввоза. Однако в результате Казахстан сталкивается с негативными последствиями санкций. Подобная политика стра-

[1] URL: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard

ны ухудшает ее деловой имидж и снижает вероятность привлечения инвестиций от стран вне Союза и международных организаций. В связи с этим с 1 апреля 2023 г. в республике была введена система онлайн-отслеживания товаров, поставляемых в страну для последующего реэкспорта. Цель Казахстана – избежать введения против государства санкций со стороны США и стран ЕС. Однако такая политика в свою очередь ухудшает отношения с Россией.

Таким образом, можно обозначить четвертую проблему – разногласия между странами ЕАЭС. Данная проблема связана с тем, что все страны в Союзе наделены равными правами и обязанностями, вследствие чего многие решения принимаются на основе консенсуса. Таким образом, нивелируется вес конкретного государства с точки зрения его вклада в экономику Союза. При этом возникают ситуации, когда прийти к единому решению весьма непросто, поскольку некоторые из предлагаемых изменений выгодны для одних стран, но не выгодны для других. В таких случаях спорные вопросы требуют доработки, возможно, неоднократной. Следует отметить, что не всегда существует прямая зависимость между временем обсуждения вопроса и скоростью его принятия, что может привести к появлению напряженности в торгово-экономических отношениях.

Разногласия между странами Союза также могут возникать из-за внешних причин, таких как санкции, различия в менталитете или разные цели и позиционирование на международной арене. Ярким примером служит не только ситуация с отменой параллельного импорта из Республики Казахстан, но и заявления парламентариев Республики Армении о возможном выходе из Союза, причиной которых является желание руководства страны сменить вектор своей международной политики. Геополитическая напряженность между Арменией и Азербайджаном также является фактором, дестабилизирующим экономическую ситуацию страны. В результате Республика Армения желает расширить торгово-экономическое сотрудничество со странами Европы и США и вступить в ЕС. Необходимо отметить, что в рамках ЕАЭС страны стремятся сохранить всех участников группировки, рассматривая всевозможные альтернативные варианты.

Пятой проблемой являются внутренние препятствия, вводимые странами – членами Союза и регулирующие взаимную торговлю. С момента создания ЕАЭС одной из целей его развития было максимальное сокращение имеющихся барьеров и ограничений. В целом с 2014 г. количество препятствий фактически сократилось, однако о полной их ликвидации говорить еще рано. Только за период с 2022 по 2024 г. было устранено 26 барьеров и ограничений и ведется работа по устранению еще 21. Рассмотрим актуальную структуру препятствий (рис. 3).

Несмотря на то что намеченная в стратегии развития ЕАЭС работа по устранению ограничений во взаимной торговле планомерно осуществляется, до сих пор существует 65 препятствий.

Единственным барьером являются введенные Республикой Беларусь ограничения по выдаче ветеринарных разрешений и переоформлению ветеринарных сертификатов для ввоза на территорию страны животноводческой продукции из Российской Федерации. Необходимо отметить, что данная мера носит технический характер и относится к сфере санитарного контроля. Подобные меры могут приниматься во всех странах, однако зачастую носят ограниченный характер действия.

Рис. 3. Структура препятствий во взаимной торговле по состоянию на май 2024 г. (в шт.)[1]

В свою очередь 35 ограничений показывают несовершенство интеграции с точки зрения сфер, в которых еще не разработана единая политика принятия решений. Наибольшее их число (11 шт.) содержится в энергетической отрасли, например, отсутствие общего электроэнергетического рынка, рынка газа Союза и т. д. Большинство данных ограничений были сформулированы в Белой книге ЕАЭС – докладе ЕЭК об имеющихся барьерах, изъятиях и ограничениях. Еще 29 ограничений попадают под пункт 1 статьи 29 договора о ЕАЭС, в котором указано, что го-сударства-члены вправе применять ограничения во взаимной торговле, если они необходимы для охраны животных и растений, жизни и здоровья человека, окружающей среды, с целью обеспечения защиты интересов страны, общественной морали и правопорядка, а также необходимы для выполнения международных обязательств. Данные ограничения, как и барьеры, чаще всего носят краткосрочный характер действия (1–3 года) и могут приме-

[1] URL: https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/info-resources.aspx

няться в рамках антикризисной политики. Лидером по количеству подобных ограничений является Республика Казахстан – 21 ограничение.

Еще одной проблемой развития интеграции является влияние внешних факторов. В реалиях существующей геополитической напряженности часть конкурентных преимуществ Союза нивелируется не только из-за принятого в отношении Республики Беларусь и Российской Федерации пакета санкций, но и введения дополнительных ограничений со стороны третьих стран, выраженных в форме роста ставок ввозных таможенных пошлин и завышенной стоимости грузоперевозок. Также сыграл свою роль уход крупных ТНК, поскольку ограниченный импорт в разы усложнил процесс переориентации производства. Более того, к внешним факторам, влияющим на развитие интеграции, можно отнести различные непредвиденные обстоятельства, в том числе пандемию COVID-19 и все чаще возникающие аномальные погодные условия.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что развитию интеграции препятствуют как внешние, так и внутренние факторы. Ключевой проблемой, влияющей на торгово-экономическое сотрудничество, можно считать отсутствие диверсификации производства, поскольку главными в рамках Союза являются добывающая и обрабатывающая отрасли промышленности. Наиболее чувствительной к изменению цен на сырьевые товары остается Российская Федерация, а учитывая, что именно Россия стала главным драйвером развития ЕАЭС, все факторы, тормозящие рост ее экономики, отражаются и на остальных странах Союза, например, в виде сокращения производства, которое обрело статус убыточного ввиду ограничения его экспортного потенциала.

Большое влияние оказывают внутренние препятствия взаимной торговли, постепенное устранение которых является одной из основных целей Союза. Однако полностью устранить их не получится в связи с тем, что некоторые попадают под действие пункта 1 статьи 29 договора о ЕАЭС и имеют скорее защитный, чем ограничительный характер воздействия. Более того, развитию интеграционных процессов в Союзе препятствует разрыв в уровнях экономического развития стран-членов. Важно сказать, что это послужило одной из причин вступления в ЕАЭС Республики Армения и Киргизии, поскольку в рамках Союза данная проблема минимизируется в том числе за счет притока прямых иностранных инвестиций.

Список литературы

1. *Абдулов Р. Э.* Деглобализация мировой экономики: единство и борьба противоположностей // Вопросы политической экономии. – 2022. – № 3. – С. 22–31. – DOI: 10.5281/zenodo.7278234

2. *Ильясов П. В., Андреева Е. Л.* Влияние нетарифного регулирования на международную торговлю ЕАЭС в условиях усиления протекционизма // Россия и Азия. – 2023. – № 3 (25). – С. 51–57.

3. *Глинская М. В.* Развитие энергетических технологий в рамках международного сотрудничества России с перспективными партнерами // Инвестиции и цифровые инновации : сборник материалов Международного форума / отв. ред. И. А. Айдрус. – М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – С. 14–31.

4. *Глинская М. В., Денисов Д. С.* ЕАЭС: развитие в условиях эскалации глобальной нестабильности, экономическая интеграция и роль технологизации // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2023. – № 116. – С. 29–39. – DOI: 10.26653/1993-4947-2023-116-03

5. *Красноярова Б. А., Кротов А. В.* Потенциальные риски трансконтинентальных проектов в Центральной Евразии // Россия и Азия. – 2020. – № 1 (10). – С. 8–15.

6. *Миронова В. Н*. Экономическая интеграция в аспекте развития взаимной торговли государств – членов ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 155–164. – DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-1-155-164

7. *Насимов И. Х*. Экономика Узбекистана и проблемы преодоления бедности // Россия и Азия. – 2023. - № 2 (24). – С. 42–53.

8. *Поплавский С. П.* Тенденции развития геополитической обстановки в мире и международная экономическая безопасность // Проблемы развития социально-экономических систем : материалы VIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Донецк, 2024. – С. 403–405.

9. *Поплавский С. П., Подольский Ф. В.* Торгово-экономическое взаимодействие ЕАЭС: состояние, динамика, обеспечение национальной безопасности // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – № 2 (38). – С. 74–87. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-74-87

10. *Смыр Е. И.* Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы // Вестник МФЮА. – 2021. – №1. – С. 54–66. – DOI: 10.52210/2224669X_2021_1_54

11. *Фейгин Г. Ф.* Возможна ли деглобализация мировой экономики? // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 2 (74). – С. 97–100.

12. *Чиниев Д. Б.* Центральная Азия: анализ социально-экономических и внешнеторговых процессов в XXI веке // Россия и Азия. – 2022. – № 6 (20). – С. 51–61.

13. *Шеров-Игнатьев В. Г.* Соглашение ЕАЭС о свободной торговле с третьими странами: смысл для России // Россия и Азия. – 2020. – № 3 (12). – С. 59–69.

14. *Шкваря Л. В., Асмятуллин Р. Р.* Проблемы взаимосвязи климатической повестки и экономического роста в ЕАЭС // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2023. – № 113-114. – С. 13–23. – DOI: 10.26653/1993-4947-2023-113-114-02

15. *Шкваря Л. В.* Инновационное сотрудничество России со странами ЕарАзЭС // Инновации. – 2009. – № 11 (133). – С. 20–24.

16. *Golam Md. M., Monowar M.* Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions // Journal of Eurasian Studies. – 2018. – Vol. 9. – Issue 2. – DOI: 10.1016/j.euras.2018.05.001

References

1. Abdulov R. E. Deglobalizatsiya mirovoy ekonomiki: edinstvo i borba protivopolozhnostey [Globalization of the World Economy: Unity and Struggle of Opposites]. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Questions of Political Economy], 2022, No. 3, pp. 22–31. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.7278234

2. Ilyasov P. V., Andreeva E. L. Vliyanie netarifnogo regulirovaniya na mezhdunarodnuyu torgovlyu EAES v usloviyakh usileniya protektsionizma [The Impact of Non-Tariff Regulation on the International Trade of the EAEU in the Context of Increased Protectionism]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 3 (25), pp. 51–57. (In Russ.).

3. Glinskaya M. V. Razvitie energeticheskikh tekhnologiy v ramkakh mezhdunarodnogo sotrudnichestva Rossii s perspektivnymi partnerami [Development of Energy Technologies in the Framework of International Cooperation between Russia and Promising Partners]. *Investitsii i tsifrovye innovatsii, sbornik materialov Mezhdunarodnogo foruma* [Investments and Digital Innovations, Collection of Materials of the International Forum], edited by I. A. Aydrus. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN), 2019, pp. 14–31. (In Russ.).

4. Glinskaya M. V., Denisov D. S. EAES: razvitie v usloviyakh eskalatsii globalnoy nestabilnosti, ekonomicheskaya integratsiya i rol tekhnologizatsii [The EAEU: Development in the Context of Escalating Global Instability, Economic Integration and the Role of Technologization]. *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2023, No. 116, pp. 29–39. (In Russ.). DOI: 10.26653/1993-4947-2023-116-03

5. Krasnoyarova B. A., Krotov A. V. Potentsialnye riski transkontinentalnykh proektov v Tsentralnoy Evrazii [Potential Risks of Transcontinental Projects in Central Eurasia]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2020, No. 1 (10), pp. 8–15. (In Russ.).

6. Mironova V. N. Ekonomicheskaya integratsiya v aspekte razvitiya vzaimnoy torgovli gosudarstv – chlenov EAES [Economic Integration in the

Aspect of the Development of Mutual Trade of the EAEU Member States]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right], 2022, Vol. 15, No. 1, pp. 155–164. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-1-155-164

7. Nasimov I. Kh. Ekonomika Uzbekistana i problemy preodoleniya bednosti [The Economy of Uzbekistan and the Problems of Overcoming Poverty]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 2 (24), pp. 42–53. (In Russ.).

8. Poplavskiy S. P. Tendentsii razvitiya geopoliticheskoy obstanovki v mire i mezhdunarodnaya ekonomicheskaya bezopasnost [Trends in the Development of the Geopolitical Situation in the World and International Economic Security]. *Problemy razvitiya sotsialno-ekonomicheskikh sistem, materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov* [Problems of the Development of Socio-Economic Systems, Materials of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists and Students]. Donetsk, 2024, pp. 403–405. (In Russ.).

9. Poplavskiy S. P., Podolskiy F. V. Torgovo-ekonomicheskoe vzaimodeystvie EAES: sostoyanie, dinamika, obespechenie natsionalnoy bezopasnosti [Trade and Economic Cooperation of the EAIS: State, Dynamics, Ensuring National Security]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 2 (38), pp. 74–87. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-74-87

10. Smyr E. I. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: problemy i perspektivy [Eurasian Economic Union: Problems and Prospects]. *Vestnik MFYUA* [Bulletin of MFUA], 2021, No. 1, pp. 54–66. (In Russ.). DOI: 10.52210/2224669X_2021_1_54

11. Feygin G. F. Vozmozhna li deglobalizatsiya mirovoy ekonomiki? [Is Globalization of the World Economy Possible?]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of the Modern Economy], 2020, No. 2 (74), pp. 97–100. (In Russ.).

12. Chiniev D. B. Tsentralnaya Aziya: analiz sotsialno-ekonomicheskikh i vneshnetorgovykh protsessov v XXI veke [Central Asia: Analysis of Socio-Economic and Foreign Trade Processes in the XXI Century]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2022, No. 6 (20), pp. 51–61. (In Russ.).

13. Sherov-Ignatev V. G. Soglashenie EAES o svobodnoy torgovle s tretimi stranami: smysl dlya Rossii [The EAEU Free Trade Agreement with third Countries: Meaning for Russia]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2020, No. 3 (12), pp. 59–69. (In Russ.).

14. Shkvarya L. V., Asmyatullin R. R. Problemy vzaimosvyazi klimaticheskoy povestki i ekonomicheskogo rosta v EAES [Problems of Interrelation of the Climate Agenda and Economic Growth in the EAEU]. *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian

Economy], 2023, No. 113–114, pp. 13–23. (In Russ.). DOI: 10.26653/ 1993-4947-2023-113-114-02

15. Shkvarya L. V. Innovatsionnoe sotrudnichestvo Rossii so stranami EarAzES [Innovative Cooperation of Russia with the Eurasec Countries]. *Innovatsii* [Innovations], 2009, No. 11 (133), pp. 20–24. (In Russ.).

16. Golam Md. M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions. *Journal of Eurasian Studies*, 2018, Vol. 9, Issue 2. (In Russ.). DOI: 10.1016/j.euras.2018.05.001

Сведения об авторе

Анатолий Григорьевич Тарасов
доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЭ УрО РАН.
Адрес: ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук», 620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
E-mail: Maga_8686@list.ru

Information about the author

Anatoly G. Tarasov
Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher of Institute of Economics of the Ural Branch of RAS.
Address: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation.
E-mail: Maga_8686@list.ru

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-146-167

РАСШИРЕНИЕ БРИКС И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПАРТНЕРСТВА: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Л. В. Шкваря
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

БРИКС как межгосударственное объединение создано для усиления и оптимизации взаимодействия стран-участниц в экономическом поле. На 2023 г. странами – участницами БРИКС являлись Бразилия, Российская Федерация, Индия, КНР, а также ЮАР. Однако по итогам XV саммита стран-участниц в Йоханнесбурге (август 2023 г.) было принято решение о том, что количественный состав БРИКС с 2024 г. увеличится до 11 участников, т. е. более чем вдвое за счет присоединения к организации еще шести стран – Египта, Эфиопии, Саудовской Аравии, ОАЭ и Аргентины. Гипотеза исследования заключается в том, что расширение БРИКС будет иметь конкретные и далеко идущие стимулирующие последствия для мировой экономики, стран-участниц в различных сферах экономического, научно-технического, финансового и других видах сотрудничества. Цель статьи – анализ экономических последствий роста количественного состава БРИКС как для самих государств-участников, так и мировой экономики в целом. Автор обосновывает точку зрения, о том, что расширение БРИКС в условиях роста глобальной нестабильности будет стимулировать межгосударственное сотрудничество не только со странами-участницами, но и с третьими странами за счет более активного вовлечения их в новые механизмы взаимодействия. Это потребует усилий и затрат со стороны всех государств БРИКС, так как изменение глобальной геоэкономической конфигурации, как и экосистемы БРИКС, несет в себе и новые риски в силу роста дифференциации и болевых точек организации. Научная новизна статьи содержится в исследовании потенциальных возможностей БРИКС и трансформации организации и ее роли в системе мирового хозяйства с учетом новых возможностей и вызовов. Причем и то, и другое будет иметь синергический эффект. Автор аргументирует точку зрения о росте давления на БРИКС в новом формате в кратко- и среднесрочной перспективе из-за усиления рисков, что потребует большей согласованности действий в системе организации. Странам важно расширять и последовательно реализовывать совместные и адекватные меры в нормативной, технической, экономической и организационной сферах взаимодействия.
Ключевые слова: торгово-экономическое сотрудничество, экономические риски, межгосударственное объединение, мировая экономика, социально-экономическое развитие.

BRICS EXPANSION AND NEW PARTNERSHIP OPPORTUNITIES: MACROECONOMIC ANALYSIS

Lyudmila V. Shkvarya
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The BRICS, as an interstate association, was created to strengthen and optimize the interaction of the participating countries in the economic field. For 2023, the BRICS member countries were Brazil, the Russian Federation, India, China, and South Africa. However, following the results of

the XV summit of the participating countries in Johannesburg (August 2023), it was decided that the quantitative composition of the BRICS would increase to 11 participants from 2024, that is, more than doubled due to the accession of six more countries to the organization – Egypt, Ethiopia, Saudi Arabia, the United Arab Emirates and Argentina. The hypothesis of the study is that the expansion of the BRICS will have specific and far-reaching stimulating consequences for the global economy, the participating countries in various fields of economic, scientific, technical, financial and other types of cooperation. The purpose of the article is to analyze the economic consequences of the growth of the quantitative composition of the BRICS both for the participating states themselves and the global economy as a whole. The author substantiates the point of view that the expansion of the BRICS in the context of growing global instability will stimulate interstate cooperation not only with the participating countries, but also with third countries due to their more active involvement in new mechanisms of interaction. This will require efforts and costs on the part of all BRICS states, since the change in the global geo-economic configuration, as well as the BRICS ecosystem, carries new risks due to the growth of differentiation and pain points of the organization. The scientific novelty of the article is contained in the study of the potential opportunities of the BRICS and the transformation of the organization and its role in the world economy system, taking into account new opportunities and challenges. Moreover, both will have a synergistic effect. The author argues the point of view about the growing pressure on the BRICS in the new format in the short and medium term due to increased risks, which requires greater coordination of actions in the organization's system. It is important for countries to expand and consistently implement joint and adequate measures in the normative, technical, economic and organizational spheres of interaction.
Keywords: trade and economic cooperation, economic risks, interstate association, world economy, socio-economic development.

Введение

Аббревиатура БРИК (англ. BRIC) впервые упоминается Джеймсом О'Нилом в 2001 г. в статье «Строительство более эффективных кирпичей глобальной экономики». Автор предвидел, что Бразилия, Россия, Индия и Китай станут новыми экономическими и инвестиционными центрами мира [22], катализаторами мировой экономики за счет роста потребления в этих странах с большим населением. На рубеже веков страны БРИК не были объединены формально, их экономическое взаимодействие усиливалось в результате экономического роста. Официально оформление БРИК произошло в 2006 г., а первый саммит состоялся в 2009 г. в Екатеринбурге. С этого момента экономическое взаимодействие стран БРИК, а с 2011 г. – БРИКС – активизировалось и «вышло на качественно новый уровень» [14], обеспечив межгосударственному объединению глобальную значимость. Трансформируя модель международного сотрудничества на принципах равноправия и взаимной выгоды, БРИКС стал одним из центров международного уровня. Усилилось взаимодействие БРИКС с интеграционными блоками, например, Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива [14], ЕАЭС [17], ШОС [24].

На XV саммите БРИКС в Йоханнесбурге (ЮАР), который завершился 24 августа 2023 г., в состав межгосударственного объединения вошли еще 6 государств, располагающихся на разных континентах – Аргентина,

Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ. Это обстоятельство может изменить расстановку сил в мировой экономике, включая финансовую, продовольственную, ресурсную, транспортно-логистическую составляющие и др. После расширения территория БРИКС составила 48,5 млн км², т. е. 36% общей площади Земли. Соответственно, возникли новые возможности, а также новые риски и для стран-участниц, и для мировой экономики.

В этой связи актуализируется необходимость анализа потенциала БРИКС в новом формате и возможностей сотрудничества стран как внутри, так и за пределами межгосударственного объединения, с учетом рисков, что и является целью данного исследования.

Степень изученности проблемы

Различные эксперты неоднократно обращались к исследованию БРИКС и его места и роли в мире. Анализ имеющейся научной литературы показывает, что в первое десятилетие существования БРИК объектом исследования выступали внутренний рынок и возможности развития стран [23]. Отмечалось, что экономики БРИК весьма перспективны с точки зрения возможностей западной экспансии на их рынки вследствие их устойчивого экономического развития. В 2003 г. эксперты Goldman Sachs на основе построенной ими долгосрочной макроэкономической модели экономического роста обосновали вывод о том, что страны БРИК к 2050 г. обгонят страны Большой шестерки (США, Японию, Германию, Великобританию, Францию и Италию) по величине совокупного ВВП. В 2007 г. было уточнено, что страны БРИК выйдут в мировые лидеры уже к 2035 г. Уже тогда неоднократно высказывалась точка зрения о необходимости исключения России из БРИК [18; 20].

В последующее десятилетие общепризнанным стал факт, что это межгосударственное объединение оказывает значительное воздействие на экономики стран-участниц. Это стало результатом углубления их взаимодействия в экономической, технической, инновационной и других сферах. Исследователи констатируют, что «экономика стран БРИКС … находится на разных этапах» [9. – С. 15], и это помогает им извлечь «уникальные индивидуальные выгоды из участия в содружестве и тем самым усилить свои позиции на мировой арене» [2. – С. 19]. Возросло и влияние БРИКС на мировую экономику в целом. Так, ЮНКТАД отмечает, что за последние десятилетия усилилось их экономическое влияние как движущих сил глобального роста, торговли и инвестиций [19]. С 2012 г. совокупный ВВП стран БРИКС превысил совокупный ВВП стран ЕС, и разрыв только увеличивается. Доля промышленности в ВВП БРИКС сохраняется на уровне 37% (в странах G7 не превышает 24%), доля сельского хозяйства в ВВП стран БРИКС и G7 составляет, соответственно, 8% и 2% (данные за 2022 г.).

Все чаще предметом исследования становились не только экономические аспекты странового развития, но и сотрудничества внутри объединения [1] и с третьими странами[1], а также влияние на мировую экономическую систему как системообразующего фактора формирования новой мировой модели экономического развития [13]. По мнению авторов, «Межгосударственное объединение БРИКС, вопреки ожиданиям скептиков, набирает силу и становится все более весомым фактором международной жизни» [12. – С. 98]. Но есть и противоположные мнения [21].

Констатируется, что «Страны БРИКС еще в докризисный период заняли заметное место в международном инвестиционном процессе» [7], и сегодня эта роль существенно укрепилась [11]. Активно изучается двустороннее и многостороннее торгово-экономическое и инвестиционно-проектное взаимодействие в БРИКС, высокий уровень которого признается рядом исследователей [27]. Нестабильные геоэкономические и геополитические тенденции лишь способствуют укреплению этого сотрудничества как в традиционных [8], так и в высокотехнологичных и цифровых секторах [25].

Отмечается, что «страны БРИКС представляют не только разные социально-экономические модели, но и разные цивилизации… Создание БРИКС отразило две тенденции – увеличение роли новых субъектов в мировых делах и кризис системы международных отношений – и, безусловно, стало значительным шагом в направлении формирования новых принципов мирового порядка» [3].

БРИКС создает новые шаблоны и механизмы международного сотрудничества, осуществляет хозяйственное взаимодействие на более прозрачных и взаимовыгодных принципах, что привлекает в объединение новые страны, как показала практика, и обладает весомым экономическим потенциалом. Стоит отметить, что российские авторы уже пытались проанализировать возможности и эффекты расширения БРИКС за счет присоединения к межгосударственному объединению еще 11 стран. Однако четкого ответа получено не было [5]. Рост количества стран – участниц межгосударственного объединение с 2024 г., по нашему мнению, не может не отразиться на мировой экономической и политической конфигурации. Поэтому, как представляется, стоит обратить внимание на макроэкономические возможности БРИКС и направления их изменения вследствие расширения объединения.

Результаты исследования

Страны БРИКС обладают мощным экономическим потенциалом, опирающимся на собственные разнообразные и богатые природные ресурсы, включая энергетические, минеральные, сельскохозяйственные, водные и др., что может служить источником существенных конкурент-

[1] URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2021lhzfgzbg/index.htm?_zbs_baidu_bk

ных преимуществ на мировом рынке. Соответственно, сформировалась высокая степень открытости их национальных хозяйств и зависимости от мировых рынков. Экономики стран БРИКС достаточно диверсифицированы и обладают разнообразными производственными мощностями, зачастую значительными. Однако они весьма дифференцированы, как по ВВП, так и по темпам его роста. В 2000–2022 гг. страны БРИКС наращивали свой совокупный объем экономики (рис. 1), за исключением глобальных кризисных периодов, вызванных главным образом внешними причинами (в том числе пандемией и антироссийскими санкциями).

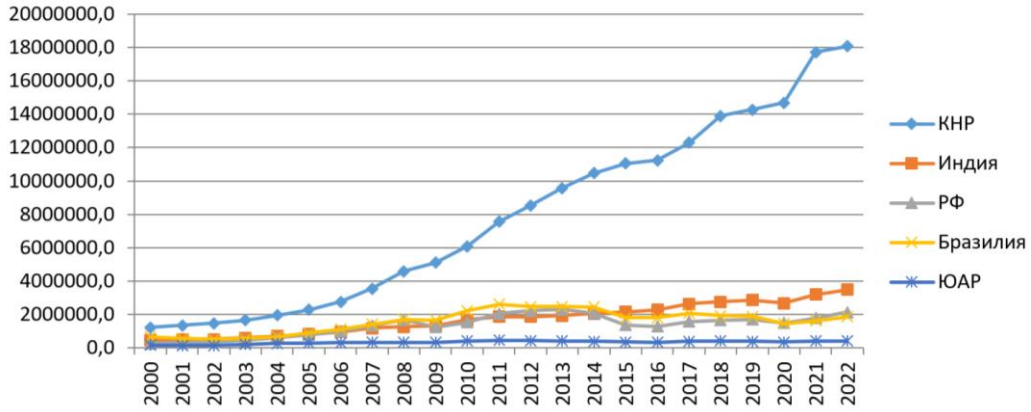

Рис. 1. Динамика производства ВВП в странах БРИКС
в 2000–2022 гг. (в млн долларов в текущих ценах по текущему курсу)[1]

Крупнейший производитель – Китай, отрыв экономики которого от остальных стран БРИКС, имеет тенденцию к увеличению, за исследуемый период вырос в 14,9 раз. Согласно китайским прогнозам, ВВП КНР в 2025 г. должен увеличиться с нынешних 70 трлн до более чем 100 трлн юаней[2]. Сегодня доля ВВП КНР в совокупной экономике БРИКС составляет около 70% (2022 г.). По итогам 2022 г. экономика КНР заняла 1-е место в мировом рейтинге (по ППС), Индии – 3-е, Российской Федерации – 5-е. Бразилия вошла в топ-10 (8-е место). В результате доля стран БРИКС в мировой экономике выросла с 8% в 2000 г. до 25,9% в 2022 г., что позволяет странам БРИКС оказывать влияние на мирохозяйственные процессы. Также 17-е и 18-е места в рейтинге ВБ ВВП по ППС стран мира заняли, соответственно, Саудовская Аравия и Египет[3]. ВВП всех стран БРИКС (за исключением ЮАР, имеющей самый низкий показатель в группе)

[1] Рис. 1–14 составлены по: URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx
[2] URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2021lhzfgzbg/index.htm?_zbs_baidu_bk
[3] Gross domestic product 2022. – URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP_PPP.pdf

увеличился в 2022 г., что говорит о достаточно высокой прочности их национальных хозяйств.

Если говорить о новых членах БРИКС (Аргентине, Египте, Эфиопии, Иране, Саудовской Аравии, ОАЭ), то здесь мы наблюдаем гораздо более заметную волатильность размера национальных хозяйств, следовательно, более высокую степень зависимости от внешнего фактора (рис. 2) и необходимость его стабилизации, формирования предсказуемых международных отношений.

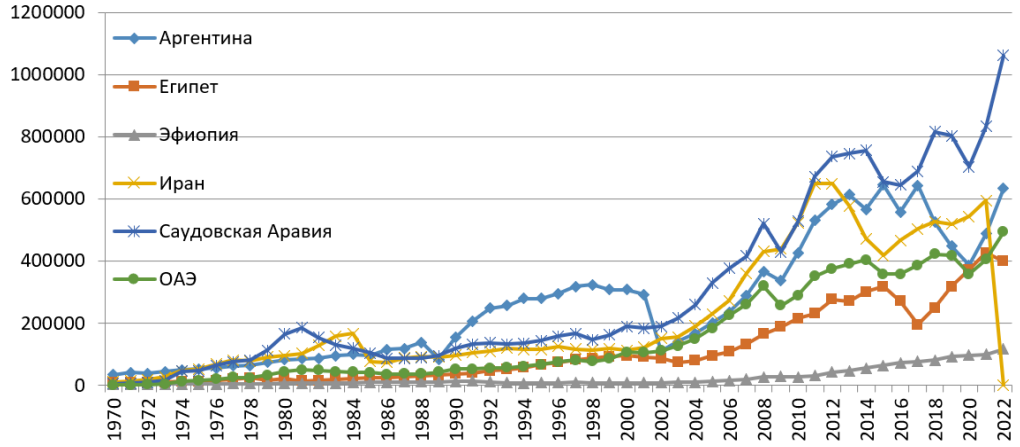

Рис. 2. Динамика производства ВВП в новых странах БРИКС
в 2000-2022 гг. (в млн долларов в текущих ценах по текущему курсу)[1]

Таким образом, расширение БРИКС за счет новых государств позволит существенно укрепить экономический потенциал межгосударственного объединения (при сохранении его значительной дифференциации в страновом разрезе) как непосредственно за счет суммирования совокупности имеющихся возможностей, так и опосредованно за счет синергического эффекта, который неизбежно возникнет в результате взаимодействия государств. Однако можно предположить, что благодаря большей степени предсказуемости и взаимовыгодному сотрудничеству в различных сферах расширенного состава БРИКС, экономический рост стран-участниц может стать более стабильным. Кроме того, увеличится возможность самообеспеченности стран БРИКС основными видами сырья и продукции, как производственной, так и потребительской.

Население БРИКС как важный фактор роста национальных экономик количественно увеличивается, но постепенно заметна тенденция его замедления. В 2000 г. население БРИКС составило 2,6 млрд человек (43,8%

[1] В базе ЮНКТАД данные о ВВП Ирана за 2022 г. отсутствуют. По данным ВБ, ВВП Ирана по ППС составил 1 600,556 млн (международных) долларов.

от мирового показателя), а в 2022 г. – 3,26 млрд человек, при этом совокупная доля БРИКС в численности мирового населения сократилась до 40,9% (рис. 3).

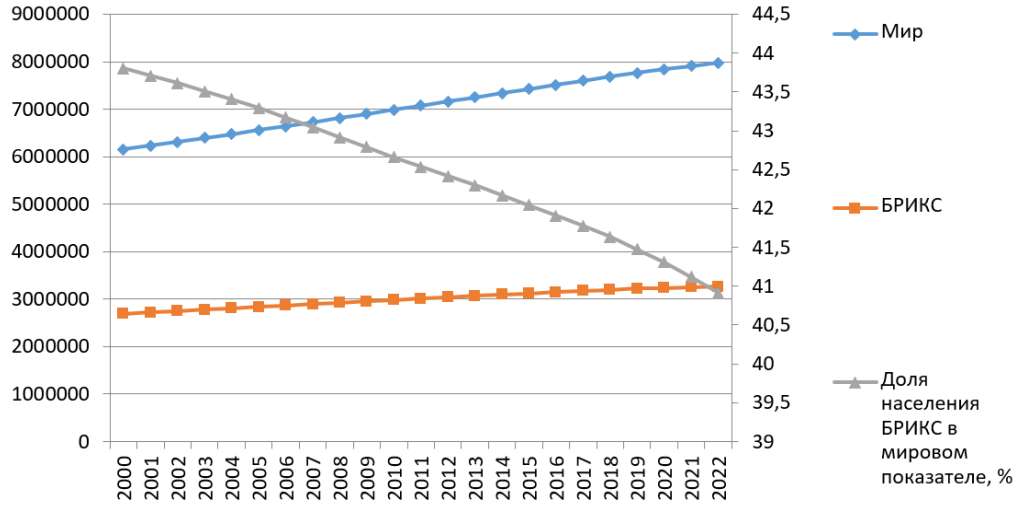

Рис. 3. Динамика численности населения мира и стран БРИКС в 2000–2022 гг. (в тыс. человек – левая шкала) и доля БРИКС в мировом показателе (в % – правая шкала)

По прогнозам ЮНКТАД, доля БРИКС в мировом показателе составит в 2050 г. лишь 35% от общей численности населения мира, достигнув 36,4 млрд человек. Это связано с замедлением темпов роста населения в странах БРИКС, особенно в КНР. Наиболее быстрый рост населения остается в Индии, но с 2022 по 2050 г. население Индии увеличится лишь в 1,1 раза. В этой связи Китай, а также Российская Федерация пытаются стимулировать демографический рост. Так, в КНР в Четырнадцатом пятилетнем плане экономического и социального развития Китайской Народной Республики и программе перспективных целей на 2035 г. поставлена задача увеличить число детей в возрасте до 3 лет на 1 000 человек с 1,8 в 2020 г. до 4,5 в 2025 г.[1]

Новые страны БРИКС в целом имеют достаточно высокие темпы демографического роста, особенно Эфиопия и Египет (рис. 4). По прогнозам ЮНКТАД, в 2050 г. по сравнению с 2022 г. количество населения в новых странах БРИКС увеличится в 1,4 раза, в том числе в Эфиопии в 1,7 раза и в Египте – в 1,4 раза, в Саудовской Аравии – в 1,3 раза.

При реализации этого прогноза БРИКС в расширенном составе сможет сохранить свою долю в мировом населении в 2050 г. на сегодняш-

[1] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm

нем уровне – около 41% (рис. 5). Это огромный потребительский рынок, который может служить серьезным драйвером экономического роста стран и межгосударственного объединения в целом за счет увеличения спроса, имеющейся рабочей силе и инновационной активности.

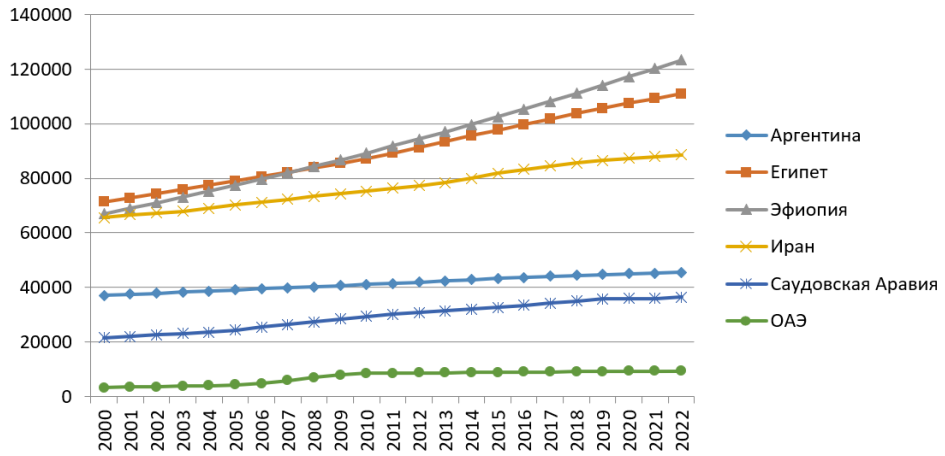

Рис. 4. Динамика численности населения мира и новых стран БРИКС в 2000–2022 гг. (в тыс. человек)

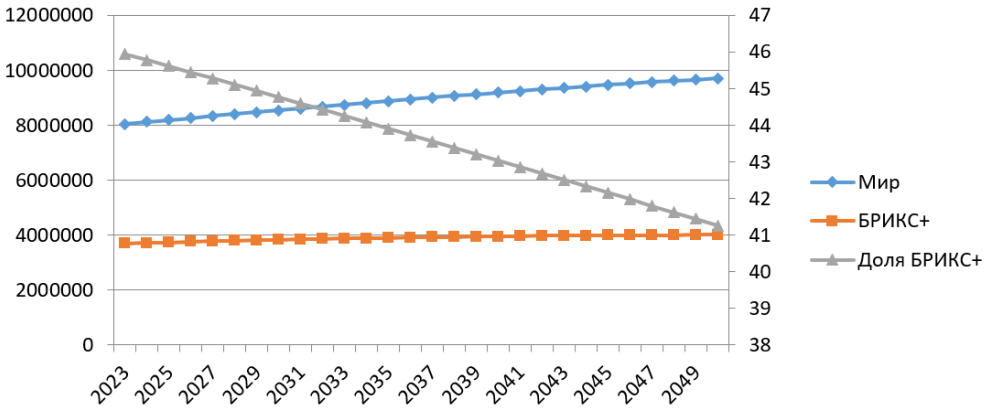

Рис. 5. Динамика численности населения мира и стран БРИКС+ (в тыс. человек – левая шкала) и доля БРИКС+ в мировом показателе (в % – правая шкала) в 2000–2022 гг.

Стоит отметить, что, согласно статистике БРИКС, доля рабочей силы в странах-участницах по данным за 2022 г. колебалась от 52% населе-

ния (КНР) до 62,9% населения (Бразилия). Для справки: в Российской Федерации этот показатель составил 62,3%[1].

Важной задачей всех стран БРИКС, включая новых членов объединения, остается рост подушевых доходов и в целом уровня жизни населения. Эта задача выполняется более или менее успешно (рис. 6).

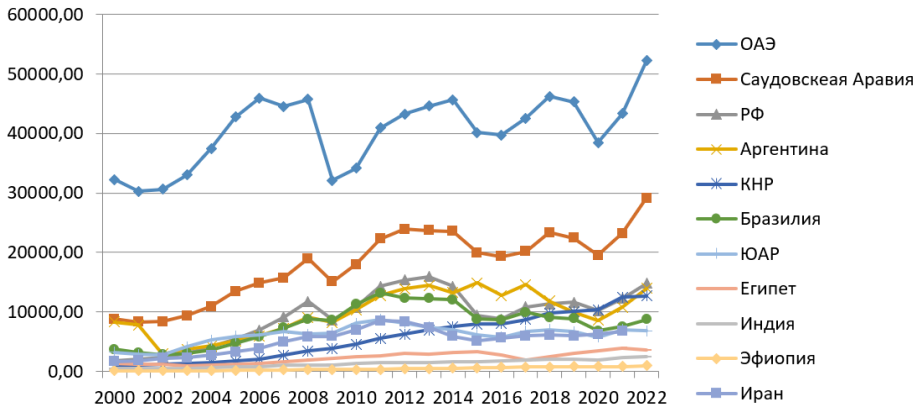

Рис. 6. Динамика подушевых доходов в странах БРИКС и новых членах объединения в 2000–2022 гг. (в долларах, в текущих ценах по текущему курсу)

Важно отметить, что прирост населения в БРИКС замедлился сравнительно со среднемировым показателем. Но в мировом ВВП доля стран БРИКС растет. Взаимодействие этих двух тенденций привело к тому, что ВВП на душу населения стран БРИКС рос быстрее общемирового показателя подушевых доходов.

Из анализа данных рис. 6 видно, что в БРИКС сохраняется значительная дифференциация в уровне подушевых доходов, и особенно у новых участников межгосударственного объединения. Наиболее высокий уровень подушевых доходов зафиксирован в 2022 г. в ОАЭ и Саудовской Аравии (исторический максимум) в основном за счет количественно небольшого населения. Российская Федерация заняла 3-е место в 2022 г. по данному показателю (исторический максимум был зафиксирован в 2012–2013 гг.), немного превзойдя Аргентину (исторический максимум имел место в 2013 и 2015 гг.).

У России, Аргентины, а также КНР, наблюдаются устойчивый рост подушевых доходов на протяжении всего периода и в целом однопорядковые показатели ВВП на душу населения. Поскольку можно предположить, что расширение БРИКС даст толчок экономическому росту

[1] BRICS Joint Statistical Publication, 2023. Table 1.2 – Economic and Social Indicators Comparison of BRICS Countries. – P. 10. – URL: https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/08/BRICS-JSP-SnapShot-2023_Web.pdf

(при прочих равных условиях), можно ожидать и дальнейшего увеличения подушевых доходов в расширенном составе БРИКС в перспективе.

Важное значение в макроэкономическом анализе имеет инвестиционный аспект, особенно прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Ситуация в инвестиционной сфере в БРИКС характеризуется относительной стабильностью, хотя и невысокими, но устойчивыми объемами притока ПИИ в стоимостном выражении, в отличие от крайне волатильной динамики в развитых странах (рис. 7). Колебания осуществляются в соответствии с глобальными тенденциями и связаны главным образом не столько с внутренними проблемами стран БРИКС, сколько с неблагоприятной ситуацией на глобальном уровне.

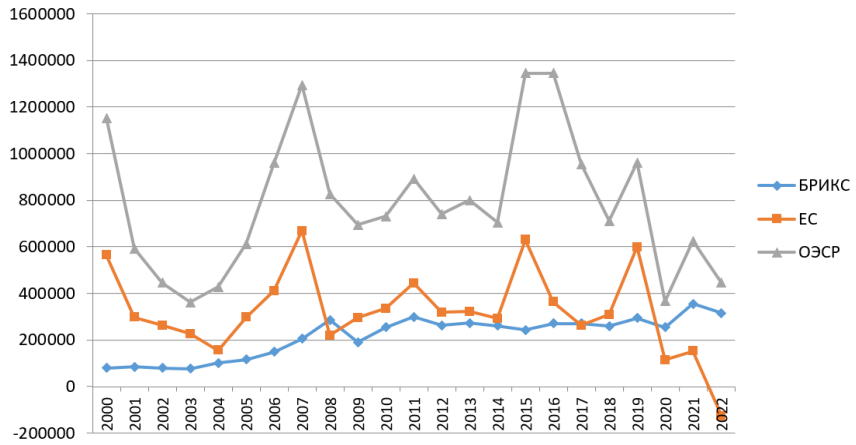

Рис. 7. Динамика притока ПИИ в странах БРИКС, ЕС и ОЭСР в 2000–2022 гг. (в млн долларов, в текущих ценах по текущему курсу)

Как видно из рис. 7, приток ПИИ в страны БРИКС за исследуемый период вырос в 3,9 раза (в мире – в 0,95 раза), в ЕС – сократился и достиг исторического минимума, в странах ОЭСР приближается к этому минимуму. Так, если в 2000 г. совокупный приток ПИИ в БРИКС составил 80 620,44 млн долларов, то в 2022 г. – 314 907,5 млн. Особенно быстро рос приток ПИИ в БРИКС в первое десятилетие XXI в. (ежегодный рост составлял в среднем 13,5%, в том числе в КНР – 10%, а в мире – только 7,6%), даже несмотря на глобальный финансовый кризис 2008 г.

Что касается Российской Федерации и Индии, то в 2000–2012 гг. зафиксированы исключительно высокие темпы ежегодного роста притока ПИИ – порядка 30% и свыше 20% соответственно. С 2012 г. можно наблюдать стагнационные процессы в сфере притока ПИИ как в БРИКС в целом, так и в отдельные страны (рост +1,7% ежегодно) (рис. 7; 8).

Международные организации связывают это с общей негативной ситуацией в глобальной инвестиционной сфере [19]. На наш взгляд, ско-

рее можно говорить о том, что ситуация с началом санкционного давления на Российскую Федерацию с 2014 г. ухудшилась как одна из причин снижения мирового инвестиционного процесса [15]. Это подтверждается имеющимися в литературе научными подходами.

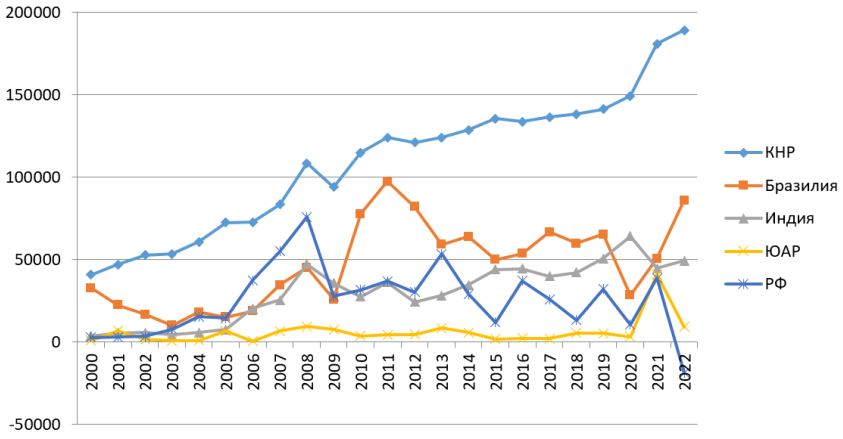

Рис. 8. Динамика притока ПИИ по странам БРИК
в 2000–2022 гг. (в млн долларов, в текущих ценах по текущему курсу)

По мнению ряда авторов, незначительный относительно глобального уровень притока ПИИ в БРИКС связан с тем, что «…международные инвестиционные проекты реализуются через стратегические решения многонациональных корпораций (МНК), решающими мотиваторами для которых, как правило, являются уменьшение транзакционных издержек и снижение рисков. Тем более, что в условиях глобализации происходит расширение возможностей МНК в выборе местоположения их аффилированных структур для создания глобальных цепочек стоимости (ГЦС)» [10. – С. 36].

Другими словами, политические факторы становятся все более значимым мотивом для ПИИ, что мы наблюдали в России в 2022–2023 гг. Так, согласно отчету ЮНКТАД о мировых инвестициях, в Российской Федерации потоки ПИИ сократились до 19 млрд долларов в 2022 г. с 39 млрд долларов в 2021 г., поскольку многие крупные компании вышли из бизнеса в нашей стране [28].

Наличие (или преобладание) неэкономических причин притока ПИИ отчасти объясняет и весьма волатильную динамику притока прямых инвестиций в российскую экономику с 2013 г. (см. рис. 8).

Приток ПИИ по странам БРИКС в 2000–2022 гг. весьма дифференцирован. Лидирует в группе как реципиент ПИИ Китай, на долю которого в 2022 г. приходилось свыше 60% привлеченных из-за рубежа средств, в то время как в 2000 г. – 50,5%, и отрыв этот увеличивается. В то же время и

темп прироста ПИИ в экономику КНР снизился и в 2012–2022 г. составлял около 4%. Объем ПИИ в ЮАР стабилизировался на уровне 6,7 млрд долларов после резкого роста в 2021 г., вызванного разовой сделкой, как отмечает ЮНКТАД [28].

Что касается качественного аспекта, т. е. ПИИ на душу населения, то здесь КНР также существенно опережает своих партнеров по БРИКС. Так, если в 2000 г. объем привлеченных ПИИ на душу населения в КНР составлял 32,2 млн долларов, то в 2022 г. – уже 132,6 млн. Все это говорит о наличии проблем в экономическом поле БРИКС. Однако доля притока ПИИ в БРИКС в общем объеме мировых ПИИ за исследуемый период, несмотря на колебания и негативные тенденции, увеличилась в мировом показателе с 5,9% в 2000 г. до 24,3% в 2022 г. (исторический максимум зафиксирован в 2020 г. – 26,5%). Это свидетельствует о большей степени макроэкономической стабильности в БРИКС по сравнению с общемировой ситуацией. При этом крупнейшим реципиентом в группе новых членов БРИКС выступают ОАЭ. Приток средств в ОАЭ вырос на 10% в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом и достиг 22,7 млрд долларов (исторический максимум) (таблица).

Динамика притока ПИИ в новые страны – члены БРИКС в 2000–2022 гг.*
(в млн долларов, в текущих ценах по текущему курсу)

	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
ОАЭ	-506,33	10 899,93	8 796,77	8 550,90	19 884,47	20 667,12	22 736,56
Аргентина	10 418,31	5 265,26	11 332,72	11 758,99	4 722,65	6 782,35	15 087,40
Египет	1 235,40	5 375,60	6 385,60	6 925,20	5 851,80	5 122,00	11 399,90
Саудовская Аравия	183,00	12 097,33	29 232,71	8 141,03	5 399,16	19 285,64	7 886,34
Эфиопия	134,64	265,11	288,27	2 626,52	2 380,98	4 259,45	3 669,99
Иран	193,57	2 889,19	3 648,97	2 050,00	1 342,00	1 425,00	1 500,00

* *Составлено по*: URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx

Количество новых инвестиционных проектов в ОАЭ в 2022 г. достигло 997, что на 84% больше, чем в 2021 г. В 2022 г. по этому показателю страна заняла 4-е место в мире [28]. Связано это с упрощением инвестиционного законодательства, что облегчило возможности для иностранных инвесторов выйти на рынок страны. Более чем удвоились за год объемы ПИИ в Египет, который объявил в 2022 г. о 55%-ном снижении налогов для финансируемых за счет ПИИ проектов в базовых отраслях промышленности, и в Аргентину, как видно из таблицы. Причиной этого, на наш взгляд, стало сокращение интереса инвесторов к развитым экономикам (см. рис. 8). Как представляется, значительный интерес для инвесторов сохраняет и Саудовская Аравия, также пересмотревшая свое инвестиционное законодательство и объявившая об открытии для иностранных инвесторов четырех экономических зон. Следовательно, можно гово-

рить о том, что инвестиционная привлекательность БРИКС после расширения не сократится при прочих равных условиях.

Страны БРИКС также выступают финансовыми донорами для других стран мира и экспортерами ПИИ. Хотя эта роль в глобальных инвестиционных проектах пока незначительна, тенденция к росту внешнего инвестирования в форме ПИИ странами БРИКС усиливается и представляется более стабильной, чем их приток (рис. 9).

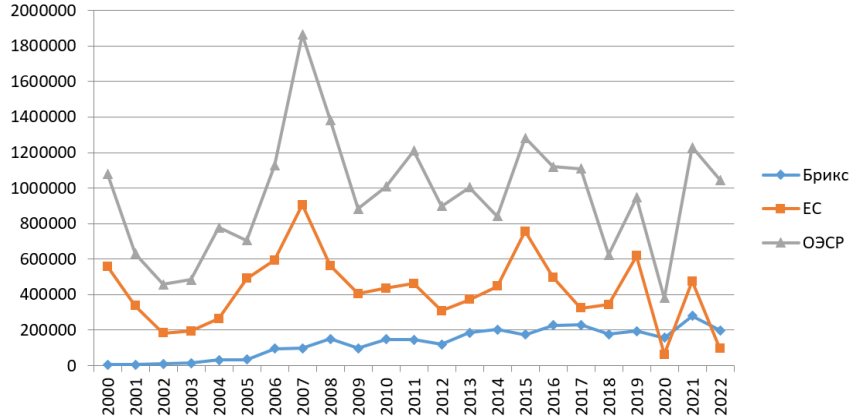

Рис. 9. Динамика совокупного вывоза ПИИ из стран БРИКС
в 2000–2022 гг. (в млн долларов, в текущих ценах по текущему курсу)

На рис. 9 виден значительный и достаточно высокий рост вывоза ПИИ из стран БРИКС на протяжении всего периода, хотя в 1-м десятилетии XXI в. он был более стабильным. С 2001 по 2010 г. отток ПИИ из стран БРИКС вырос с 1% от общемировых потоков до более чем 10%. В течение этого периода ежегодные темпы роста оттока капитала, составлявшие 33%, были более чем в 3 раза выше среднемировых показателей [19]. Исторический максимум по доле БРИКС в мировом вывозе капитала был достигнут в 2020 г. – 21,41% от мирового вывоза. В стоимостном выражении максимальная величина ПИИ, вывезенных из стран БРИКС, зафиксирована в 2021 г. в 280,6 млрд долларов, что составило лишь 16,23% от мирового вывоза ПИИ вследствие резкого роста их объема в постпандемийный год.

В 2022 г. и доля вывоза ПИИ БРИКС сократилась до 13,38% от мирового уровня, и стоимостный объем вывоза упал до 199 300,4 млн долларов. Несмотря на то что ежегодные темпы роста вывоза ПИИ странами БРИКС существенно замедлились в 2011–2021 гг., отражая глобальные тенденции инвестиционного рынка, они оставались выше среднемировых показателей более чем в 10 раз. Динамика вывоза ПИИ из стран БРИКС представлена на рис. 10.

Из рис. 10 видно, что особенно заметно упал вывоз ПИИ из Российской Федерации – с 64 млрд долларов в 2021 г. до 10,4 млрд в 2022 г., что составило лишь 17,9% от уровня предыдущего года. Также сократился вывоз ПИИ из КНР и Индии. По данным ЮНКТАД, ПИИ внутри БРИКС росли на протяжении всего исследуемого периода как в абсолютном выражении, так и в относительном, и особенно – в последнее десятилетие, что говорит о качественном увеличении значимости сотрудничества стран в рамках межгосударственного объединения. Драйвером этого процесса выступает Китай как крупнейший донор и реципиент ПИИ в объединении.

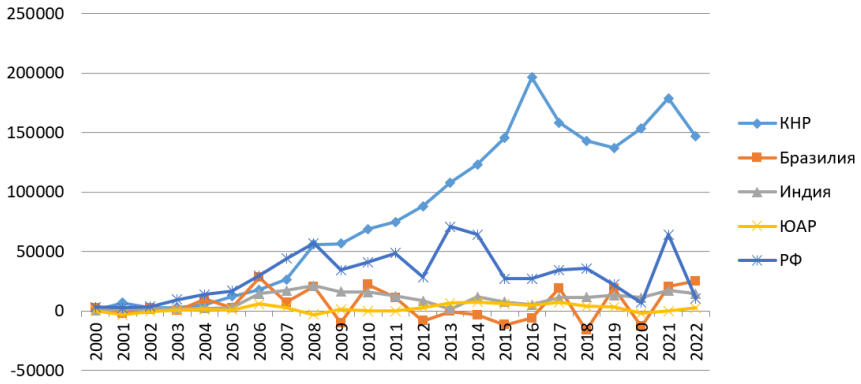

Рис. 10. Динамика совокупного вывоза ПИИ из стран БРИКС в 2000–2022 гг. (в млн долларов, в текущих ценах по текущему курсу)

Исследователи отмечают инвестиционный дисбаланс: «Если для Китая инвестиции в страны БРИКС составляют лишь малую часть от того, сколько КНР инвестирует в целом в другие страны, то для Бразилии, России, Индии и ЮАР поток китайских инвестиций составляет существенную долю от общих потоков инвестиций в эти страны» [6. – С. 1368]. Зафиксирован рост ПИИ внутри БРИКС у Бразилии и Индии. У Российской Федерации рост оставался умеренным. По данным ЮНКТАД, к цифрам инвестиций внутри стран БРИКС следует относиться с осторожностью, поскольку значительная часть их внешних и внутренних инвестиционных потоков направляется через офшорные финансовые центры, и инвестиции между странами БРИКС могут быть недооценены [19].

Новые страны БРИКС наращивают свое присутствие на рынке капитала в качестве доноров ПИИ, особенно ОАЭ и Саудовская Аравия, так же как и инвестиционное и проектное взаимодействие на пространстве БРИКС. Так, Китайская национальная ядерная корпорация (CNNC), государственная фирма, предложила строительство атомной электростанции недалеко от границы с Катаром и ОАЭ [26].

ПИИ, как правило, тесно взаимосвязаны с международной торговлей, анализ которой имеет большое значение для понимания макроэконо-

мической ситуации БРИКС и перспектив развития межгосударственного объединения в условиях количественного расширения стран-участниц. Все страны БРИКС, как старые, так и новые, являются активными участниками международных торговых процессов, при этом последние 5 лет они во многом формируют эти процессы и тенденции развития мировых товарных рынков, новых транспортно-логистических направлений и цепочек создания стоимости.

Международная торговля остается значимым направлением экономического сотрудничества как между членами БРИКС, так и с третьими странами, и стоимостные объемы экспорта и импорта увеличиваются (рис. 11 и 12).

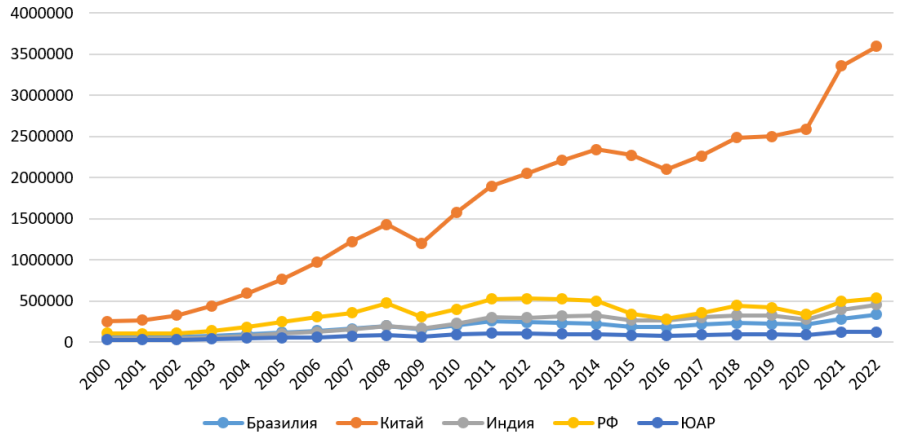

Рис. 11. Экспорт стран БРИКС в 2000–2022 г. (в млн долларов в текущих ценах по текущему курсу)

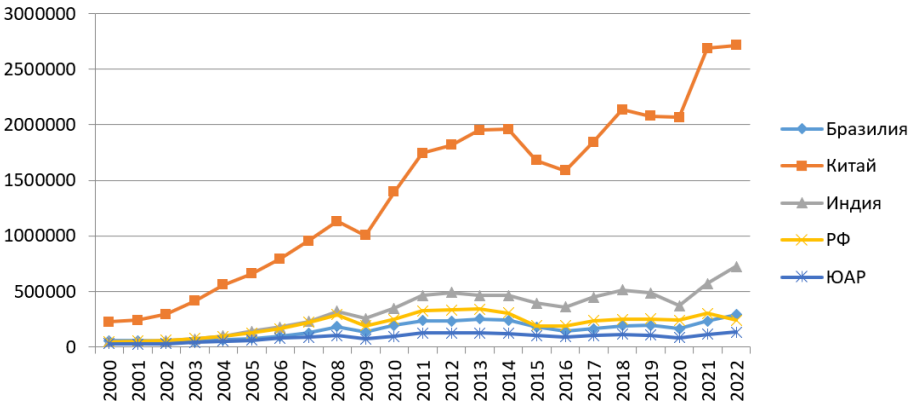

Рис. 12. Импорт стран БРИКС в 2000–2022 г. (в млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

В то же время международная торговля неравномерно дифференцирована по странам, как и ПИИ. При этом Новые страны БРИКС диф-

ференцированы по стоимостному объему экспорта (рис. 13) и импорта (рис. 14).

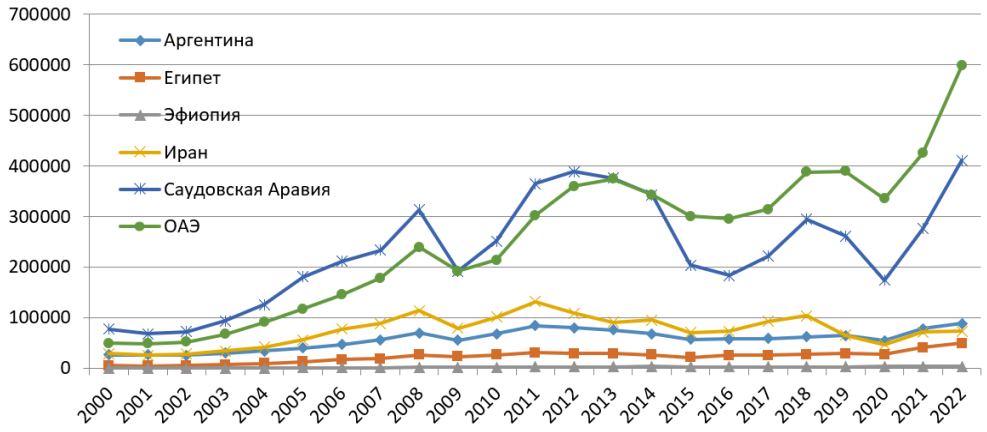

Рис. 13. Динамика экспорта новых стран БРИКС
в 2000–2022 гг. (в млн долларов)

Как видно из рис. 13 и 14, внешняя торговля Саудовской Аравии и ОАЭ остается весьма волатильной, в то время как у остальных государств ее рост и волатильность существенно ниже.

И хотя, безусловно, в мировой торговле доля стран БРИКС + возрастет, остается открытым вопрос о том, насколько удастся стабилизировать ситуацию с волатильностью внешней торговли, особенно в странах, зависимых от экспорта сырья.

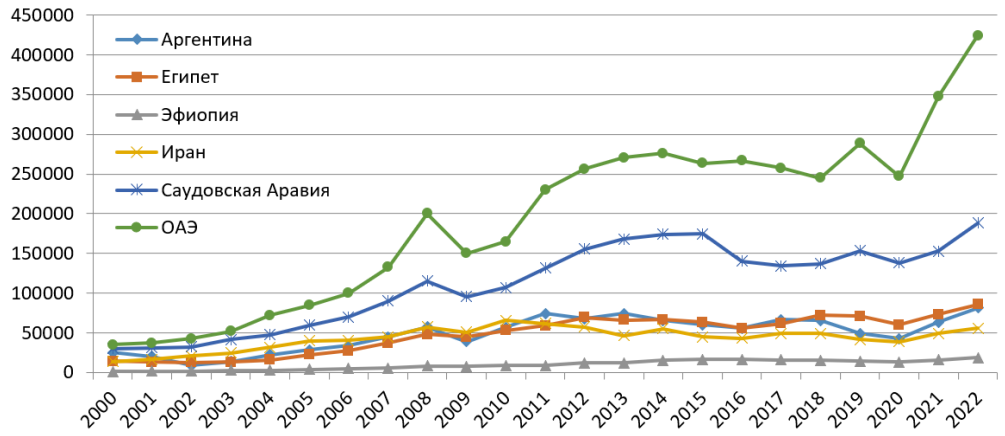

Рис. 14. Динамика импорта новых стран БРИКС
в 2000–2022 гг. (в млн долларов)

Заключение

Исследование показывает, что экономический потенциал БРИКС значителен и сохраняет тенденцию к росту на протяжении более чем 20-летнего периода. Сохранение нынешних темпов роста обеспечивает БРИКС все более значимую роль и влияние в мировой экономике в производстве ВВП, ПИИ, торговле, финансовой сфере. В связи с этим страны (нынешние и потенциальные) БРИКС крайне заинтересованы в стабильном и предсказуемом порядке в сфере международных экономических отношений, прежде всего в торговле и финансовой системе. Это, на наш взгляд, побудило их начать формирование прозрачных и взаимовыгодных торгово-экономических отношений во взаимном товарообмене и валютной сфере на основе справедливых конкурентных отношений, избегая политизации и внерыночного давления, навязывания подходов во внеэкономической сфере, в том числе с третьими странами. В случае глобальных угроз странам БРИКС особенно важно использовать возможности роста национальных экономик на основе усиления международного сотрудничества внутри межгосударственного объединения. Во многом вызовы странам БРИКС связаны с антироссийскими санкциями и торговой войной против Китая, которую инициировали США.

На наш взгляд, потенциал БРИКС существенно увеличится за счет расширения организации. Однако также вырастут и риски. Это связано с дальнейшим ростом дифференциации стран – участниц БРИКС по всем макроэкономическим показателям, ростом давления на страны БРИКС и новые государства со стороны западных «партнеров», заинтересованных в сдерживании не только отдельных государств (России и Китая), но и БРИКС в целом как межгосударственного объединения. Эта ситуация может инициировать и/или активизировать существующие противоречия в двусторонних отношениях между странами БРИКС + и в результате усилить глобальную страновую нестабильность. К тому же количественный рост может запустить процесс поляризации в БРИКС + и формирование различных групп в рамках объединения.

Список литературы

1. *Арапова Е. Я.* Перспективы экономической интеграции в формате БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 2. – С. 32–47.

2. *Балыхин М. Г., Шайлиева М. М., Цыпин А. П.* Статистический анализ экономического развития стран БРИКС // Статистика и Экономика. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 18–28. – DOI: http://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-2-18-28

3. *Виноградов А. В.* Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Россия и БРИКС: стратегические цели и инструменты их достижения. – М. : НКИ БРИКС, 2013.

4. *Ли Ц.* Состояние и перспективы международного сотрудничества в рамках БРИКС+ // Управленческое консультирование. – 2020. – № 3 (135). – С. 110–120. – DOI: http://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-3-110-120

5. *Матризаев Б. Д.* БРИКСЭЛЕВЕНомика: исследование принципов формирования неоглобального равновесия и экономического роста // Теоретическая экономика. – 2022. – № 10 (94). – С. 115–131. – DOI: http://doi.org/10.52957/22213260_2022_10_115.

6. *Молдован А. А.* Инвестиции между странами БРИКС // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 53. – С. 1366–1370.

7. *Пахомов А. А.* БРИКС набирает вес. Страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» // Азия и Африка сегодня. – 2012. № 4 (657). С. 16–23.

8. *Полещенко Д. В., Слободяник В. В.* Российско-китайские внешнеторговые отношения в условиях санкций // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 3. – С. 94–112. – DOI: http://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-3-94-112

9. *Попова И. В., Никитина И. П.* Особенности экономического развития стран БРИКС // Финансы, деньги, инвестиции. – 2018. – № 1 (65). – С. 13–17.

10. *Прогунова Л. В.* Тренды прямых иностранных инвестиций стран БРИКС // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 6 (731). – С. 34–43.

11. *Сенюк Н. Ю.* Прямые международные инвестиции как средство экономического соразвития стран БРИКС в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 1 (113). – С. 151–179. – DOI: http://doi.org/10.31249/ape/2022.01.06

12. *Троицкий М. А.* Китайский фактор в российско-американских отношениях // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 1 (14). – С. 96–101.

13. *Фитуни Л., Абрамова И.* Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 7. – С. 3–15.

14. *Шкваря Л. В.* Внешнеторговое сотрудничество стран ССАГПЗ и БРИКС: современные особенности и тенденции // БРИКС: сотрудничество в целях развития : материалы IV Международной научной конференции. – М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2014. – С. 33–37.

15. *Шкваря Л. В.* Российско-европейские санкции и их влияние на региональные и глобальные экономические процессы // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 7 (84). – С. 349–353.

16. *Янова И. И.* БРИКС: история создания // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2015. – № 9 (49). – С. 71–74.

17. *Assanseitova S. M., Abil E. K., Makhatova S. A.* EAEU and BRICS: State and Prospects of Cooperation // Current Problems of the World Economy and International Trade. – Vol. 42. – Leeds : Emerald Publishing Limited, 2022. – P. 161–173. – DOI: 10.1108/S0190-128120220000042016

18. *Bremmer I.* Taking a Brick out of BRIC // Fortune. – 2006. – February 20.

19. BRICS Investment Report 2023. – P. 9. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diae2023d1_en.pdf

20. *Cooper J.* Russia as a BRIC: Only a Dream? University of Birmingham European Research Institute. – Birmingham, 2006.

21. *Li L.* BRICS: A Limited Role in Transforming the World // Strategic Analysis. – 2019. – Vol. 43 (6). – P. 499–508. – DOI: http://doi.org/10.1080/09700161.2019.1677017

22. *O'Neill J.* Building better Global Economic BRICs // Goldman Sachs Global Economic Paper. – 2001. N 66.

23. *O'Neill J.* The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond. Penguin Books Limited, 2011.

24. *Ozarnov R.* Gravity Model of International Trade Among the EAEU, SCO and BRICS countries // Theoretical and Applied Economics. – 2020. – N 4. – P. 14–27. – DOI: http://doi.org/10.25136/2409-8647.2020.4.33954

25. *Perskaya V. V.* Main Directions of Deepening the BRICS Country Partnership: Based on a Comparative Analysis of National Development Strategies // Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. – 2019. – Vol. 4. – N 17. – P. 206–214.

26. Saudi Arabia Considering Chinese Bid to Build Nuclear Plant Report Says. – URL: https://www.aljazeera.com/economy/2023/8/25/saudi-arabia-considering-chinese-bid-to-build-nuclear-plant-report-says

27. *Toloraya G.* The BRICS for Better Global Governance: a Russian Perspective // BRICS and Global Governance. – London : Routledge, 2018. – P. 189–207.

28. World Investment Report 2023: Investing in Sustainable Energy for all. – P. 31. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_en.pdf

References

1. Arapova E. Ya. Perspektivy ekonomicheskoy integratsii v formate BRIKS [Prospects of Economic Integration in the BRICS Format]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2016, No. 2, pp. 32–47. (In Russ.).

2. Balykhin M. G., Shaylieva M. M., Tsypin A. P. Statisticheskiy analiz ekonomicheskogo razvitiya stran BRIKS [Statistical Analysis of the Economic Development of the BRICS Countries]. *Statistika i Ekonomika* [Statistics and Economics], 2020, Vol. 17, No. 2, pp. 18–28. (In Russ.). DOI: http://doi.org/ 10.21686/2500-3925-2020-2-18-28

3. Vinogradov A. V. Dialogovyy format BRIKS i ego rol v stanovlenii mnogopolyarnogo mira [The BRICS Dialogue Format and Its Role in the Formation of a Multipolar World]. *Rossiya i BRIKS: strategicheskie tseli i instrumenty ikh dostizheniya* [Russia and the BRICS: Strategic Goals and Tools to Achieve Them]. Moscow, NKI BRIKS, 2013. (In Russ.).

4. Li Ts. Sostoyanie i perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v ramkakh BRIKS+ [The State and Prospects of International Cooperation Within the Framework of BRICS+]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management Consulting], 2020, No. 3 (135), pp. 110–120. (In Russ.). DOI: http://doi.org/ 10.22394/1726-1139-2020-3-110-120

5. Matrizaev B. D. BRIKSELEVENomika: issledovanie printsipov formirovaniya neoglobalnogo ravnovesiya i ekonomicheskogo rosta [Brixelevenomics: a Study of the Principles of the Formation of Neo-Global Equilibrium and Economic Growth] *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical Economics], 2022, No. 10 (94), pp. 115–131. (In Russ.). DOI: http://doi.org/ 10.52957/22213260_2022_10_115.

6. Moldovan A. A. Investitsii mezhdu stranami BRIKS [Investments between the BRICS Countries]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie* [Innovations. Science. Education], 2022, No. 53, pp. 1366–1370. (In Russ.).

7. Pakhomov A. A. BRIKS nabiraet ves. Strany BRIKS v mirovom «klube investorov» [BRICS Countries in the Global "Club of Investors"]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2012. No. 4 (657), pp. 16–23. (In Russ.).

8. Poleshchenko D. V., Slobodyanik V. V. Rossiysko-kitayskie vneshnetorgovye otnosheniya v usloviyakh sanktsiy [Russian-Chinese Foreign Trade Relations under Sanctions]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2022, No. 3, pp. 94–112. (In Russ.). DOI: http://doi.org/ 10.24412/2072-8042-2022-3-94-112

9. Popova I. V., Nikitina I. P. Osobennosti ekonomicheskogo razvitiya stran BRIKS [Features of the Economic Development of the BRICS Countries]. *Finansy, dengi, investitsii* [Finance, Money, Investments], 2018, No. 1 (65), pp. 13–17. (In Russ.).

10. Progunova L. V. Trendy pryamykh inostrannykh investitsiy stran BRIKS [Trends in Foreign Direct Investment of the BRICS Countries]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2018, No. 6 (731), pp. 34–43. (In Russ.).

11. Senyuk N. Yu. Pryamye mezhdunarodnye investitsii kak sredstvo ekonomicheskogo sorazvitiya stran BRIKS v usloviyakh pandemii COVID-19 [Direct International Investments as a Means of Economic Co-Development of

the BRICS Countries in the Context of the COVID-19 Pandemic]. *Aktualnye problemy Evropy* [Actual Problems of Europe], 2022, No. 1 (113), pp. 151–179. (In Russ.). DOI: http://doi.org/10.31249/ape/2022.01.06

12. Troitskiy M. A. Kitayskiy faktor v rossiysko-amerikanskikh otnosheniyakh [The Chinese Factor in Russian-American Relations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2014, No. 1 (14), pp. 96–101. (In Russ.).

13. Fituni L., Abramova I. Zakonomernosti formirovaniya i smeny modeley mirovogo ekonomicheskogo razvitiya [Patterns of formation and Change of Models of World Economic Development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2012, No. 7, pp. 3–15. (In Russ.).

14. Shkvarya L. V. Vneshnetorgovoe sotrudnichestvo stran SSAGPZ i BRIKS: sovremennye osobennosti i tendentsii [Foreign Trade Cooperation of the GCC and BRICS Countries: Modern Features and Trends]. B*RIKS: sotrudnichestvo v tselyakh razvitiya, materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [BRICS: Cooperation for development, Materials of the IV International Scientific Conference. National Committee]. Moscow, Rossiyskiy universitet druzhby narodov (RUDN), 2014, pp. 33–37. (In Russ.).

15. Shkvarya L. V. Rossiysko-evropeyskie sanktsii i ikh vliyanie na regionalnye i globalnye ekonomicheskie protsessy [Russian-European Sanctions and Their Impact on Regional and Global Economic Processes]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2017, No. 7 (84), pp. 349–353. (In Russ.).

16. Yanova I. I. BRIKS: istoriya sozdaniya [BRICS: the History of Creation]. *Aktualnye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Current Issues of Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History], 2015, No. 9 (49), pp. 71–74. (In Russ.).

17. Assanseitova S. M., Abil E. K., Makhatova S. A. EAEU and BRICS: State and Prospects of Cooperation. *Current Problems of the World Economy and International Trade*, Vol. 42. Leeds, Emerald Publishing Limited, 2022, pp. 161–173. DOI: 10.1108/S0190-128120220000042016

18. Bremmer I. Taking a Brick out of BRIC. *Fortune,* 2006, February 20.

19. BRICS Investment Report 2023, p. 9. Available at: https://unctad. org/system/ files/ official-document/diae2023d1_en.pdf

20. Cooper J. Russia as a BRIC: Only a Dream? University of Birmingham European Research Institute. Birmingham, 2006.

21. Li L. BRICS: A Limited Role in Transforming the World. *Strategic Analysis*, 2019, Vol. 43 (6), pp. 499–508. DOI: http://doi.org/10.1080/ 09700161.2019.1677017

22. O'Neill J. Building better Global Economic BRICs. *Goldman Sachs Global Economic Paper*, 2001, No. 66.

23. O'Neill J. The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond. Penguin Books Limited, 2011.

24. *Ozarnov R.* Gravity Model of International Trade Among the EAEU, SCO and BRICS Countries. *Theoretical and Applied Economics*, 2020, No. 4, pp. 14–27. DOI: http://doi.org/10.25136/2409-8647.2020.4.33954

25. Perskaya V. V. Main Directions of Deepening the BRICS Country Partnership: Based on a Comparative Analysis of National Development Strategies. *Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades,* 2019, Vol. 4, No. 17, pp. 206–214.

26. Saudi Arabia Considering Chinese Bid to Build Nuclear Plant Report Says. Available at: https://www.aljazeera.com/economy/2023/8/25/saudi-arabia-considering-chinese-bid-to-build-nuclear-plant-report-says

27. Toloraya G. The BRICS for Better Global Governance: a Russian Perspective. *BRICS and Global Governance*. London, Routledge, 2018, pp. 189–207.

28. World Investment Report 2023: Investing in Sustainable Energy for all, p. 31. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_en.pdf

Сведения об авторе

Людмила Васильевна Шкваря
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: destard@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6653-939X

Information about the author

Lyudmila V. Shkvarya
Doctor of Economic Sciences,
Professor, Professor of the Department
of World Economics of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
Universityo f Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992,
Russian Federation.
E-mail: destard@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6653-939X

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-168-182

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ЕДИНОГО ИНСТИТУТА РАЗВИТИЯ НА ПРИМЕРЕ СТРАН БРИКС

А. Г. Глебова
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

В статье исследуется экосистемный подход как концептуальная основа для формирования единого института развития на примере стран БРИКС состава 2022 г. Цель исследования заключается в анализе возможности формирования единого института развития на основе экосистемного подхода на примере стран БРИКС. Объектом исследования выступают национальные и международные институты развития, а предметом – механизмы институционального управления, основанные на экосистемном подходе. Автор анализирует особенности применения экосистемного подхода в национальных и международных институтах развития, уделяя особое внимание механизмам институционального управления и их адаптации к современным вызовам. Рассматриваются основные преимущества экосистемного подхода, такие как повышение прозрачности, снижение транзакционных издержек и интеграция цифровых технологий. В статье подчеркивается значимость реформы системы институтов развития в России, включая создание единого института на базе ВЭБ.РФ. Приводятся примеры успешной реализации экосистемного подхода в странах БРИКС, а также перспективы использования таких моделей для обеспечения устойчивого экономического роста. Исследование основывается на методах системного, структурно-функционального и институционального анализа, что позволяет автору предложить эффективные решения для повышения устойчивости экономических систем в условиях глобальной нестабильности.
Ключевые слова: экономический рост, цифровизация, концепция одного окна, ВЭБ.РФ.

THE ECOSYSTEM APPROACH TO ESTABLISHING A UNIFIED DEVELOPMENT INSTITUTION: THE CASE OF BRICS COUNTRIES

Anna G. Glebova
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

The article explores the ecosystem approach as a conceptual framework for establishing a unified development institution, with a focus on BRICS countries. The purpose of the study is to analyze the possibility of forming a single development institution based on an ecosystem approach using the example of the BRICS countries. The object of the study is national and international development institutions, and the subject is institutional management mechanisms based on an ecosystem approach. The author analyzes the specific application of the ecosystem

approach in national and international development institutions, emphasizing institutional management mechanisms and their adaptation to contemporary challenges. The study highlights the key advantages of the ecosystem approach, such as increased transparency, reduced transaction costs, and the integration of digital technologies. Particular attention is given to the reform of the development institution system in Russia, including the creation of a unified institution based on VEB.RF. Examples of successful implementation of the ecosystem approach in BRICS countries are presented, along with prospects for utilizing such models to ensure sustainable economic growth. The research employs methods of systems, structural-functional, and institutional analysis, enabling the author to propose effective solutions for enhancing the resilience of economic systems amidst global instability.
Keywords: economic growth, digitalization, Single Window concept, VEB.RF.

Введение

В современных условиях мировой экономический порядок испытывает значительные трансформации, обусловленные ускорением процессов глобализации и регионализации. Эти изменения предъявляют новые требования к механизмам управления экономическим развитием на национальном и международном уровне. Особое внимание в этом контексте следует уделить группе БРИКС[1], которая выступает не только как форум для сотрудничества развивающихся экономик, но и как полигон для инновационных подходов к экономической политике. Актуальность данного исследования заключается в необходимости разработки комплексного подхода к созданию устойчивых механизмов содействия экономическому развитию на основе экосистемного подхода. Экосистемный подход позволяет рассматривать экономическую систему как совокупность взаимосвязанных элементов, что способствует более эффективному распределению ресурсов и повышению общей устойчивости.

В международной практике к институтам развития относят организации, созданные для содействия социально-экономическому развитию стран-членов таких институтов и обеспечения стабильности мировой экономики. Они предоставляют финансовую и техническую помощь, способствуют реализации инфраструктурных проектов и поддерживают реформы в различных секторах экономики.

Вопросы функционирования и эффективности международных институтов развития подробно исследованы. В частности, в рабочих документах Всемирного банка представлен глобальный обзор банков развития [7]. Основной акцент в документе сделан на роли развивающихся банков как важного инструмента правительств для стимулирования экономического роста через предоставление кредитов и разнообразных консультационных программ по наращиванию потенциала для частных лиц, малых и средних предприятий, а также крупных корпораций, которые не

[1] В статье приводятся примеры по странам БРИКС состава 2022 г.: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика.

обслуживаются частными коммерческими банками или местными капитальными рынками.

В статье анализируется, как функционируют банки развития, какие политические задачи перед ними ставятся, какие финансовые услуги они предлагают, какого рода клиентов они обслуживают, как они регулируются и контролируются, какие бизнес-модели и управленческие структуры у них приняты, и с какими вызовами они сталкиваются. Особое внимание уделено антициклической роли, которую играли банки развития во время финансового кризиса 2008–2009 гг., а также подчеркнута их важность в стабилизации кредитования в периоды экономической нестабильности.

Исследование основано на данных, собранных из 90 национальных банков развития в 61 стране, что дает представление о различных подходах и стратегиях, которые могут быть использованы для улучшения работы и эффективности этих институтов. Подробно исследована их деятельность. В частности, авторы на примере банков развития Латинской Америки показывают необходимую связь между национальными банками развития, региональными банками и планами инфраструктуры [14], что требуется для создания спроса, а также предложения для портфеля проектов. Авторы отмечают, что в период, когда во всем мире создавались новые банки развития, банкинг в Латинской Америке, напротив, находился в упадке, несмотря на поддержку нового регионального Banco del Sur на фоне быстрого создания и активного функционирования многостороннего Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (ранее – Новый банк развития БРИКС).

Автор исследования изучает возникновение Нового банка развития и Азиатского инфраструктурного инвестиционного банка [16]. Анализируется, как эти институты могут дополнять традиционные многосторонние банки развития, рассматриваются их структуры, масштабы и проекты. Особое внимание уделяется тому, как они могут повлиять на существующие международные финансовые структуры и как могут быть использованы для сотрудничества в сфере развития финансирования.

Для согласования стратегий информационных технологий (ИТ) и бизнеса в южноафриканских банках развития разработаны рамочные структуры. По мнению авторов, для улучшения эффективности и достижения успеха банки должны выровнять свои ИТ-стратегии со своими бизнес-стратегиями. Согласование этих стратегий может привести к улучшению показателей работы банков, что особенно актуально для обеспечения стабильного выполнения их функций в условиях финансовых потерь, которые испытывают южноафриканские банки развития в последние годы [10].

В целом, изучая эти и многие другие работы, можно сделать вывод, что международные и национальные институты развития в основном

представлены банками и государственными специализированными институтами, поскольку именно эти структуры обладают необходимыми финансовыми ресурсами и возможностями для реализации масштабных инфраструктурных и инвестиционных проектов. Банки и специализированные институты обеспечивают доступ к крупным источникам финансирования и способны эффективно управлять инвестициями, что критично для долгосрочного развития и модернизации экономики. Кроме того, они имеют политическую поддержку, что позволяет им снижать риски и привлекать частные и международные инвестиции в сложных экономических условиях.

Понятие экосистемного подхода

В международных отношениях понятие экосистемного подхода используется преимущественно в трактовке Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (англ. Food and Agriculture Organization of the United Nations, FAO(англ. Food and Agriculture Organization of the United Nations, FAO) [15]. По определению FAO, «экосистемный подход – это стратегия комплексного управления земельными, водными и живыми ресурсами, которая способствует сохранению и устойчивому использованию на справедливой основе. ... В этом определении не указывается какая-либо конкретная пространственная единица или масштаб... Таким образом, термин «экосистема» не обязательно соответствует терминам «биом» или «экологическая зона», но может относиться к любой функционирующей единице любого масштаба. … Экосистемный подход требует адаптивного управления, чтобы справляться со сложной и динамичной природой экосистем и отсутствием полного знания или понимания их функционирования. Экосистемные процессы часто являются нелинейными, и результат таких процессов часто проявляется с задержкой во времени. В результате возникают разрывы, которые приводят к неожиданностям и неопределенности. Управление должно быть адаптивным, чтобы реагировать на такую неопределенность и включать элементы «обучения на практике» или обратной связи с исследователями. Меры могут потребоваться даже в тех случаях, когда причинно-следственные связи еще не полностью установлены с научной точки зрения. Экосистемный подход основан на применении соответствующих научных методов, ориентированных на уровни биологической организации, которые охватывают основные структуры, процессы, функции и взаимодействия между организмами и их средой обитания. Он признает, что люди с их культурным разнообразием являются неотъемлемой частью многих экосистем».

Такое определение позволяет использовать понятие экосистемного подхода в качестве стратегии комплексного управления в бизнес-среде [3; 4], а также в сфере государственного управления [2; 9].

В государственном управлении экосистемный подход чаще всего реализуется в создании цифровой платформы по оказанию государственных услуг либо платформы, обеспечивающей доступ к комплексу контролируемых государством услуг, информации и ресурсов [1]. Так, можно отметить целый ряд существующих инструкций, в том числе созданных институтами развития стран БРИКС, по созданию и внедрению цифровых платформ, функционирующих по принципу одного окна: обзор лучших мировых практик и перспективы концепции единого окна [12], обзор внедрения концепции единого окна, которая была принята правительствами нескольких стран с целью рационализации и упрощения нормативных требований при трансграничном перемещении товаров [6], предложения по развитию международной системы единого окна [8], руководство по планированию и внедрению системы единого окна, предложенное ООН [13], методическая записка «Национальное единое окно» Азиатского банка развития[1].

Особого внимания заслуживает научное исследование Ндериту Ндонги [11], посвященное вопросам упрощения торговли и применения системы единого окна (Single Window, SW) как инструмента развития в развивающихся странах. По мнению Денниса Ндериту Ндонги, внедрение SW-систем способствует снижению коррупции на таможне, привлечению иностранных инвестиций и повышению эффективности государственной службы. Он утверждает, что использование систем единого окна может стать важным инструментом для развивающихся стран, помогая облегчить международную торговлю за счет упрощения процедур и уменьшения административных барьеров. В статье также обсуждаются примеры международного применения SW, включая их роль в стимулировании электронной торговли, расширении торговых потоков и поддержке правительственных инициатив в области электронного управления. Также автор рассматривает проблемы, с которыми сталкиваются развивающиеся страны при внедрении подобных систем, а именно: нехватку ресурсов, слабую инфраструктуру и коррупцию на таможне. Ндонга подчеркивает, что успешное внедрение SW-систем может стимулировать экономическое развитие, улучшить интеграцию стран в международные торговые сети и способствовать социально-экономическому росту.

Таким образом, экосистемный подход к управлению экономическими процессами представляет собой стратегию формирования интегрированной сети взаимосвязанных участников и организаций, которые взаимодействуют для создания комплексных ценностных предложений и обеспечения устойчивого роста. Данный подход ориентирован на повышение эффективности взаимодействия через использование межотрасле-

[1] Национальное единое окно: методическая записка / Азиатский банк развития, 2022.

вых и межсекторных связей, развитие цифровых платформ, а также совместное использование ресурсов.

Экосистемы представляют собой сочетание финансовых и нефинансовых элементов, объединяющих как государственные, так и частные институты развития [5]. Их целью является создание условий, которые стимулируют инновации, способствуют цифровой трансформации и укрепляют конкурентные преимущества. Экосистемный подход ориентирован на снижение транзакционных издержек и повышение гибкости управления через интеграцию современных технологий и активное взаимодействие с ключевыми заинтересованными сторонами. Их основная задача заключается в формировании среды, обеспечивающей устойчивый экономический рост и позволяющей быстро приспособиться к изменениям в условиях глобальной нестабильности и усиливающихся санкционных ограничений.

Применение бизнес-экосистем в государственных структурах стран БРИКС включает следующие инициативы:

1. Бразилия – Национальная система единого окна (Sistema Nacional de Informações de Comércio Exterior – SISCOMEX) интегрирует различные государственные службы, участвующие в процессах экспорта и импорта, упрощает и ускоряет торговые операции, снижает затраты для предпринимателей и повышает эффективность государственного контроля (URL: https://www.siscomex.gov.br/).

2. Индия – система единого окна Indian Customs Electronic Gateway (ICEGATE) связывает более 15 партнерских организаций, включая портовые терминалы, банки и другие государственные службы, позволяет предпринимателям управлять своими таможенными операциями в электронном виде на единой платформе (URL: https://www.icegate.gov.in/).

3. Южно-Африканская Республика – таможенная система единого окна Integrated Customs Management System (ICMS) обеспечивает сбор, обработку и анализ таможенных данных, улучшая тем самым контроль за перемещением товаров через границу и ускоряя таможенные процедуры (URL: https://www.sars.gov.za/customs-and-excise/). Кроме того, в ЮАР внедрена система «Электронное правительство», которая включает в себя различные онлайн-сервисы для граждан и бизнеса, в том числе подачу заявлений, получение документов и выполнение других государственных услуг через единую платформу (URL: https://www.gov.za/services/online-services).

4. Китай – проект China National Single Window» (CNSW) объединяет 76 различных организаций и агентств в единую систему для облегчения международной торговли и сокращения времени на таможенное оформление (URL: http://www.singlewindow.cn/).

Эти инициативы демонстрируют, как подход бизнес-экосистемы может быть интегрирован в государственные структуры для улучшения процессов и повышения эффективности в различных сферах.

Институты развития

Институты развития играют ключевую роль в поддержке проектов, направленных на модернизацию инфраструктуры, развитие транспортной сети, энергетики и других отраслей, которые являются основой для экономического роста, неотъемлемой частью экосистемного подхода к управлению экономическими процессами. Они создают инфраструктуру, необходимую для реализации инновационных проектов, поддерживают предпринимательство и способствуют снижению межрегиональных диспропорций. В условиях глобальной нестабильности и усиления санкционного давления роль институтов развития становится еще более значимой, так как они обеспечивают устойчивость экономики и ее адаптацию к новым условиям.

Можно выделить следующие уровни специализированных институтов развития:

– международные (многосторонние), например, группа Всемирного банка;

– региональные, такие как Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР); Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития (НБР), Евразийский банк развития (ЕАБР) и др.;

– национальные.

На примере Российской Федерации *национальные* институты развития можно разделить на общероссийские (федеральный уровень); региональные (уровень субъектов Федерации).

Федеральные и региональные институты развития играют важную роль в стимулировании социально-экономического роста, обеспечивая комплексную поддержку на макро- и на микроуровне. Федеральные институты, такие как ВЭБ.РФ, сосредоточены на реализации крупных инфраструктурных проектов, которые способствуют модернизации экономики и улучшению ее конкурентоспособности на международной арене. Одним из ключевых аспектов их деятельности является поддержка приоритетных отраслей экономики (транспорта, энергетики и высоких технологий), что позволяет усилить интеграцию страны в глобальные экономические процессы.

Региональные институты в свою очередь ориентированы на поддержку предпринимательства и развитие конкретных территорий с учетом их специфики и потребности. Примеры таких институтов включают региональные агентства развития, которые активно работают над привлечением инвестиций и стимулированием инновационной деятельно-

сти в малых и средних предприятиях. Их роль особенно важна в снижении межрегиональных диспропорций и создании условий для более сбалансированного экономического развития России.

Взаимодействие федеральных и региональных институтов развития позволяет создавать целостную систему поддержки, охватывающую все уровни экономики. Это сотрудничество помогает более эффективно использовать ресурсы, избегать дублирования функций и обеспечивать координацию между различными уровнями управления.

На региональном уровне институты развития прилагают значительные усилия для привлечения инвестиций в инновационные сектора экономики, такие как информационные технологии и биотехнологии. Такие меры способствуют созданию новых рабочих мест и стимулируют формирование региональных инновационных центров, что в свою очередь способствует росту экономического потенциала регионов и повышению их конкурентоспособности на национальном и международном уровне. Создание технопарков и бизнес-инкубаторов играет важную роль в формировании благоприятной среды для развития инноваций и предпринимательства.

Таким образом, федеральные и региональные институты развития, действуя в рамках экосистемного подхода, создают условия для устойчивого и сбалансированного экономического роста. Их взаимодействие позволяет учитывать специфику каждого региона, обеспечивать координацию действий на всех уровнях управления и использовать синергетический эффект для достижения национальных целей развития. В условиях глобальной нестабильности и усиления санкционного давления эти институты становятся важными инструментами, обеспечивающими устойчивость экономики и ее адаптацию к новым вызовам.

Реформа системы институтов развития в России

Реформа системы институтов развития в России, проведенная в 2020 г., стала ключевым этапом на пути к созданию интегрированной и эффективной системы управления экономическими процессами. Основной целью реформы было создание единого механизма управления институтами развития, что позволило устранить дублирование функций и увязать деятельность институтов с национальными целями развития. В рамках этой реформы был создан единый институт развития на базе ВЭБ.РФ, который объединил функции нескольких специализированных организаций и тем самым позволил оптимизировать управление ресурсами и повысить эффективность работы[1].

Одной из основных задач реформы было устранение пересечения функций между институтами развития и органами государственной вла-

[1] *Кузьмин В.* Мишустин объявил о реорганизации в системе институтов развития // Российская газета. – 2020. – 23 ноября.

сти, а также коммерческими организациями. В результате была создана более четкая структура управления и скоординирована деятельность между различными участниками экономических процессов. Реформа также предусматривала сохранение специализированных институтов, выполняющих уникальные функции, что позволило сохранить гибкость системы и обеспечить ее адаптивность к изменяющимся условиям. В результате проведенной реформы были объединены институты со схожими видами деятельности, что способствовало сокращению издержек на управление и повысило эффективность использования государственных ресурсов.

Создание единого института развития на базе ВЭБ.РФ – важный шаг на пути к формированию интегрированной системы поддержки экономического роста. ВЭБ.РФ стал центральным элементом этой системы, сосредоточив в себе функции по финансированию крупных инфраструктурных проектов, поддержке высокотехнологичных отраслей и стимулированию инновационного развития. Важным аспектом реформы является усиление взаимодействия между федеральными и региональными институтами развития на основе целостной и согласованной системы поддержки экономического роста на всех уровнях.

Реформа также предусматривала создание механизмов для повышения прозрачности деятельности институтов развития и улучшения контроля за их работой. Внедрение цифровых платформ и современных технологий открыло возможности для автоматизации управленческих процессов и качественного улучшения взаимодействия между различными участниками экономической системы. Использование цифровых решений позволило не только существенно сократить транзакционные издержки, но и повысить общую эффективность работы институтов развития, что является особенно важным фактором в условиях ограниченности ресурсов и необходимости их рационального распределения.

Одним из наиболее успешных примеров реализации экосистемного подхода на региональном (местном) уровне стало создание портала «Мои документы», предоставляющего государственные услуги через механизм единого окна. Такая инициатива значительно упростила доступ населения к государственным сервисам и повысила их качество, минимизируя бюрократические барьеры и улучшая взаимодействие между государством и гражданами[1].

Для бизнеса созданы аналогичные механизмы, такие как проект «Свои технологии», направленный на поддержку инновационного предпринимательства и развитие малых и средних предприятий[2].

---

[1] Единая справочная система центров государственных и муниципальных услуг Российской Федерации «Мои документы». – URL: https://моидокументы.рф

[2] Переводите бизнес на Свои технологии: Программа поддержки импортозамещения инноваций в Москве. – URL: https://i.moscow/ourtechnology

Подведение итогов реформы институтов развития показывает, что экосистемный подход позволяет значительно улучшить координацию между различными уровнями управления и создать условия для более устойчивого и сбалансированного экономического роста.

Преимущества использования экосистемного подхода к формированию единого института развития

Применение экосистемного подхода при создании и функционировании институтов развития практически на каждом уровне управления позволит получить ряд эффектов:

1. *Повышение эффективности использования бюджетных средств за счет сокращения дублирования функций и оптимизации процессов управления*. Федеральные и региональные институты активно работают над тем, чтобы каждая единица вложенных средств приносила максимальный эффект для экономики и способствовала достижению национальных целей развития. В условиях ограниченных ресурсов такой подход позволяет обеспечить наибольшую отдачу от государственных инвестиций и повысить конкурентоспособность российской экономики на мировой арене.

2. *Создание более гибкой и адаптивной системы управления экономическими процессами* учитывает потребности всех участников и обеспечивает устойчивое развитие в условиях глобальных вызовов. Внедрение цифровых технологий, развитие государственно-частного партнерства и активное взаимодействие между различными уровнями управления способствуют повышению эффективности работы институтов развития и созданию условий для долгосрочного экономического роста и повышения качества жизни граждан. Экосистемный подход позволяет эффективно интегрировать деятельность институтов развития на всех уровнях, создавая условия для устойчивого экономического роста и повышения качества жизни граждан.

3. *Повышение прозрачности, эффективности и подотчетности в использовании государственных ресурсов*. Одним из важных направлений работы институтов развития является развитие цифровых платформ для улучшения взаимодействия между государством, бизнесом и гражданами. Внедрение цифровых решений способствует существенному повышению прозрачности, эффективности и подотчетности в процессе управления государственными ресурсами. Это особенно важно в условиях ограниченных бюджетных возможностей и необходимости их рационального использования.

4. *Поддержка образовательных инициатив, направленных на подготовку кадров для высокотехнологичных отраслей экономики*. Это особенно важно в условиях растущего спроса на квалифицированных специалистов, способных работать в условиях цифровой трансформации и быстро меняющихся экономических реалий. Поддержка таких образовательных про-

грамм способствует формированию кадрового резерва, необходимого для дальнейшего инновационного развития страны.

5. *Более эффективная интеграция научных исследований и разработок в экономику* является важным фактором для повышения ее конкурентоспособности. В рамках данного подхода создаются условия для активного взаимодействия между научными учреждениями, бизнесом и государственными органами, что позволяет ускорить процесс внедрения инноваций и повысить их коммерческую привлекательность. Это особенно важно для таких отраслей, как информационные технологии, биотехнологии и зеленая энергетика, где научные достижения играют ключевую роль в обеспечении конкурентных преимуществ.

6. *Улучшение инвестиционного климата в регионах и создание условий для привлечения частных инвестиций в приоритетные отрасли экономики*. Региональные институты развития, действуя в рамках экосистемного подхода, активно работают над созданием благоприятных условий для инвесторов, что позволяет ускорить экономический рост и повысить конкурентоспособность регионов.

7. *Поддержка экспортно ориентированных отраслей* способствует диверсификации экономики и снижению ее зависимости от внешних факторов. В современных условиях развитие экспорта высокотехнологичных товаров и услуг становится одним из приоритетных направлений, которое поддерживается как на федеральном, так и на региональном уровне.

8. *Укрепление позиции страны на международной арене и обеспечение ее интеграции в глобальную экономику*. Благодаря взаимодействию с международными и региональными институтами развития, такими как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития, Евразийский банк развития и др., Россия получает доступ к передовым технологиям и знаниям, которые необходимы для успешной реализации крупных инфраструктурных и социальных проектов.

Таким образом, экосистемный подход, реализуемый через федеральные и региональные институты развития, направлен на создание комплексной и гибкой системы поддержки экономического роста. Взаимодействие между институтами позволяет учитывать специфику каждого региона, обеспечивать доступность государственных услуг и эффективно использовать ограниченные ресурсы. Это особенно важно в условиях глобальных вызовов и необходимости обеспечения устойчивости экономики к внешним и внутренним изменениям.

Заключение

Таким образом, экосистемный подход к формированию единого института развития представляет собой эффективный инструмент для адаптации экономики к изменениям и обеспечения ее устойчивого развития. Федеральные и региональные институты, действуя в рамках еди-

ной стратегии, создают условия для реализации крупных проектов, поддерживают предпринимательство и инновации, а также способствуют созданию благоприятной среды для жизни и работы граждан. В условиях глобальной нестабильности и усиления санкционного давления такая модель управления становится основой для долгосрочного и сбалансированного роста экономики России.

Экосистемный подход направлен на достижение устойчивого экономического роста посредством взаимодействия всех участников экономической системы, включая государственные и частные организации, научные учреждения и общественные структуры. Это взаимодействие позволяет эффективно использовать ресурсы, минимизировать транзакционные издержки и ускорить процесс принятия решений, что особенно важно в условиях глобальных вызовов.

Одним из значительных преимуществ экосистемного подхода является возможность комплексного использования ресурсов и инфраструктуры, что позволяет повысить эффективность работы всех институтов развития. Такая интеграция обеспечивает более полное использование всех доступных возможностей и способствует ускорению темпов развития как отдельных регионов, так и страны в целом.

Соответственно, экосистемный подход к формированию институтов развития показывает свою эффективность в условиях глобальной нестабильности и усиливающихся внешних вызовов. В условиях внешнеэкономических ограничений и необходимости модернизации национальной экономики такая модель управления становится основой для долгосрочного и сбалансированного роста экономики России на мировой арене.

Перспективы дальнейшего развития экосистемного подхода связаны с усилением роли региональных институтов и более активным привлечением частного сектора к реализации государственных программ. Государственно-частное партнерство становится важным элементом стратегии экономического развития, позволяющим объединить ресурсы и опыт государства и бизнеса для достижения общих целей. Такое партнерство способствует не только снижению нагрузки на бюджет, но и ускорению темпов реализации крупных проектов.

Список литературы

1. *Агапова А. В.* Развитие механизма единого окна в странах ЕАЭС на основе анализа зарубежного опыта // Международная торговля и торговая политика. – 2021. – Т. 7. – № 3 (27). – С. 149–162. – DOI: 10.21686/2410-7395-2021-3-149-162

2. *Бармина Е. А., Макарова М. В., Савельева Н. К., Созинов П. А., Фокина О. В.* Антимонопольное регулирование: экосистема рынка услуг

жилищно-коммунального хозяйства, элементы, практика и перспективы развития // Жилищные стратегии. – 2024. – Т. 11. – № 2. – С. 249–262. – DOI: 10.18334/zhs.11.2.120890.

3. *Ващекина И. В.* Применение международного опыта цифровой трансформации в дистанционном банковском обслуживании // Международная торговля и торговая политика. – 2020. – Т. 6. – № 4 (24). – С. 113–127. – DOI: 10.21686/2410-7395-2020-4-113-127.

4. *Глебова А. Г.* Финансовые и нефинансовые экосистемы: мировой опыт и российская практика // Страховое право. – 2021. – № 4 (93). – С. 17–20.

5. *Глебова А. Г., Ивановская Ж. В., Лукашенко И. В.* Финансовые технологии нефинансовых экосистем: мировая практика // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 72–80. – DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-1-72-80

6. *Choi J. Yo*. A Survey of Single Window Implementation: WCO Research Paper. – 2011. – N 17.

7. *De Luna-Martinez J., Vicente C. L.* Global Survey of Development Banks // World Bank Policy Research Working Paper. – 2012. – N 5969. – URL: https://ssrn.com/abstract=2006223

8. *Luddy W. J.* International Development of the Single Window. – URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/luddy.pdf

9. *Mariani J., Wince-Smith D. L., Evans Ch., Eggers W. D*. Revisiting the Government's Role in Catalyzing Modern Innovation // Deloitte. – 2023. – 20 July.

10. *Mongale A., Kekwaletswe R., Mogoale P.* A Framework for the Alignment of Information Technology and Business in South African Development Banks // International Journal of Innovative Science and Research Technology. – 2021. – Vol. 6. – N 10. – P. 1–6.

11. *Ndonga D. N.* Facilitating Trade for Development: Single Window Systems as a Tool. – 2019. May 13. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3384564

12. *Ponten J.* Single Window Best Practices and the Way Forward. – URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/ponten_sw_best_practice_and_the_way_forward.pdf

13. Single Window Planning and Implementation Guide. – New York : and Geneva : United Nations, 2012.

14. *Studart R., Ramos L.* The New Development Banks and the Financing of Transformation in Latin America and the Caribbean // Southern-Led Development Finance. – 1st ed. Routledge, London, 2020.

15. The Ecosystem Approach and Adaptive Management // Biological Management of Soil Ecosystems for Sustainable Agriculture : Report of the International Technical Workshop. FAO, 2003.

16. *Wang H.* New Multilateral Development Banks: Opportunities and Challenges for Global Governance // Global Policy. – 2017. – N 8. – P. 11–118. URL: https://doi.org/10.1111/1758-5899.12396

References

1. Agapova A. V. Razvitie mekhanizma edinogo okna v stranakh EAES na osnove analiza zarubezhnogo opyta [Development of the Single Window Mechanism in the EAEU Countries Based on the Analysis of International Experience]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2021, Vol. 7, No. 3 (27), pp. 149–162. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2021-3-149-162

2. Barmina E. A., Makarova M. V., Saveleva N. K., Sozinov P. A., Fokina O. V. Antimonopolnoe regulirovanie: ekosistema rynka uslug zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva, elementy, praktika i perspektivy razvitiya [Antimonopoly Regulation: Ecosystem of the Housing and Utilities Market, Elements, Practice, and Development Prospects]. *Zhilishchnye strategii*. [Housing Strategies], 2024, Vol. 11, No. 2, pp. 249–262. (In Russ.). DOI: 10.18334/zhs.11.2.120890.

3. Vashchekina I. V. Primenenie mezhdunarodnogo opyta tsifrovoy transformatsii v distantsionnom bankovskom obsluzhivanii [Application of International Experience in Digital Transformation in Remote Banking Services]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2020, Vol. 6, No. 4 (24), pp. 113–127. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2020-4-113-127.

4. Glebova A. G. Finansovye i nefinansovye ekosistemy: mirovoy opyt i rossiyskaya praktika [Financial and Non-Financial Ecosystems: Global Experience and Russian Practice]. *Strakhovoe pravo* [Insurance Law], 2021, No. 4 (93), pp. 17–20. (In Russ.).

5. Glebova A. G., Ivanovskaya ZH. V., Lukashenko I. V. Finansovye tekhnologii nefinansovykh ekosistem: mirovaya praktika [Financial Technologies of Non-Financial Ecosystems: Global Practices]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law], 2022, Vol. 15, No. 1, pp. 72–80. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-1-72-80

6. Choi J. Yo. A Survey of Single Window Implementation: WCO Research Paper, 2011, No. 17.

7. De Luna-Martinez J., Vicente C. L. Global Survey of Development Banks. *World Bank Policy Research Working Paper,* 2012, No. 5969. Available at: https://ssrn.com/abstract=2006223

8. Luddy W. J. International Development of the Single Window. Available at: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents /uncitral/en/luddy.pdf

9. Mariani J., Wince-Smith D. L., Evans Ch., Eggers W. D. Revisiting the Government's Role in Catalyzing Modern Innovation. *Deloitte*, 2023, 20 July.

10. Mongale A., Kekwaletswe R., Mogoale P. A Framework for the Alignment of Information Technology and Business in South African Development Banks. *International Journal of Innovative Science and Research Technology,* 2021, Vol. 6, No. 10, pp. 1–6.

11. Ndonga D. N. Facilitating Trade for Development: Single Window Systems as a Tool, 2019, May 13. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3384564

12. Ponten J. Single Window Best Practices and the Way Forward. Available at: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/ uncitral/en/ponten_sw_best_practice_and_the_way_forward.pdf

13. Single Window Planning and Implementation Guide. New York, Geneva, United Nations, 2012.

14. Studart R., Ramos L. The New Development Banks and the Financing of Transformation in Latin America and the Caribbean. *Southern-Led Development Finance*. 1st ed. Routledge, London, 2020.

15. The Ecosystem Approach and Adaptive Management. *Biological Management of Soil Ecosystems for Sustainable Agriculture,* Report of the International Technical Workshop. FAO, 2003.

16. Wang H. New Multilateral Development Banks: Opportunities and Challenges for Global Governance. *Global Policy*, 2017, No. 8, pp. 11–118. Available at: https://doi.org/10.1111/1758-5899.12396

Сведения об авторе

Анна Геннадьевна Глебова
доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры мировой экономики
и мировых финансов
Финансового университета.
Адрес: ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации», 125167,
Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.
E-mail: nauka_rf@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9449-6013

Information about the author

Anna G. Glebova
Doctor of Economics, Associate Professor,
Professor of the Department of World
Economy and World Finance
of the Financial University.
Address: Financial University
under the Government of the Russian
Federation, 49/2 Leningradskiy Avenue,
Moscow, 125167, Russian Federation.
E-mail: nauka_rf@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9449-6013

Требования, предъявляемые к статье
для публикации в журнале

Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.

Структура статьи должна включать следующие обязательные элементы:

1. **Заглавие** статьи (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).
2. **Инициалы и фамилию** автора(ов).
3. **Резюме** статьи (100–150 слов).
4. **Ключевые слова** (5–10 слов).
5. **Основной текст** (не более 30 тыс. знаков).
6. **Список литературы**.
7. **Сведения об авторе** (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, включая почтовый индекс, научная специализация, e-mail).

Название, аннотация статьи, ключевые слова, информация об авторах даются на русском и английском языке, пристатейный библиографический список на русском языке должен быть транслитерирован латиницей и переведен на английский язык.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова) в англоязычной версии указывать как **Plekhanov Russian University of Economics**.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволят облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

Авторское резюме статьи является кратким изложением научной работы. Результаты работы описывают предельно точно и информативно. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение. В авторском резюме не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии статьи.

1. ***Основная часть*** статьи должна содержать в себе теоретико-методологическую часть, в которой определяется и обосновывается выбор методов для решения поставленного вопроса или проблемы; демонстрацию количественных и качественных данных, полученных в

ходе реализации указанных методов и методик; обобщение и встраивание полученных результатов в интеллектуальную историю исследуемого предмета. Статья должна быть написана языком, понятным как специалистам в данной области, так и широкому кругу читателей, заинтересованных в обсуждении темы. Оригинальность текста должна быть более 80%.

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в **квадратных скобках** порядкового номера упоминаемого произведения из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого произведения [3. – С. 5].

Текст печатается в редакторе MS Word через полтора интервала с одной стороны бумаги формата А4 шрифтом Times New Roman размером 12 пт, страницы нумеруются.

Рисунки должны иметь расширение, совместимое с MS Word. Все буквенные обозначения на рисунках необходимо пояснить в основном или подрисуночном тексте. Подписи к рисункам и заголовки таблиц обязательны. Поскольку журнал печатается в одну краску, использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

В математических формулах греческие и русские буквы следует набирать прямым шрифтом, латинские – курсивом. Нумеровать необходимо только те формулы, на которые есть ссылки в последующем изложении. Нумерация формул сквозная.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных списка литературы. Один список литературы для русскоговорящих читателей оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (**References**) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Транслитерировать можно автоматически с помощью **translit.ru,** режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи, поступающие в редакцию журнала, проходят обязательное «слепое» рецензирование. По решению редколлегии журнала статьи могут быть отправлены автору на доработку или отклонены по формальным или научным причинам (автору направляется мотивированный отказ). Вместе со статьей авторы передают в редакцию лицензионный договор и акт передачи.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Плата за публикацию рукописи не взимается.